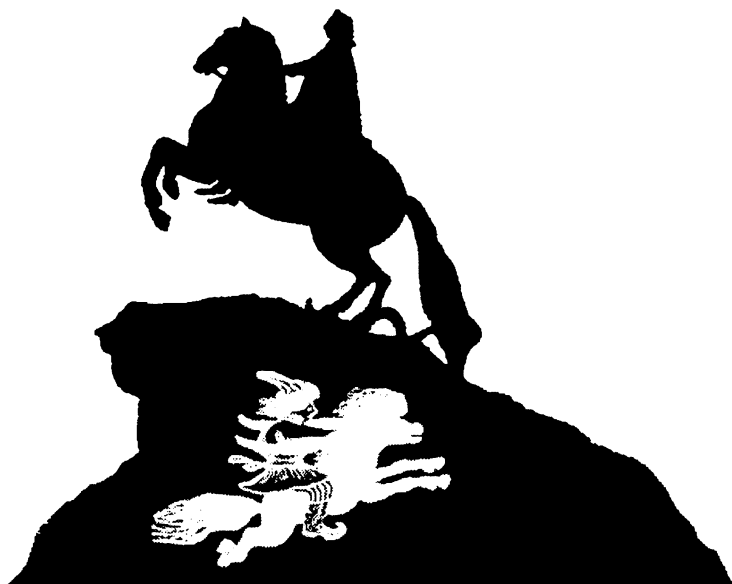

Александр ПУШКИН (?)

КОНЁК-ГОРБУНОК

РУССКАЯ СКАЗКА

Александр ПУШКИН (?)

КОНЁК-ГОРБУНОК

Русская сказка
в трёх частях

С добавлением сочинения на ту же тему,
созданного в начале XX века
С. А. Басовым-Верхоянцевым

SAM&SAM

РИК Русанова

Москва 1998

Издание подготовлено
Вадимом Перельмутером.

Замысел этой книги, возникший в 1990 г. осуществлявшийся с марта по июль 1997 г., был похищен издательствами «Сампо» и «Совпадение» и существенно искажён в их издании, вышедшем в конце 1997 г. Чтобы нейтрализовать последствия такой, мягко говоря, недобросовестности, мне пришлось несколько видоизменить и дополнить работу, предлагаемую, наконец, вниманию читателей.

Составитель

Текст «Конька-Горбунка» печатается по первому изданию. СПб., 1834 г.

Иллюстрации Евгения Гавриловича Соколова (1880–1949) выполнены в 1943 г. Художник работал по одному из позднейших изданий, поэтому использованные им стихотворные строки подчас не совпадают с публикуемыми (см. Примечания).

Остальные тексты печатаются по изданиям:

С. Верхоянцев. Конёк-Скакунок. Русская сказка. СПб., Кн-во «Ручеек», 1906

С. Лесной. Конёк-Горбунок (К 130-летию издания). Париж, Возрождение, 1964

Фотоработы Леонида Ковалёва

Оформление и макет Александра Волошина

ISBN 5-87414-119-7

© Лацис А.А. Статья, 1998

© Перельмутер В.Г. Составление, подготовка текстов, примечания, статья, 1998

Александр Лацис

ВЕРНИТЕ ЛОШАДЬ!

*«Вот конек бежит по киту,
по костям стучит копытом»
«Конек-Горбунок», часть III*

«Мы желали бы, чтоб не пропала ни одна строка Пушкина и чтоб люди, которых он называл своими друзьями, или с которыми он действовал в одних журналах, или у которых в изданиях когда-либо и что-либо помещал, — объявили о каждой строке, каждом слове ему принадлежащем... Не нашлось рукописи? Но неужели же нет других свидетельств...».

В июне 1841 года В. Белинский был озабочен судьбой произведений, которые увидели свет не просто «безымянно», а «без его имени».

«Без его имени» — понятие растяжимое. Не включает ли оно напечатанное под иными, чужими, подставными именами?

Белинский что-то слышал, о чем-то догадывался? Кого-то заподозрил? Так или иначе, он призвал всех причастных обнародовать истину. Но ни в 1841 году, ни позже никто не отозвался.

Позвольте без дальнейших обиняков попытаться восстановить одну из страниц творческой биографии Александра Пушкина. Начнем с вот какого допущения. Полномочный доверенный по части издательских хлопот, он же профессор петербургского университета, П.А. Плетнев, попросил Пушкина, вероятно и Жуковского, за одного из своих студентов. У восемнадцатилетнего Ершова летом 1833 года неожиданно умер отец. Семья осталась почти без средств к существованию. Какую работу можно было предложить? Переписку рукописей набело?

Позднее Ершов рассказывал о первых встречах с Пушкиным.

— Вы, кажется, родом из Сибири? — спросил Пушкин. — Что ж, Сибирь — страна умных людей.

Юноша, видимо, не воспринимал ни шуток, ни иносказаний. Впоследствии признался, что почему-то принял упоминание про умных людей себе в обиду...

Предполагаю, что вскоре Пушкин попросил об услуге: перед издателем, перед Смирдиным, назваться сочинителем рукописи, содержавшей сказку «Конек-Горбунок».

Наиболее близким приятелям, своим однокурсникам, Ершов не успел или не счел нужным сообщить, что пишет стихотворную сказку.

На полной писарской копии, изготовленной переписчиком, то есть Ершовым, могли оказаться пушкинские поправки. Ершов не отрицал, что в его владении остались пушкинские пометки. Но вот беда — все это он, Ершов, уничтожил.

С какой стати? Да так, в состоянии «страшной хандры». В студенческие годы вел дневник. Но и его — уничтожил.

Как и следовало ожидать, подготовленный к набору оригинал сказки не сохранился!

Издатель Смирдин сравнительно удачно провел беловик через обычную цензуру. Если б рукопись шла под именем Пушкина, пришлось бы через Бенкендорфа представлять ее на высочайшее, особо пристальное рассмотрение. Но и простая цензура слегка пощипала текст.

В 1855 году пушкинист П.В. Анненков упомянул сказку «теперь забытую. Первые четыре стиха этой сказки, по свидетельству Смирдина, принадлежат Пушкину, удостоившему ее тщательного просмотра».

Ни Смирдин, ни проживший еще 14 лет Ершов, не оспорили сообщение Анненкова о тщательном просмотре. И все же недавно один из комментаторов объявил это сообщение «литературным преданием», вопрос о достоверности коего «до сих пор не решен». Между тем, в архивном фонде Смирдина покоится им самим составленный перечень бумаг. В нем среди прочих имеется запись:

«Пушкин ... Заглавие и посвящение «Конька-Горбунка».

* * *

4 июня 1834 года было дано цензурное разрешение отдельному изданию. Чуть раньше, в апрельской книжке «Биб-

лиотеки для чтения», появилась первая часть сказки. Издателем журнала был тот же А.Ф. Смирдин, редактором — О.И. Сенковский, цензором — еще один профессор университета, А.В. Никитенко, как и Плетнев, знавший Ершова.

Автором неподписанных редакционных сопровождений обычно считался редактор. Впрочем, Сенковский не отличался склонностью к похвалам, а восхваление на сей раз оказалось чрезвычайно энергичным.

«... Читатели сами оценят его достоинства, — удивительную мягкость и ловкость стиха, точность и силу языка, любезную простоту, веселость и обилие удачных картин, между которыми заранее поименуем одну, — описание конного рынка, — картину, достойную стоять наряду с лучшими местами Русской легкой поэзии.»

Нынешние специалисты, ершоведы, упоминание про «точность и силу языка» опускают безо всякой оговорки. Если сообразили, что насчет «точности языка» лучше промолчать — они правы! Но не менее основательно и противоположное мнение: похвала (допустим, что Сенковского) была совершенно справедливой.

Вся хитрость в том, что Сенковский и наши служивые современники оценивали далеко не одинаковые тексты сказки.

В одной из статей 1835 года В. Белинский задел каких-то «знаменитостей, выдуманных и сочиненных наскоро самою «Библиотекою»...

На кого намекал Белинский? Далее он продолжил ход мысли:

«А чем ниже Пушкина и Жуковского... Ершов?»

Согласимся с отзывом Белинского. Именно Ершов — фигура «наскоро сочиненная», «выдуманная». И нет оснований ставить «Конька-Горбунка» ниже других сказок Пушкина и Жуковского.

Начертал ли Ершов на книжке журнала кому-то из участников сего сюжета — Плетневу, Пушкину, Сенковскому, Никитенко, Смирдину — положенные любезные слова «От Сочинителя»? Или же ничего подобного в голову не пришло? Рука не поднялась?

Итак: нет у нас черновиков Ершова. Нет его белой рукописи. О сочинительстве ничего не знали его ближайшие приятели по университету. И не обнаружено ни одной дарственной надписи сего автора на первом появлении «Конька». Значит, версия о том, что Ершов был взыправдашним автором, остается не подкрепленной.

А пока эта гипотеза остается недоказанной — мы, собственно говоря, не обязаны «убедительно» опровергать нечто не существующее, пустоту, пустышку.

* * *

Должность учителя в Тобольской гимназии исхлопотал Ершову не то Сенковский, не то Никитенко. Летом 1836 года Ершов вернулся в Тобольск. С его ведома, но без его поправок, уже не в Петербурге, а в Москве — последовали второе и третье издания. Каждое из них «печатано с издания 1834 года без исправления».

Через три или четыре года после кончины Пушкина Ершов надумал востребовать у Сенковского недополученную семь лет назад часть журнального гонорара. Сенковский ответил резко, и, вроде бы, не по существу. Ершов-де, там, в Тобольске, не бедствует, по протекции Сенковского состоит на службе, получает порядочное учительское содержание, этого «с него очень довольно». «Ничего не следовало получить и не будет следовать». Таким образом, между строк, но довольно внятно, бывший студент был обозван нахальным попрошайкой. Не удивительно, что Ершов в письмах к приятелям принялся поносить Сенковского.

По прошествии времени Ершов повел длительные переговоры с преемником Смирдина, с П.А. Крашенинниковым, о новом, о четвертом издании. В конце концов, в 1856 году, оно состоялось. И тут-то, через двадцать лет после кончины Пушкина, появилось обозначение: издание, «вновь исправленное и дополненное».

* * *

В текстологии господствует обычай: при разночтениях редакторы обязаны считаться с «последней авторской волей». Поскольку формальным автором продолжает признаваться Ершов — почти во всех советских публикациях (их более двухсот) сказка печатается по тексту «исправленных и дополненных» изданий.

В наше время — в 1976 и 1989 году — предпринимались попытки собрать воедино остальные, собственно ершовские произведения. Еще не все опубликовано, ибо уровень по преимуществу посредственный.

Впечатление такое, что ни в чем худом не повинный чело-

век попал в ложное положение. Он считал своей обязанностью поддерживать свалившуюся на него репутацию. Многие жанры перепробовал, ни на чем определенном не остановился. Когда старался сочинить что-либо шутливое, взамен остроумия получались вымученные, нарочитые колкости. Когда же нельзя было не отозваться на высокую тему — появлялось нечто выпенренное. Разве не таковы заключительные строки напечатанного в 1837 году стихотворения, посвященного кончине Пушкина?

*Он легок — как ветер пустынный,
Он тяжек — как меч славянина,
Он быстр — как налет казака.
В нем гений полночной державы...
О, где вы, наперсники славы?
Гремите!.. Вам внемлют века!*

Впрочем, подлинный П.П. Ершов, при всей своей бесцветности, ничуть не хуже нынешних сочинителей торжественных од.

Все специалисты признают, что после «Конька» Ершов не создал ничего равноценного. При этом ссылаются на служебные неприятности и семейные невзгоды. Но что из того следует? Только то, что не хватало характера, отсутствовала одержимость поэтическим призванием.

* * *

Сравним строки, извлеченные из первого издания. И тот же фрагмент, как он печатается ныне. Читатели угадают без труда — где пушкинский текст, а где «исправление».

<i>Мужички такой печали От рожденья не видали, Стали думать да гадать — Как бы вора им поймать, И решили всенародно: С ночи той поочередно Полосу свою беречь, Злого вора подстеречь.</i>	<i>Мужички такой печали Отродясь не видали; Стали думать да гадать — Как бы вора соглядать; Наконец себе смекнули, Чтоб стоять на карауле, Хлеб ночами поберечь, Злого вора подстеречь.</i>
---	---

Возможно, и сегодня не всем по душе оборот «решили всенародно». Найдутся те, кто «себе смекнули, чтоб стоять», и

примутся уверять, что переработка обнаруживает «еще большее мастерство». Они укажут на сибирские речения, которые вряд ли могли быть известны Пушкину. Неуклюжие выражения, сдвиги ударений они объяснят стремлением приблизить «изложение к народно-разговорной речи».

Немало странного, косноязычного и чуждого грамоте вписано в позднейшие издания. Не было у Пушкина «принесли с естным лукошко», «уши в загреби берет», «побегай в дозор, Ванюша», «Кобылица молодая, Очью бешено сверкая...»

А что было? Простота и точность. «Кобылица молодая, Задом, передом брыкая...». «Взяли хлеба из лукошка». «Крепко за уши берет». «Ты поди в дозор, Ванюша».

У Пушкина конек разговаривает по-человечьи. Ну, а в четвертом издании подсыпано реализма: вместо «Тут конек его прервал» читаем «Тут конек ему заржал».

«Чудо разом хмель посбило», «натянувшись зельно пьян», «некорыстный наш живот», «Починивши оба глаза. Потирая здесь и там», «Кто-петь знает, что горит», «переться», и с «сердцов» — все это ершовизмы, плоды сплошной ершовизации.

Приведем тот отрывок, который был особо похвален в сопроводительной заметке «Библиотеки для чтения».

*В той столице был обычай,
Коль не скажет городничий, —
Ничего не покупать,
Ничего не продавать.
Вот ворота отворяют,
Городничий выезжает,
В туфлях, в шапке меховой,
С сотней стражи городской.
Рядом едет с ним брадатый,
Называемый глашатай;
Он в злату трубу трубит,
Громким голосом кричит:
«Гости! Лавки отворяйте,
Покупайте, продавайте;
Надзирателям — сидеть
Подле лавок и смотреть,
Чтобы не было содому,
Ни смятенья, ни погрому,
И чтобы купецкой род
Не обманывал народ!*

Отрывок хорош? Однако, в нем есть неблагонадежное слово «смятенье». И не усмотрит ли тут цензура обиду для всех купцов, для всего купеческого сословия? Видимо, во избежание подобной опасности Ершов подменил последние строки:

*Ни давежа, ни погрому,
И чтобы никои урод
Не обманывал народ!*

* * *

Есть и в первопечатном тексте слова и сочетания малоупотребительные, старинные. Но вот что примечательно: «дозорные» и «караульные» в бесспорно пушкинских произведениях встречаются единственный раз. В повести «Дубровский», на одной и той же странице, в XIX главе.

Соседствуют они и в сказке. Что же было написано раньше?

XIX глава — заключительная, она помечена началом февраля 1833 года. Если верно, что сказка датируется 1834 годом, значит, оба слова извлечены из повести. При жизни Пушкина повесть не печаталась. Остается предположить, что автор сказки и повести — одно и то же лицо.

Начиная с первого издания «Конька», то есть в пушкинском тексте, читаем: «Как пуцусь да побегу, Так и беса настигу».

Столь необычное ударение — не ошибка, не произвол, а свидетельство: автору, то есть Пушкину, запомнилось далеко не всем известное произведение сатирической поэзии XVIII века. Такое ударение, и ту же рифму применил в 1766 году Василий Иванович Майков в «Нравоучительных баснях». У Пушкина имелось выпущенное в старинном кожаном переплете издание 1809 года. В нем читаем:

*И сам я побегу,
И господина настигу.*

* * *

Один прилежный исследователь, стремясь отстоять творческую самобытность Ершова, и, видимо, чувствуя нехватку доводов, вот до чего договорился: «Преодоление сибирских просторов на лошадях для жителей Зауралья было обыденным

просторов на лошадях для жителей Зауралья было обыденным делом.»

Простите, но Пушкин, хотя и не был жителем Зауралья, тоже немало верст преодолел.

В письме к жене от 21 августа тридцать третьего года находим нечто вроде фактической справки:

«Из старых моих приятельниц нашел я одну белую кобылу, на которой я съездил в Малинники; но и та уж подомно не пляшет, не бесится...»

Не о том ли вскорости читаем в «Коньке»?

*Кобылица молодая,
Задом, передом брыкая,
Понеслася по полям,
По горам и по лесам;
То заскачет, то забьется,
То вдруг круто повернется;
Но дурак и сам не прост,
Крепко держится за хвост.*

Вот что обещала Ивану укрощенная им «кобылица молодая»:

*По исходе же трех дней
Двух рожу тебе коней...
Да еще рожу конька
Ростом только в три вершка...
Первых ты коней продай,
Но конька не отдавай.*

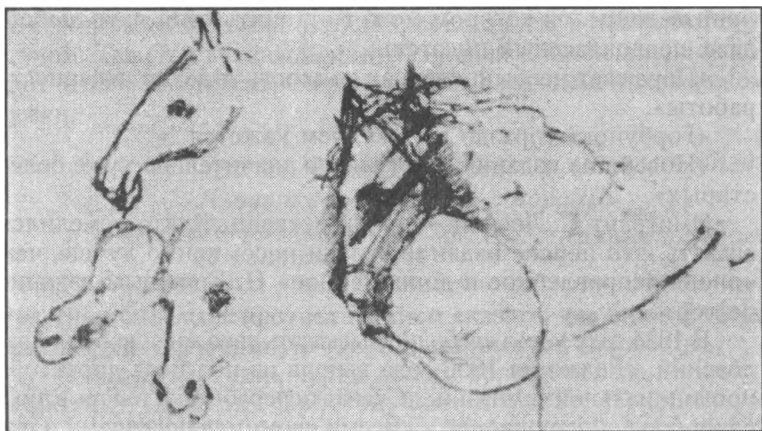
Один из пушкинских рисунков с недавних пор сопровождают весьма произвольным определением: «Автопортрет в облике лошади».

Что ж, поучастуем в полете фантазии, и по поводу того же рисунка предложим иную, не менее неожиданную разгадку.

Справа — лошадь объезженная, в сбруе. Слева — еще три конские морды. Верхняя и нижняя — лошади, как лошади. А третья, та, которая между ними, на наш взгляд — вылитый конек-горбунок.

И если это — Пушкин, то в виде конька-горбунка!

Как понимать сей графический каламбур? Здесь запечатлен замысел будущей сказки? Или иллюстрация, автокомментарий? Или, наконец, тайнопись, свидетельство о подлинном авторстве? «Но конька не отдавай».

* * *

Обозначим одну из возможных причин сокрытия имени автора. В «Библиотеке для чтения», только не в апрельской, а в мартовской книжке, печаталась «Пиковая дама». Приходилось считаться с тем, что публика не в состоянии по достоинству оценить столь широкое творческое многообразие.

Полного объема свершений мы и сейчас не знаем и пребываем в убеждении, что болдинская осень — нечто из ряда вон выходящее. И только тогда, когда Пушкину вернут права на все им созданное, начнем привыкать к мысли, что болдинское изобилие было скорее правилом, чем исключением.

Смею полагать, что немалое число читателей, не особенно вникая в цепочки догадок, что называется, нутром чувствуют: сказка — пушкинская. Им достаточно сослаться хотя бы на виртуозную игру слов.

*Наш отец-старик не может,
Работать совсем не может.*

* * *

Зарубежный литературный критик Сергей Лесной по справедливости восхвалил «Конька» в парижском журнале «Возрождение» (1964, № 153).

«Это лучшая русская сказка в стихах. Она бессмертна».
«Великолепен, образен и легок ее язык. Это образцовое

произведение, на котором может отточить свой вкус любой, даже первоклассный писатель».

«Поражает необыкновенная тонкость отделки, ажурность работы».

«Горбунок» гораздо глубже, чем кажется...»

«Новейшие издания текстуально значительно хуже более старых».

Эмигрант С. Лесной — не единственный, кто осмелился сказать, что первое издание сказки несомненно лучше, чем «вновь исправленное и дополненное» П. Ершовым издание четвертое.

В 1934 году успел свободно высказать свое мнение М.К. Азадовский. «Редакция 1856 года вышла из под пера директора провинциальной гимназии. ...Сказка переработана теперь в духе официальной народности.» «Всеми своими переделками и поправками Ершов все же не в силах был вытравить ее бодрый и жизнерадостный дух.»

Пришедшие на смену литературоведы штатные и сверхштатные все, как один, твердили: «Четвертое издание сказки обнаруживает более глубокое знание автором специфики русской сказочной поэзии...»

* * *

Почему нынешние дозорные, караульные и градоначальники не расположены внимать самоочевидным истинам? Почему отдается предпочтение исковерканному варианту?

Одно заветное желание Ершов уловил и исполнил. По меньшей мере раз двадцать исключил то слово, от которого во все времена мрачнели начальствующие лица.

Начиная с четвертого издания Ершов принялся заменять озорное и для разумных людей вовсе не обидное слово «дурак». Эта расчистка — не стилистическая. Она проделана по случаю изменения замысла.

Самостоятельно или уступая требованиям цензуры, Ершов принял решение: как можно реже допускать, чтоб Ивана именовал дураком сам Иван или кто-либо из других положительных персонажей. Носители злого начала — только они могут постоянно проезжаться на счет Ивана.

«Вновь исправленное» слово «дурак» отогнано на задворки. Не этим ли подвигом П.П.Ершов заслужил режим наибольшего благоприятствования?

А позволявший себе вольности, да еще состоявший в ма-

сонской ложе Пушкин окружен, остановлен, припечатан сургучом. Так будет с каждым, кто склонен к насмешке, к неподсчетной властям игре воображения, с каждым, кто слишком умен.

*«Эй, вы черти босоноги!
Прочь с дороги! прочь с дороги!»
Закричали усачи
И ударили в бичи.*

Вряд ли будет преувеличением сказать, что бичи и усачи надвое рассекли единую ткань пушкинского творчества.

Между тем, какие черты своего облика передал коньку-горбунку Пушкин? Простодушие. Доброту. Неизбывную жизнерадостность. И что-то еще. Избыток сил, способный превращать обыденную жизнь в приключения, подвиги, сплошные чудеса...

* * *

По причине своей бесталанности студент Ершов не мог быть подлинным автором «Конька-Горбунка». Но чем доказать, что подставная роль студента была известна Пушкину?

В поисках ответа нам предстоит заняться рассмотрением состава личной библиотеки Александра Пушкина. Вскоре убеждаемся, что даже простое перечисление названий может дать существенный результат. 13 апреля 1837 года посмертной пушкинской Опекой была закончена «Опись, составленная всем вообще книгам, оказавшимся в библиотеке А.С.Пушкина, на двадцати трех номерованных листах».

Сто лет спустя, в 1934 году, Л.Б.Модзалевский (младший) отозвался отрицательно: «Из описи нельзя составить никакого впечатления о том, в каком порядке или системе Пушкин хранил на полках свои книги...»

Впадая с собой в противоречие, Модзалевский на той же странице утверждал противоположное: «опись... отражает непосредственную запись книг прямо с полок».

Конечно, жаль, что опекунская опись не была топографической. Жаль, что не указан шкаф, полка, а на ней — передний ряд, и книги, стоявшие позади. Но все же соблюдалось определенное направление осмотра. В тексте описи имеется пометка: «по стене слева». Значит, чередование записей было не вовсе хаотическое.

Когда Модзалевский-сын, Модзалевский-младший преувеличивал недостатки опекунской описи, он тем самым повышал значение другого описания. Как известно, в 1910 году увидел свет каталог библиотеки Пушкина, составленный его отцом, Модзалевским-старшим. За «опекунской описью» утвердилась репутация документа небрежного, малополезного. На сем основании опись 1837 года остается не изданной, не изученной полностью. Из нее опубликована — все тем же Модзалевским-младшим — небольшая выборка:

«Книги, бывшие в библиотеке Пушкина и не сохранившиеся».

Ради того, чтоб приспособить эти выписки к каталогу Модзалевского, они были перетасованы, размещены в алфавитном порядке.

Вернемся к первоначальной нумерации, к той, которая дана в описи Опеки 1837 года. Сразу выясняется, что следы избранной Пушкиным расстановки книг сохранились. В частности был, не мог не быть, отдел справочных изданий. В нем находились атласы, карты и различные словари: греко-русский, франко-латинский, немецко-чешский, многие другие. Особенно хранились русские журналы. Имелся также отдел церковных книг.

А теперь взглянем на то, что вполне могло создать впечатление полнейшего беспорядка. Вперемешку соседствуют шуточные стихи, повесть, очерки, деловая проза. Но что-то, все же, их объединяет?

№ 739 — «Описание моста на Висле». За кратким заглавием скрывается не обозначенный автор — В.И. Даль.

№ 740 — Сцены из петербургской жизни. Укрытый тремя буквами «В.В.В.» — В.М. Строев.

№ 746 — Андрей Безыменный, повесть. Неизвестный автор — А.О. Корнилович.

№ 748 — Собрание стихотворений. Опять-таки не назван автор — И.П. Мятлев.

В то время — и по сию пору — знатоки книг сверялись с парижским четырехтомным каталогом Антуана Барбиера «Словарь произведений анонимных и псевдонимных, сочиненных, переведенных, или напечатанных на французском и на латыни».

После кончины Антуана Барбиера дело его жизни продолжил Жозеф Кверар. В качестве предисловия к «Разоблачению литературных обманов» Кверар поместил письмо к

московскому знатоку и покровителю, благодаря чьей щедрой помощи стало возможным осуществить издание.

Кто был не названный по имени русский библиофил? Полагаю, что никто иной, как С.А. Соболевский.

Кстати, именно он, Соболевский, объяснил Пушкину, что, переводя «Песни западных славян», наш поэт принял за подлинник мистификацию, принадлежащую Просперу Мериме.

В апреле 1834 года С.А. Соболевский совместно с поэтом разбирал и упорядочивал домашнюю пушкинскую библиотеку. Как замечает позднейший биограф, «в этом деле Соболевский был незаменим». Биограф, В.В. Кунин, особо подчеркивает, что свои способности Соболевский употребил «на библиографическое оснащение творческих усилий писателей...»

Мысль о том, чтоб выделить в специальный отдел всевозможные «барбиеризмы» скорее всего принадлежала знатоку анонимных тиснений. Так или иначе, напрашивается вывод: в данном отрезке опекунской описи перечислены различные маскированные издания. Мы называли номера 739 и 740. Читаем соседнюю запись. № 741. «Конек-Горбунок» Ершова.

Выходит, что эта сказка, изданная в 1834 году, сразу была поставлена на полку, предназначенную для различных литературных мистификаций!

Последующие, не включенные в выборку Л.Б. Модзалевского номера, заняты книгами, сохранившимися в составе библиотеки. Не окажутся ли какие-то из них опровержением всей цепочки догадок?

Ученый хранитель Пушкинского фонда Т.И. Краснобородько любезно сообщила: «в опекунской описи под интересующими вас номерами числятся следующие книги...»

Так выяснилось, что в том десятке номеров — с номера 739 по 748 — в который входит «Горбунок», почти все книги соответствуют нашим догадкам.

Однако два-три случая, казалось бы, непоправимо портят благополучную картину.

№ 743. Краткое описание дел Петра Великого.

В каталоге Модзалевского автором назван Тимофей Полежаев. Но в каталоге то ли небрежность, то ли ошибка. Тимофей Полежаев — не автор, а позднейший издатель. Подлинный автор на книжке не обозначен. И потому данный пример работает не на опровержение, а на подтверждение наших догадок.

Из-за ошибки Модзалевского самые дотошные исследователи не смогли разыскать книжку «Т. Полежаева» и вник-

нуть в судьбу находившегося у Пушкина экземпляра. Но если впоследствии ошибся Модзалевский — то не мог ли Пушкин впасть в ту же ошибку?

Есть возможность доказать, что Пушкину имя истинного автора — П.Н. Крекшина — было известно.

После кончины поэта министр Нессельроде обратился к Бенкендорфу, просил вернуть рукописи, взятые на дом из государственного архива. В черновике запроса Нессельроде упоминает, в числе прочих, «рукопись П.Н. Крекшина».

Но почему упоминание о Крекшине не вошло в беловой текст письма министра? Очевидно, выяснилось, что Пушкин успел вернуть рукопись.

Зачем же Пушкину она спервоначалу понадобилась? По всему вероятно, когда он брал рукопись домой, он еще не знал о существовании книжки! А затем, в середине октября 1836 года, М. Корф прислал обширную библиографию — список книг о деятельности Петра. В числе прочих, в ней-то и поименовано «Краткое описание славных и достопамятных дел...»

Пушкин сразу ответил: «Большая часть... мне неизвестна. Употреблю всевозможные старания, чтобы их достать».

Стало быть, Пушкин, приобретая безымянно изданную книжку, заранее знал имя ее автора.

В разряд анонимов — опять-таки только на первый взгляд — не вмещается и следующее издание.

№ 744. Шахматный анализ Филидора.

Но прочитаем заглавие полностью. Перед нами «новейшее издание», осуществленное с изменением способа нотации автором «Шахматных стратагем». А кто это? Опять-таки псевдоним. Его фамилия — Монтиньи — указана в каталоге Антуана Барбиера!

Впрочем, первоначальный автор, Филидор, согласно каталогам Барбиера и затем Кверара, тоже псевдоним! Его родовая фамилия была Даникан.

Вдавался ли Пушкин во все эти подробности? Не обязательно. Достаточно предположить участие С.А. Соболевского.

Итак, мы убедились, что вся десятка книг, без единого исключения, состоит из изданий анонимных, псевдонимных или мистифицирующих.

Но как только мы выйдем за пределы десятка (№№ 739–748), мы тут же споткнемся.

№ 749. Стихотворения крестьянина Егора Алипанова.

Фамилия не вымышленная, подлинная. Если допустить, что № 749 попал не в свою компанию, тогда мы обязаны такое же предположение распространить и на № 741.

Остается надеяться, что в книжке Алипанова есть какие-то свои занятные секреты.

Что же мы видим? Во-первых, как в случае с Филидором, в роли анонима выступает... издатель! Предисловие «От издателя» подписано двумя буквами: «Б.Ф.». Б.Ф. — журналист, которого все звали Борька Федоров.

Во-вторых, в этой книжке напечатаны, среди прочего, стишки, сочиненные вовсе не Алипановым, а маленьким мальчиком, по имени Николенька. Сочинитель Николенька, которому всего лишь шесть лет — это сынок издателя. Он же в книжке торжественно величается «Николай Борисович Федоров».

Еще раз отметим, что ни на одном из сохранившихся экземпляров отдельного издания «Конька-Горбунка» 1834 года никакой дарственной надписи нет, как не было ее и на журнальной публикации.

Само собой разумеется, что мнимый, подставной автор не мог преподнести Пушкину его собственное, пушкинское сочинение.

И совершенно неправдоподобна, необъяснима обратная ситуация. Как мог студент Ершов, если допустить, что он и есть подлинный автор, если допустить, что Пушкин ему помог с изданием и вроде бы кое-что подправил — как мог сей предполагаемый автор не выразить при помощи надписи свою признательность?

Остается единственный признак, по которому затесался в десятку анонимов и псевдонимов не подписанный «Конек». Он находится на своем месте, в числе литературных мистификаций.

* * *

Что из того следует? Пусть продолжает издаваться, изучаться, приносить ученые степени принадлежащий П.П. Ершову «Конек-Горбунок». В его, Ершова, обработке, то есть по тексту 1856 года.

И пусть на равных правах с пятью наиболее известными сказками Пушкина, с ними заодно, печатается пушкинская редакция «Конька-Горбунка». В точности воспроизводящая издание 1834 года. Всякому свое.

Известная поговорка гласит: «Когда двое говорят одно и то же — это далеко не одно и то же». Вот почему при перемене имени автора меняется смысл. Проступают сокрытые в глубине значения. Не те ли, о коих упоминала Анна Ахматова? «Бутафория народной сказки служит здесь для маскировки политического смысла».

* * *

*Куда ты скачешь, гордый конь,
И где опустишь ты копыта ?*

Знакомо? Еще бы: «Медный всадник. Петербургская повесть».

Что означают слова «петербургская повесть»? Неужели всего лишь то, что действие происходит в Петербурге, и что статуя стоит на площади? Не похоже на Пушкина, чтоб он тратил слова попусту.

Всякое утверждение содержит в себе отграничение, противопоставление, отрицание.

Повесть, а не что? Не сказка.

Петербургская, а не российская.

Столичная, а не народная.

Какое там, в «Медном всаднике», основное противостояние? Государство и личность.

На чьей стороне Пушкин? Об этом спорят давно, в равной степени доказательно, в равной степени неубедительно. Права отдельно взятой личности тогда, в 1833 году, по преимуществу тема столичная.

Пушкин не свои взгляды излагает, а различные убеждения, бытующие в петербургском обществе. Вот как Пушкин пересказывает общепринятую, «петербургскую» точку зрения на историю.

*О мощный властелин судьбы!
Не так ли ты над самой бездной
На высоте, уздой железной,
Россию поднял на дыбы!*

А вот строки забытые, упущенные из виду.

*Конь поднялся от Земли,
Под ногами — лес стоячий,
Облака над ним ходячи...*

Где отыскиались эти строки? В первопечатной редакции «Конька-Горбунка». Тут не пародия на «Медный всадник», а своего рода противовес, как выражались древние эллины — «антифон», другая половина хора. На одном коне — Петр Великий, или его воплощение, горделивый истукан, на другом коне, на Горбунке — Иван-дурак.

Неподвижная мощь государства и вольная воля народа — вот силы, которые приходят в соприкосновение, в столкновение на страницах сказки.

Страной правит отжившая, беззубая, седая власть. Скоро завершится очередной династический цикл. Он достигнет рокового, предельного возраста — семидесяти лет, и царствование упадет в бурлящий, в кипящий котел. А пока что страна тяжело страдает от неподвижности. От крепостничества? Не только. Многие беды от того, что государство, оно же чудо-юдо рыба-кит, заглотнуло три десятка кораблей с парусами и с гребцами. Заключение находятся в китовой утробе уже десять лет. И пока они не будут освобождены — ничто не сдвинется с места.

Чудо-юдо рыба-кит лежит поперек моря-окияна. И никуда не может повернуться преграда, остановившая всякое движение, любой прогресс.

Сотни раз печатали «Конька-Горбунка» под рубрикой «детская сказка», на уровне издательства «Малыш». Сказку давно бы вернули по принадлежности, Пушкину, — если бы не следовала за этим опасность проникновения в авторский замысел.

Пушкин про десять лет не случайно упомянул. В 1834 году минуло девять лет со дня мятежа на Сенатской площади.

Соответствующие выдержки приводим в редакции 1834 года.

*Мы приедем на поляну —
Прямо к морю — окияну;
Поперек его лежит
Чудо-юдо рыба-кит;
Десять лет уж он страдает,
А доселева не знает,
Чем прощенье получить...*

*Все бока его изрыты,
Частоколы в ребра вбиты...
Он, бедняк, меня просал,*

*Чтобы я тебе сказал:
«Скоро ль кончится мученье?
Чем сыскать ему прощенье?
И за что он тут лежит?»
Месяц ясный говорит:
«Он за то несет мученье,
Что без Божия веленья
Проглотил он средь морей
Три десятка кораблей.
Если даст он им свободу,
То сниму с него невзгону...»
Чудо-кит поворотился,
Начал море волновать
И из челюстей бросать
Корабли за кораблями
С парусами и гребцами.*

Остается признать очевидное. Никакие власти не разрешили бы прославленному певцу вольности обнародовать его сокровенные думы. С «Ершовым» цензура сделала промашку, но затем спохватилась. На протяжении тринадцати лет запрещалась дальнейшая перепечатка произведения, которое, мол, не соответствует «современным понятиями и образованности».

Так продолжалось до кончины царя Николая (1855), до начала эпохи русских реформ. А первый указ Александра II был указ об амнистии, о возвращении декабристов.

К сожалению, задолго до того, в минуту «страшной хандры», то есть с перепугу, Ершов уничтожил бумажные следы участия Пушкина. Ершов устранял и, так сказать, стилистические улики. Он открещивался от достойного литературного уровня.

Вместо «Перстень твой, душа, сыскал», появилось «Перстень твой, душа, найдён». Вместо «Если ж нужен буду я» — «Если ж вновь принужусь я». Косноязычие и неблагозвучие плодилось и множилось. Например — «приподнявшись».

Прошло сто лет. И нашлись умельцы усматривать в подобной маскирующей правке возросшее мастерство. В чем? «В творческом использовании художественных приемов народной сказки».

Впрочем, столь несообразные похвалы делались в те годы, когда чудо-юдо рыба-кит вновь был частоколами изрыт и лежал поперек дороги. Исторические науки, наравне со мно-

гими кораблями, парусами и гребцами, были обречены на неподвижность. И не позволялось спросить: «Куда ты скачешь, Горбунок?»

* * *

У нашего построения есть недостаток: мало того, что оно неправдоподобно, оно еще и невозможно.

Это что же выходит? Поднадзорный поэт Пушкин доверяется незнакомому студенту и привлекает его к тайным уловкам, к тому, чтобы обойти цензуру, Бенкендорфа, да еще и высшего цензора, императора Николая.

Даже с Плетневым поэт не мог обсуждать никакие противоправные умыслы. Характер Плетнева и его придворное положение исключали возможность обдуманного слушания, неподчинения властям. Между тем, познакомивший Ершова с Пушкиным П.А. Плетнев — та фигура, на которой держится весь сюжет.

Почему же Плетнев не заподозрил никакой недозволенной подоплеки? В единственном случае он мог быть совершенно спокоен: если весь замысел исходил от ... самого Плетнева!

Зададимся вопросом, который обсуждался не раз. Если Пушкин — Моцарт, то в ком были черточки Сальери? Кто был труженик, преданный искусству, заучивший правила, наделенный высоким дарованием, зато склонный к поучениям, повторявший — «Ты, Моцарт, недостойн сам себя!»

Называли — совершенно напрасно — Баратынского. Называли Вяземского. Даже в Пушкине, поскольку он уважал секреты мастерства и трудился прилежно, пытались отыскать штрихи сальеризма.

Плетнева во внимание не принимали: он казался уж слишком бесцветным. Но Плетнев, которому Пушкин предоставил право перемещать знаки препинания, вероятно не раз превышал полномочия и произносил что-нибудь вроде «Ты, Пушкин, недостойн сам себя!» или «Недостойно Александра Пушкина!». Петр Александрович был при Пушкине на правах личного редактора, казначея и советчика.

«Я был для него всем: ... и другом, и издателем, и кассиром. ... Ему вздумалось предварительно советоваться с моим приговором каждый раз, когда он в новом сочинении своем о чем-нибудь думал надвое».

Перечитайте переписку Плетнева с Гротом. Оказывается, мнения Плетнева неустойчивы, его оценки меняются в зави-

симости от того, что люди говорят. Он судит размахисто, но всякий раз под влиянием только что услышанного. В конце концов Грот избавился от иллюзий и перестал ждать от Плетнева каких-либо самостоятельных суждений.

* * *

Первая из сказок в народном духе — о царе Салтане, а за ней вторая — о мертвой царевне — были напечатаны Пушкиным под своим именем. Вот что гласила недобрая молва, она же общее мнение.

Зачем автор «Евгения Онегина» и «Полтавы» взялся перекладывать в рифмы народные сказки? Пусть простонародные сказки печатаются в своем первоизданном виде.

Пусть поэт создает свое, а не пробавляется пересказами.

Даже Виссарион Белинский поддался распространившемуся брюзжанию. В газете, так и называвшейся «Молва», он писал в конце 1834 года: «... судя по его сказкам мы должны оплакивать горькую, невозвратную потерю». «Пушкин теперь так мало народен, когда решительно хочет быть народным; странно видеть, что он теперь выдает нам за нечто важное то, что прежде бросал мимоходом, как избыток или роскошь».

По всему вероятно, Плетневу показалось, что публика и впредь не сумеет позволить Пушкину-поэту выходить за рамки, очерченные «Онегиным» и «Полтавой». А посему, чем выступить с еще одной сказкой, не лучше ли взяться за продолжение «Онегина»?

О том есть свидетельство, оставленное поэтом. «Ты мне советуешь продолжать Онегина, уверяя меня, что я его не кончил». Затем о том же в стихах:

*Ты мне советуешь, Плетнев любезный,
Оставленный роман наш продолжать...
... Привалит публика, платя тебе за вход,
(Что даст тебе и славу и доход).*

В подтверждение особой роли Плетнева в судьбе «Горбунка» приведем выдержку из позднейшего — 1851 года — письма к нему П.П. Ершова. «Книгопродавец... сделал мне предложение об издании «Конька». ... Я писал к нему, чтобы он доставил Вам рукопись и всякое Ваше замечание исполнил бы беспрекословно».

Стало быть, Ершов признавал, что суждения Плетнева о тексте «Конька» важнее, чем собственное мнение Ершова.

Почему же Плетнев, много лет спустя, после кончины Бенкендорфа, Уварова, царя Николая, не раскрыл всю подноготную?

Было бы не очень красиво ставить П.П. Ершова в то неловкое положение, которое создал сам Плетнев. Претензии возникли бы не только моральные. Потомственная купчиха, Наталия Николаевна немедленно потребовала бы возвратить денежки.

Кроме того, ординарный член Академии наук и ректор столичного университета не мог подорвать свою солидную репутацию и признать, что принимал участие в презабавном приключении, в обмане неусыпной цензуры.

Плетнев не участвовал в преддвуэльных интригах. Но с литературным наследием Пушкина, во избежание скандальных финансовых претензий вдовы, он счел себя вынужденным обойтись не лучшим образом, и, сам того не желая, очутился в положении посмертного Сальери. Возможно, что были и другие подменные сюжеты, еще более невероятные и для самого П.А. Плетнева еще более неудобные.

Подобные затеи могли увлечь Пушкина по многим причинам. Во-первых, ему была присуща страсть к созиданию тайн, розыгрышей, мистификаций.

Во-вторых, таким способом удавалось обойти некоторые неудобства, вызванные семейным положением. Человеку взрослому, привыкшему к самостоятельности, надо было время от времени (то есть не однажды!) восполнять денежные запасы, неподотчетные домашним властям. Позднее Авдотья Панаева записала услышанный ею в 1840 году рассказ книгопродавца Смирдина: «Я пришел за рукописью и принес деньги-с; он поставил мне условием, чтобы я всегда платил золотом, потому что их супруга, кроме золота, не желала брать денег в руки. Вот-с Александр Сергеевич мне и говорит, когда я вошел-с в кабинет: «Рукопись у меня взяла жена, идите к ней, она хочет сама вас видеть...»

«— Я вас для того призвала к себе, чтобы вам объявить, что вы не получите от меня рукописи, пока не принесете мне сто золотых вместо пятидесяти... Муж мой дешево продал вам свои стихи. В шесть часов принесете деньги, тогда и получите рукопись... Прощайте...»

«...И они сказали-с мне: ... Нечего делать, надо вам ублажить мою жену... Я с вами потом сочтусь».

Значит, Пушкин как бы взял кредит, получил деньги вперед. Как же он намеревался рассчитаться? За неимением свободных денег — товаром, очередной рукописью, на сей раз утаенной от супруги.

При сем окончательном расчете было бы не худо получить заодно еще и кое-какую наличность. Ее можно отдать на хранение «казначею» — Плетневу. Или пойти перекинуться в карты.

«По мне — лучше умереть, чем не играть в карты!» — ответил Пушкин заезжему английскому путешественнику, вопрошавшему с укоризною: зачем, де, столь известный поэт тратит время на игру в карты...

В таком случае, печатание под прикрытием подставного автора должно оказаться не из ряда вон выходящим событием, а уловкой, повторенной многократно. С точки зрения Плетнева — дело семейное, дело привычное.

Быть может, невозмутимо честные компьютеры, проделав машинный анализ текстов, откроют будущим поколениям трудно доказуемые секреты Александра Пушкина. И тогда возможные версии превратятся в неоспоримый, неизбежный факт.

А пока что ограничимся присказкой из «Конька-Горбунка». «Впрочем, все благополучно». И полюбуемся на мастерски подобранный эпиграф:

*Скоро сказка сказывается,
А не скоро дело делается.*

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Дабы не оставлять читателей во власти сумбура впечатлений, попробую заблаговременно подкрепить свои догадки. Пожалуй, я чрезмерно возлагал надежды на самодовлеющую силу логики. К сожалению, не все читатели стремятся вникать во все хитросплетения, расставленные на пути к истине. Многие ограничиваются беглым просмотром. В затруднительных, спорных случаях они, как правило, на той стороне, где больше известных фамилий.

А посему, обращаюсь за поддержкой непосредственно к Александру Пушкину. Уловки, которые я здесь рассматривал издалика, поэт изложил напрямик, в тщательно отделанных стихах.

Почему же сии строфы он не опубликовал, исключил их из состава «Домика в Коломне»? Не потому ли, что оставил за собой возможность прибегнуть к занятым литературным проказам?

*Здесь имя подписать я не хочу;
Порой я стих повертываю круто,
Все ж видно, не впервой я им верчу,
А как давно? Того и не скажу-то...*

*Покамест, можете принять меня
За старого обстрелянного волка
Или за молодого воробья,
За новичка, в котором мало толка.
У вас в шкапу, быть может, мне, друзья,
Отведена особенная полка —
А может быть, впервой хочу послать
Свою тетрадку в мокрую печать.*

*Когда б никто меня под легкой маской
(По крайней мере долго) не узнал!
Когда бы за меня своей указкой
Другого критик строго пощелкал!
Уж то-то б неожиданной развязкой
Я все журналы после взволновал!
Но полно, будет ли такой мне праздник?
Нас мало. Не укроется проказник.*

К чему же впоследствии привела затея с «легкой маской»?

*Читатель, можешь там глядеть на всех,
Но издали, и смейся то над теми,
То над другими: верх земных утех
Из-за угла смеяться надо всеми.
Но сам в толпу не суйся... или смех
Плохой уж выдет: шутками одними
Тебя как шапками и враг и друг
Соединясь, все закидают вдруг.*

Примерно так все и свершилось. В согласии с предвиденьем поэта...

Если кого-либо интересуют подробности — остается посоветовать еще раз перелистать предыдущие страницы.

31 октября 1997.

Вадим Перельмутер

В ПОИСКАХ АВТОРА

Хотелось — сразу к делу, но обстоятельства вынуждают предупредить читателя о вещах, по сути, не литературных, хотя с литературой связанных. К истории «Конька-Горбунка» недавно добавилась... не страница, конечно, много чести, так, строка-другая, а вернее сказать — клякса.

Книга, включающая первоначальный текст сказки с неведомыми публике иллюстрациями полувековой давности и размышления о позднейших метаморфозах этого текста, то есть об его авторстве, была задумана, составлена и полностью подготовлена к печати автором этих строк в первой половине 1997 года. Оставалось ждать ее выхода в свет. И не дожидаться. Потому что издательница Светлана Сильванович попросту присвоила мою работу и, заменив эссе «В поисках автора» весьма косвенно относящейся к замыслу книги, пятнадцать лет назад бесследно опубликованной статьей библиографа А. П. Толстякова «Пушкин и «Конек-Горбунок» Ершова» (о существовании коей, кстати, от меня и узнала), издала книгу без упоминания моего имени.

Однако тщательно обдуманную книжку украсть чрезвычайно сложно: тут, кроме ловкости рук и, скажу мягко, храбрости, требуется умение думать. Сочетание нечастое и к данному случаю не относящееся. В проигрыше остался читатель: ему, попросту говоря, заморочили голову, однако, надеюсь, не бесповоротно. Пришлось, дабы исправить чужие промахи, все продумывать и выстраивать заново, восстанавливая смысл и логику, в недоброкачественном издании утраченные.

Впрочем, может быть, оно и неплохо, что так вышло. Что читатель получает в итоге другую книгу на ту же тему, на тему о «Коньке-Горбунке». И в придачу — возможность самостоятельно убедиться, что воровать в литературе — не только нехорошо, но и неразумно.

Ну, да хватит об этом. Итак...

Сказка — ложь, да в ней намек...

История первого издания «Конька-Горбунка» до нас не дошла. Так, мелкие обрывки сведений, мимолетные упоминания современников, почти ничего. Картинка не складывается — слишком многие фрагменты мозаики утрачены, судя по всему, безвозвратно. Если вспомнить об успехе книжки, безвестный сочинитель которой, можно сказать, однажды проснулся знаменитым, такая скудость свидетельств (в том числе и его собственных — поздних) выглядит весьма странно. Впрочем, присказка эта, впечатление странности — то нарастая, то слабая, — станет сопровождать нас, при неспешном чтении, на всем протяжении сказки. И в некоторых случаях даже принудит остановиться, призадуматься. Но про то — после...

По всему по этому, думается мне, следует поначалу рассказать, зафиксировать — и не скороговоркою — историю нынешнего издания, то есть возвращения к сказке в том ее виде, в каком впервые предстала она читателю сто шестьдесят четыре года назад. Повод перечитать строки, к которым после детского увлечения, первой любви, обычно не возвращаются, выдался неожиданный.

С Натальей Евгеньевной Семпер я познакомился летом 1989 года. Ей тогда было под восемьдесят. В просторной комнате коммунальной квартиры на Хамовнической набережной мы пили чай и разговаривали часами. В сороковых годах она близко знала Сигизмунда Кржижановского, чью невероятную прозу мне посчастливилось издать через много лет после смерти автора. Естественно, я хотел выпросить, узнать о нем как можно больше, уговаривал записать, что рассказывает, она отнекивалась, дескать, слишком все личное, никому не интересно. Наконец, сдалась — и мемуарный очерк «Человек из небытия» получился, по-моему, превосходным.

И это было только начало. Словно бы первый камешек сдвинул осыпь памяти: об отце, знаменитом театральном художнике Евгении Соколове (1880–1949), и далее, еще и еще,

об удивительных людях, с которыми сводила ее судьба. Возможно, не все они, персонажи мемуаров, были так уж незаурядны, просто у самой Натальи Евгеньевны обнаружилась способность, как советовал Волошин Цветаевой, подходить к каждому человеку с его лучшей стороны — не сходства с другими искать, но отличий, особенностей, уникальности. Так возникли два рукописных тома воспоминаний, завершенных ею незадолго до смерти — в октябре девяносто пятого...

Картины Евгения Соколова на стенах служили единственным украшением комнаты. Их было немного, пять или шесть, точно не помню. И, признаться, они мне не очень нравились. Мастеровито, четко, ярко, крепкая немецкая школа, но, в общем, ничего особенного. Сделано для себя, в свободное от театральных забот время, без претензий на широкое признание. Как-то раз, скорее из вежливости, нежели из любопытства, я стал расспрашивать Семпер об отце. Она охотно, но спокойно, без стремления уверить меня в его непреходящей значительности, показала все, что у нее сохранилось, совсем немного. Куда любопытней, чем живопись, оказались хранившиеся за шкафом два эскиза к неосуществленной постановке комедии Кржижановского «Поп и поручик». Ну, и забавные мелочи — шуточные зарисовки по поводу семейных событий да целая серия сказочных рисунков, своего рода комикс, сотворенный для единственной дочери, когда той было лет десять-двенадцать.

А потом она достала из ящика стола папку: сорок два графических листа к «Коньку-Горбунку». Сказку, прочитанную художником, искусно переведенную им на свой язык. Не иллюстрации, но собственные впечатления, представления, от содержимого стихов ни разу не отвлекающиеся и распределенные в пространстве текста неравномерно: сгущения и пустоты, два-три эпизода почти подряд, потом длинный пробел, изобразительного импульса не давший, и снова... Так сказалось... Работа продуманная, мастерская, равно уверенная, так сказать, во всех регистрах, от иронически-грубоватой народности до лирической плавности, от контрастно-резких жанровых сцен до романтически-волшебных композиций. И все — стилистически-связно, без единого диссонанса, вдохновенно и ясно.

Эти листы — при подробном их разглядывании — и навели меня на первоначальный замысел книги.

Во время войны с Германией немолодой русский художник Евгений Соколов, некогда, в начале столетия учившийся

в Мюнхене у знаменитого немца Франца фон Штукка, рисует «Русскую сказку». Завязка, по-моему, довольно убедительная. Тем более, что результат перед нами — и хорош. Ну, а кроме того, во второй части сказки художник *увидел*, то есть изобразил, нечто не только к «Коньку-Горбунку» приложимое, но и, например, к «Сказке о Мертвой Царевне и Семи Богатырях» (бросается в глаза), да и к другим пушкинским сказкам (не столь явно, но все-таки). Соколов был настоящим театральным художником, пристальным к текстам и ремаркам пьес, эффектной отсебятиной не соблазнялся, добровольно подчинялся авторскому замыслу, добросовестно следовал за ним, делая декорации и эскизы костюмов.

То же — со сказкой. Он рисует, нигде от стихов не отклоняясь, единство *что* и *как* соблюдает неукоснительно — при переводе *прочитанного* в *видимое*, делает это изобретательно, подчас остроумно, без малейшего произвола. «Пушкинские ассоциации» потому и проникают в графику, что обнаружены, — скорей всего, неосознанно — в тексте.

Действительно, вторая часть «Конька-Горбунка» (как и третья) начинается строками, откровенно напоминающими «волшебный каталог» зачина «Руслана и Людмилы». Остров Буян упомянут. Девушка в гробу. Сразу две пушкинские сказки. То есть вместе с *народными* сказками — *литературные*. Беглое, наперегонки, перечисление смахивает на пародирование романтического порыва к волшебству (ибо интерес к народной сказке в России сделали *фактом литературы* именно романтики).

Напрашивается параллель. Двадцатилетний Пушкин, сочиняя «Руслана и Людмилу», использует мимоходом некоторые хорошо знакомые публике мотивы Жуковского, виртуозно — и фрагментарно — пародирует его стилистику, переключки эти читателю очевидны, начиная с имени героини. Без малого полтора десятилетия спустя еще более юный Ершов в точности так поступает с Пушкиным. Стоит обратить внимание на разницу в возрасте: Пушкин моложе Жуковского ровно на столько же, на сколько старше Ершова. На шестнадцать лет. Подобные совпадения обычно слегка тревожат, но чего не бывает в истории!

Вот и возникла мысль издать «Конька-Горбунка» с графикой Соколова, сопроводив сказку воспоминаниями Семпер об отце и его работе над «ершовской» серией, а заодно — статьей о «смене поколений» в литературе и о связи «русской сказки» Ершова с «нерусскими» сказками Пушкина, произо-

шедшими, например, от француза Перро («Сказка о Мертвой Царевне...»), американца Ирвинга, переложившего арабскую легенду («Сказка о Золотом Петушке») или кельтских сказаний про князя Гвидона («Сказка о Царе Салтане...»).

Однако издателя для такой книжки не нашлось. Время от времени, прослышав стороной о непечатавшихся картинках к «Коньку-Горбунку», они появлялись, издатели. Листали фоторепродукции, сделанные — с дозволения Семпер — моим другом Леонидом Ковалевым. Почему-то непременно переспрашивали: не цветные ли это вещи? — словно глазам своим верить не хотели. И разочарованно вздыхали: жаль, конечно, что черно-белые, книжка-то для детей, доподлинно известно, должна быть яркой, цветной, иначе «не пойдет».

На мои возражения, что цветастых «Коньков» — табун целый, среди них соколовская графика вернее обратит на себя внимание, да и книга получится не совсем детская — ею и взрослых можно заинтересовать, еще неизвестно, кого больше, — откликались вяло, обещали подумать-позвонить. И уходили, чтобы не вернуться.

В конце концов я смирился с тем, что нигде ничего не получится. Да и ручеек издательский иссяк. Два-три года — никого.

Оказалось — к лучшему. Потому что как раз тогда появилась работа Александра Лациса «Верните лошады!» И мысль об издании встрепенулась, двинулась в ином направлении, переменялась. И, сдается мне, оформившись окончательно, сделала свое *превращение в книгу* вполне вероятным.

Спровоцированный Лацисом взять в руки первое, смирдинское издание «Конька-Горбунка» (1834), я уже через несколько страниц обнаружил, что читаю, так скажем, не совсем те стихи, которые привычны сызмальства. Положил рядом четвертое (1856) издание — с позднейшей правкой Ершова. То самое, где, по остроумному замечанию одного из исследователей, произошла «сибиризация» сказки, появились в ней «местные» словечки и обороты, которых прежде не было. Но не только.

Стал сопоставлять и считать. Некоторые примеры сопоставлений Лацисом продемонстрированы, о других — речь впереди. Сперва — несколько общих соображений. Эта правка — преимущественно мелкие, одно-два слова на строку, изменения текста (есть и значительные, существенные), зато их много: затронут — в среднем — каждый третий стих. Сооб-

ща они как бы исподволь меняют характер повествования, интонацию, лексику. Вместо «от рожденья не видали» — «отродясь»; вместо «и возили под столицу» (то есть в торговый посад) — «в град-столицу»; вместо «недалеко от села» — «недалече». И тому подобное — беру пока различия неброские, даже, пожалуй, пустячные. Но и они не так безобидны, как кажется на первый взгляд. Постепенно, по мелочам, происходит сдвиг — от *народного* (в представлении романтиков) стиля к стилизации *под простонародный* говор, стало быть, переиначивается не только сказка, но и личность рассказчика, читательское отношение к нему. За всем за этим — словно бы стремление полнее соответствовать критике Белинского, считавшего сказку «подделкой... в которой русские слова, но нет «русского духа» (отметим эту вскользь брошенную цитату из «Руслана и Людмилы», тем более любопытную, что в том же самом критик укоряет и пушкинские сказки; а с цитатами нам еще предстоит иметь дело). «Русских слов» становится больше, с «русским духом» — не лучше, чем раньше. Если не хуже. Хоть и удлиняется сказка строк на двести...

К тому часу, как закончил я сравнение двух изданий, стало понятно: и критика, и восторги современников относились к *другому тексту*. Более поздний их унаследовал, а попросту — присвоил. Расчет на то, что в обозримом будущем вряд ли найдутся желающие заниматься — стих за стихом — текстологической рутинной, оправдался. К тому же вторая половина пятидесятых годов прошлого века — начало долгожданных, перезревших российских реформ, иные времена, другие песни. И вообще литература на время отходит в тень, не до нее. Так и прошла *подмена* незамеченной.

Не пора ли возратить и хулы, и хвалы по назначению...

Тогда же, при чтении «первоисточника», поблекла и отпала тема «смены поколений». Потому что, если — теоретически — Ершов мог *пародировать* Пушкина (издаваясь при этом у... Смирдина, пушкинского издателя), то ничуть не менее правдоподобно, что Пушкин *спародировал* сам себя, разыграл — повторно и на сей раз по отношению к себе — то, что некогда разыгрывал по отношению к Жуковскому, когда тому было столько же лет, сколько Пушкину в тридцать четвертом. И таким образом *подвел итог* своему «сказочному» десятилетию, начатому в 1825 году (опять-таки — «на манер» баллад Жуковского — «Женихом»). А если так, то запомненная свидетелем его фраза по поводу «Конька-Горбунка»: «Теперь этот род сочинений можно мне и оставить», —

обретает несколько иной, чем привычно понимаемый, и, кажется, более внятный смысл.

Исследователи ершовского творчества обыкновенно трактуют ее в духе знаменитой надписи Жуковского на эстеррайховском портрете: «Победителю-ученику от побежденного учителя...» Однако слово поэта — не только в стихах — точно и несинонимично. Пушкин сказал то, что сказал, что хотел сказать, ничего больше. Если бы пожелал — о «победителе-ученике», — так и сделал бы. Тем более, что подобные «повторы», явные или слегка завуалированные, — в *стиле*: и времени, и Пушкина. «Цитатность» общепринята, привычна, круг просвещенной публики неширок, все всех читали, всё знают...

(Замечу в скобках, что неопределенность слова «можно» не следует путать с императивностью «нужно» или «должно», сам произнесший это и подтвердил делом, почти тут же затеяв сочинять «Сказку о Золотом Петушке», кстати, тем же четырехстопным хореем, что и «Конек-Горбунок».)

Гипотезы, как видите, заразительны.

Самое время напомнить о «презумпции гипотезы»: если выводимая на читательский суд гипотеза не противоречит ни одному из известных фактов и в последовательном изложении ни одного из них не игнорирует, она имеет право на существование, автор ее вполне может ограничиться повествованием — «бремя доказательств» ложится на того, кто примется за опровержение.

Я за это не берусь. Просто, прочитав написанное Александром Лацисом, подумал, что неплохо бы поискать аргументы в пользу ершовского авторства, кроме имени сочинителя на титульном листе книги. И, когда — или если — таковые сыщутся, приглядеться к ним попристальней.

Как часто бывает: ищешь одно — находишь другое. Предложение «вернуть лошадь» озадачило. Ответы на вопросы оказались не такими, каких — умозрительно — ожидал. Впрочем, если рискуешь прокатиться на Горбунке, приготовься к внезапностям.

Первые шаги — по дорожке, проложенной размышлениями Лациса. А там — скок в сторону, и по бездорожью.

В прениях об авторстве того или иного сочинения для историка литературы или текстолога единственное безусловное доказательство — *рукопись и не что иное*. А рукописи-то у нас и нету. Ни первого издания, ни четвертого, ни пятого, ни

последнего прижизненного, седьмого. Впрочем, есть одна, явно задним числом изготовленная — и с неведомой, вне логики, целью, без правки, но не без небрежности; текстологической ценности — никакой. Нет черновиков, набросков, вариантов, вообще ни одной *допечатной* строки «Конька-Горбунка», написанной рукою Ершова, пока не обнаружено. И ни единого упоминания о них. Пушкинский автограф из коллекции Смирдина — заглавие сказки и первые четыре стиха с гениальным: «Против неба — на земле Жил старик в одном селе», — исключенные из пушкинских собраний сочинений лишь в 1937 году, — *единственный* рукописный след этой темной лошадки. Рукою Пушкина.

В крайнем случае, можно было бы удовольствоваться косвенными документальными свидетельствами. Но и с ними у нас негусто. А по правде сказать — вовсе никак. Мы не знаем никого, кто бы видел оригинал и упомянул об этом. Кроме, опять же, Смирдина, печатавшего книгу с рукописи, «тщательно просмотренной» Пушкиным.

Хранившиеся у Ершова пушкинские «замечания» к «Коньку-Горбунку» были им уничтожены, — по замечательному совпадению, как раз в ту пору, когда за бумагами «закатившего солнца русской поэзии» шла форменная, азартная охота по всей России. Возможны несколько версий происшедшего, в том числе — почему нет? — и версия самого Ершова: депрессия, мол, не ведал, что творил. Добавлю еще одну — собственную: любой, кто всерьез работал в архивах, с рукописями, знает, что по характеру помет практически всегда возможно определить — свой или чужой текст правит поэт.

Многое, если не все, мог бы прояснить дневник, который вел студент Петербургского университета Петр Ершов, страницы тридцать четвертого, тридцать третьего и, наверно, тридцать второго годов. Он, понятно, тоже уничтожен. Тогда же.

Таким образом, в нашем распоряжении нет никаких заслуживающих доверия не-ретроспективных свидетельских показаний. И ни одной стихотворной строки Ершова, о которой достоверно известно, что она написана до «Конька-Горбунка».

После — да, сочинял, положение обяывает. Однако надобно иметь весьма специфический взгляд на поэзию, каким обладал некто В. Утков, много лет занимавшийся изучением, виноват, восхвалением «сибирского самородка», да еще и поднапрячь зрение, чтобы углядеть «богатство и глубокое знание народного языка, искренность и непосредственность моло-

дого поэтического таланта, свежесть чувства» в таких, например, виршах:

*Один, задумчивый, безмолвный,
Я на холме крутом стоял
И с струй ручья на бурны волны
Мой жадно взор перебегал.
Мечта сменялася мечтою...—*

и далее в том же духе, без проблесков и всплесков. Или так:

*Все кого-то ожидаю,
Все о ком-то я грущу;
Но не знаю, не сгадаю (?),
Что такое я ищу...—*

что-то очень уж знакомое слышится — и недолго искать. С беззастенчивой неловкостью списано у Вяземского, с его популярной «Хандры»:

*Сердца темная забота,
Безыменная печаль!
Я невольно жду чего-то,
Мне чего-то смутно жаль...*

Чудеса, как известно, редко, но бывают. Нам предлагается поверить в одно из них. Не писал юноша стихов. Ну, возможно, пописывал кое-что. Как все. Потом, на девятнадцатом году жизни сочинил блистательную сказку-поэму в две тысячи строк. И снова разучился — уже насовсем. Предположим, что так оно и было. Но тогда нас ожидает нечто еще удивительней.

Отсутствие дарственных надписей Ершова на экземплярах первого издания «Конька-Горбунка» должно бы давным-давно насторожить его поклонников, чего почему-то не произошло. Неплохо, смею думать, представляя себе литературный этикет того времени, не сомневаюсь, что молодой автор — да еще на редкость шумно дебютировавший! — просто-таки обязан был надписать, как минимум, пять книг. Плетневу, его «открывшему». Сенковскому — первому публикатору. Жуковскому, авторитетнейше поддерживавшему «юное дарование». Пушкину, «тщательно просмотревшему» сказку и, по всей видимости, рекомендовавшему ее *своему* издателю. Наконец, Смирдину.

Опись пушкинской библиотеки сохранилась. Изрядная часть смирдинских книг — тоже. Равно как множество автографов других писателей, адресовавших свои дружество и признательность трем остальным действующим лицам этой истории. Ершовских — нет. Вероятность, что не уцелели именно

они, читатель способен оценить самостоятельно. И учесть заодно, что на форзаце читанного мною экземпляра смирдинского издания есть надпись, сделанная, верно, первым владельцем и сообщающая, что книга подарена ему автором. Без автографа.

Но если автографов не было — еще загадочней. Не написал, не подарил тем, кому обязан успехом, — возможно ли? Не исключено. Тогда эта, мягко говоря, бестактность — поступок осознанный, пусть не разрывающий, но определенно и резко портящий отношения с каждым из пятерых.

Неблагодарность, знаете ли, не поощряется.

И что же? Да ничего. Плетнев и Сенковский принимают живейшее участие в судьбе Ершова, исхлопотав ему место учителя в Тобольской гимназии. Жуковский в 1837 году, сопровождая по Сибири наследника, великого князя Александра Николаевича, представляет ему в Тобольске Ершова. Позже это «откликнется»: в первый же год по воцарении Александра II скромный учитель совершит головокружительный карьерный скачок, станет директором гимназии и начальником училищ Тобольской губернии, хотя репутация его в глазах властей отнюдь не безупречна — и с начальством не ладил, и со ссыльными декабристами, сиречь государственными преступниками, якшался. Смирдин продолжает ему покровительствовать. Да и Пушкин, вроде бы, ни одного худого слова о нем не промолвил, даже похвалил однажды за глаза: «Этот Ершов владеет русским стихом, точно своим крепостным мужиком»...

Фраза стоит того, чтобы помедлить на ней. Кабы не лишний слог (будь вместо «владеет» какое-либо двухсложное слово) — имели бы дактилическое двустишие, то ли панегирик, то ли эпиграмму. С чего бы это? Не потому ли, что стих дает иную, чем проза, возможность ненавязчиво подчеркнуть некоторые слова, интонацией выделить их? Как здесь: — Ершов — стихом — своим — мужиком... Эта почитающаяся бесспорно-положительной оценка под пером автора «Дубровского», уже написанного, выглядит, по мне, неожиданной, чтобы не сказать — сомнительной. Скепсиса можно и добавить — Пушкину было доподлинно известно: коренной сибиряк Ершов «по определению» не мог владеть никаким таким «крепостным мужиком». Ибо в Сибири никогда не было крепостного права. Полтора с лишним века назад это знали абсолютно все, в спорах об отмене рабства в России «сибирский опыт» был доводом — из самых очевидных и весомых. К

концу столетия, когда пушкинские слова были обнародованы, это уже подзабылось. В наше время и вовсе не приходит на ум без напоминания, так что немудрено сделать вывод о признании Пушкиным мастерства «младшего коллеги», тем более — будучи В. Утковым, автором диссертации о П. П. Ершове. Правда, и у него, автора, как ни печально, не обошлось без колебаний.

Но оставим на время стихи в стороне. Поговорим о рисунках. Пушкинских, разумеется.

Вот черновик стихотворения. Под исчерканными, в надставках и вымарках, строчками — четыре лошадиных головы. Их разглядывали до нас — бесчисленно. Четверть века назад Лариса Керцели опознала в одной из них, левой нижней, автопортрет Пушкина «в облике лошади». Открытие столь же бесспорное, сколь загадочное. Догадка Александра Лациса, вглядевшегося в рисунок целиком, связала фрагменты воедино: то ли фабула сказки изображена, то ли иллюстрация к ней. Единственная неувязка — дата стихотворного автографа известна: 1825 год. Вроде бы, рановато — и для фабулы, и для иллюстраций. Предположение, что рисунок появился *значительно позже*, мне не кажется убедительным.

Ну, хорошо, если удалось обнаружить *целостность* рисунка, почему бы не взглянуть и на весь лист — разом? Одно из свойств гения — органическая связь всего со всем в том, что он делает. Если не видишь такой связи, это вовсе не означает, что ее нет. Вернее, что это ты ее не видишь.

Стихотворение называется «Андрей Шенье». О гибели поэта в столкновении с властью. С революционной, чья нетерпимость к любой оппозиционности доведена до абсолюта. Но и в иных случаях, всегда: поэт и власть — столкновение абсолютизмов. «Ты — царь, живи один»... То есть рядом — без паузы — видятся два, условно говоря, сценария, рукописный и рисованный, дальнейших, после ссылки, взаимоотношений с царем, судьбы поэта: либо — в «Андрей Шенье», либо — в службу, в «коньки-горбунки», в камер-юнкеры («камер-пажи» — усилил контрастность Пушкин; возможно, той же стилистической природы — двойная уменьшительность в заглавии сказки).

К слову, отношение к камер-юнкерству своему Пушкин, похоже, выразил не только в известном ироническом сообщении, что видел он трех царей, последний из которых упек его в «камер-пажи» на старости лет, но и в стихах. Не о том ли —

осенью тридцать третьего года написана — концовка «Сказки о рыбаке и рыбке», красноречивый ответ «героини» на пожелание «быть на посылках» — у царицы ли, царя, все равно. (Отмечу мимоходом, что и эта пушкинская сказка — из «нерусских»; ее «сербское происхождение» обнаружил И. Л. Фейнберг; то, что она писана стихом «Песен западных славян», рискну предположить, послужило дельной подсказкой умному и неленивому пушкинисту.)

Вообще поиски *автобиографических* примет и откликов в поэзии Пушкина почему-то не затронули толком его сказок. Объяснить сие *исключение* не берусь...

А чтобы дата черновика не слишком смущала, напомним историю, приключившуюся в двадцать восьмом году, весною.

«Пушкин читал своего «Годунова», еще не многим известного, у Алексея Перовского, — вспоминал Вяземский. — В числе слушателей был и Крылов. По окончании чтения, я стоял тогда возле Крылова, Пушкин подходит к нему и, добродушно смеясь, говорит: «Признайтесь, Иван Андреевич, что моя трагедия вам не нравится и, на ваши глаза, не хороша». — «Почему же не хороша? — отвечает он. — Вот что я вам расскажу: проповедник в проведи своей восхвалял Божий мир и говорил, что все так создано, что лучше созданным быть не может. После проповеди подходит к нему горбатый, с двумя округленными горбами, спереди и сзади: «Не грешно ли вам, — пеняет он ему, — насмеяться надо мною и в присутствии моем уверять, что в Божьем создании все прекрасно. Посмотрите на меня». — «Так что же, — возражает проповедник, — для горбатого и ты очень хорош». Пушкин расхохотался и обнял Крылова».

И впрямь забавно: по мнению *классика*, молодой и резвый сочинитель, — право слово, «горбунок». Равно как и его Пегас. Два горба на двоих...

Впрочем, рисунков на полях пушкинских рукописей — множество, и единичной попыткой выявить подобную взаимосвязь — предвижу возражения — не обойтись. Память подсказывает — по аналогии — изображение пяти повешенных (декабристов), строку: «И я бы мог, как шут...» Вместо этого — сидит, сочиняет «Полтаву», на полях которой и сделан рисунок. Та же альтернатива, но в «зеркальном» варианте. Двадцать восьмой год...

Однако есть несколько простых вопросов, которые напрашиваются, сбивают с мысли, мешают продолжить разговор о

стихах. Не разобравшись в них, вдаваться в подробности текстологического анализа — смысла немного.

Прежде всего: возможно ли такое, чтобы признанный, знаменитый автор, принявший, скажу осторожно, немалое участие в появлении произведения крупного и — нетрудно предвидеть — все шансы на успех у публики имеющего, целиком и полностью отдал все это своему ничем не прославленному партнеру? И никак, ни словом не обозначил своего — пусть не авторства, пусть со-авторства.

Намеки, правда, есть, не один и не два, о них — чуть позже, уже скоро. Что до удивительной, невероятной для нас *щедрости* такого подарка, то неплохо бы помнить: в конце двадцатых — начале тридцатых годов прошлого века *проблема авторства* была еще только-только поставлена, чем обязаны мы, главным образом, едва ли не первому российскому *профессиональному* литератору Александру Пушкину. И далеко не была решена — на тот лад, который нам привычен *здесь и сейчас*. А виделась она тогдашним писателям не совсем так, как нынешним. Число мистификаций, анонимных, псевдонимных изданий было в ту пору несравнимо больше, чем впоследствии, когда — из десятилетия в десятилетие, в ритме роста авторского честолюбия, — стало убывать, сведясь в конце концов к случаям единичным, редкостным и потому подчас броским, привлекающим всеобщее внимание. Наш случай, ежели он именно таков, как представляется, конечно, не ординарен, но и не уникален, каким выглядел бы, произойди он сто лет спустя.

Во-вторых, почему в России, где по замечанию Жермены де Сталь, «все тайна, и ничто не секрет»; литературная эта история не раскрылась, хотя бы в общих чертах, сразу после смерти Пушкина или немного погодя, когда готовилось первое собрание его сочинений? Повод, увы, печальный, но вполне подходящий, лучшего может и не быть. Его и не было. А «подвернувшийся», если вдуматься, никуда не годился.

После *внезапной* гибели Пушкина император Николай Павлович правил Россией восемнадцать лет. При жизни поэта — его *личный цензор*, потом — благодетель и покровитель его осиротевшей семьи, вдовы и детей, он вряд ли пришел бы в восторг, узнав, что Пушкин, как минимум, однажды попросту обвел его вокруг пальца, напечатался в обход «августейшего внимания», и не какой-нибудь стишок о восьми строках — но сказочную поэму, целую книгу. Надо полагать

удачною шуткою он бы это не счел. С чувством юмора у государя были нелады.

Но это — полбеды. Настоящая опасность поджидала тех, кто знали — или могли знать — все, связанное с первой публикацией «Конька-Горбунка». Начавший свое царствование следствием и судом над заговорщиками-декабристами, Николай был подозрителен, воображал *заговоры* даже там, где и намека на них как будто не просматривался, достаточно вспомнить события, связанные со смертью и похоронами Пушкина. А тут сюжет выстраивался сам собою — и все действующие лица на виду.

Плетнев приходит профессорствовать в университет в 1832 году. Значит, у него более чем достаточно времени, чтобы выбрать подходящую кандидатуру, обдумать план и последовательно его осуществить. Выбор, спору нет, неплох. Ершов прибыл в столицу издалека, в деньгах нуждается, влиятельных связей — родственных или дружеских — никаких, ни в Петербурге, ни в Москве. Значит — зависим от добровольных покровителей. А когда сыграет предназначенную роль, нетрудно пристроить его на службу подальше от «места действия». Да и сам он не скрывает, что хотел бы вернуться «на родину», в Сибирь.

Далее. Никитенко, чья подпись стоит под цензурным разрешением на издание. Единственный из цензоров, кто близок пушкинскому кругу. И Ершова знает, студента университетского. Словом, *свой человек в цензуре*. Без него весь замысел выглядел бы авантюрным. К тому же — вполне опытный литератор, чтобы отличить мастера от новичка. Мог, верно, и кое-какие советы дать — чтобы в глаза ничто особенно не бросалось.

Про Жуковского известно, что какие-то пушкинские бумаги тайно вынес, прежде чем жандармы опечатали кабинет покойного. Что там было — никто, кроме него, не ведает. Конечно — наставник наследника и прочая, светоч благонадежности. А про тайное общество знал — не вошел в него, так ведь и не донес!..

Сенковский, еще в студенческие годы питомец «Общества плутов», знаменитый Барон Брамбеус, признанный король мистификации. Ему-то уж сам Бог велел в таком действе участвовать — артист авансены, крупного плана.

Поискать — без напряжения добавятся два-три достойных претендента на «членство в заговоре». Не считая фигуры центральной, Пушкина, с которого уже не спросишь. И, ко-

нечно, сам Ершов — этот, скорее, жертва людей искушенных, зрелых...

Вот примерно так и могло вообразиться — связно и логично, — причинив серьезные неприятности не только тем, кто упомянуты. Общеизвестно было, что Николай нередко карает не по вине. Примеры Лунина, далеко не самого деятельного из декабристов, и вовсе отошедшего от них бедного Шаховского еще не забылись.

Ничего подобного, естественно, не было. Хотя бы потому, что уж больно складно выглядит, жизнь обычно не заботится о том, чтобы все концы с концами сходились, благодаря чему и удаются ей вещи самые невероятные. Но можно понять — почему с такую тщательностью уничтожены все следы, которые вели в историю издания. И почему к тому времени, когда возможным стало безнаказанно обнародовать любые свидетельства об авторстве «Конька-Горбунка», никаких доказательств просто-напросто не осталось. Ни *pro*, ни *contra*.

А зачем вообще понадобился *соавтор*? Не проще было бы выпустить книгу анонимно, либо какой-то псевдоним специально для нее придумать?

С 1826 года Николай I читает *все* сочинения Пушкина с пристальностью чрезвычайной, самолично решает: печатать — не печатать. Иногда это для автора даже и неплохо: «Увечий совсем мало», — заметил Вяземский по случаю государственного просмотра рукописи «Годунова». Но только что, в тридцать третьем, Пушкин столкнулся с другою, невеселой крайностью. Замечания, скажу иначе: по форме — пожелания, по существу — требования, предъявленные к «Медному Всаднику», оказались невыполнимыми. Пушкин несколько раз принимается было за «исправления» — и бросает. Поэма остается прижизненно неопубликованной.

Повторять сей опыт со сказкой — какой резон? Надеяться на то, что «чудо-юдо Рыба-кит» беспрепятственно проплывет в печать, — наивно. Анонимность или псевдонимность — не выход. Такую рукопись цензор станет читать с пристрастием не меньшим, чем Николай — Пушкина; ничего не упустит, там и помимо Кита найдется, за что зацепиться, а не найдется — примыслит. Не говоря уже о том, что «вычислить» автора-анонима — велика ли сложность! Умеющих *так* писать в русской поэзии — раз-два, и обчелся. Иное дело — девятнадцатилетний студент-сочинитель, провинциал, чуть ли не «из народа». Читать его *междустрочно* — излишне: может ли он, рассказывая сказку, иметь в виду что-либо «запретное»?..

Ну и самое, с виду, невозможное. Почему никто из посвященных, знавших, как было дело, а их немало, не проговорился? Даже, повторю, тогда, когда это никому и ничем не грозило? Если одною фразой: потому же, почему не написали воспоминаний о Пушкине его ближайшие друзья. Они сговорились.

Их общее мнение выразил Соболевский: «Публика, как и всякое большинство, глупа и не помнит, что и в солнце есть пятна; поэтому не напишет о покойном поэте никто из друзей его, зная, что если выскажет правду, то будут его укорять в недружелюбии из-за всякого верного и совестливого словечка... Итак, чтобы не пересказать лишнего или не досказать нужного — каждый друг Пушкина должен молчать...»

История «Конька-Горбунка», по-видимому, в этой *зоне молчания*. Прознай про нее публика, могла понять и так: Пушкин, сам особенно не рискуя, отношения с царем, известно, непростые, но ведь и не такие сложности удавалось разрешить, и заступников хватает, короче, будучи неплохо защищен, *подставляет* беззащитного мальчишку. Хорошо, что обошлось. А если — нет?.. Можно и проще объяснить: друзьям вполне достаточно и того, что Пушкин *не хотел* делать эту историю достоянием публики...

Все эти рассуждения — лишь «аккомпанемент» к тому, что можно вычитать из самой сказки. Как ни забавно, большую, прямо-таки решающую помощь оказал тут не кто иной, как Ершов. Когда бы не засел он, готовя четвертое издание, править чуть не все подряд, глядишь, не дал бы поводов к нынешним сопоставлениям, начиная с таких, например, мелочей:

Это присказка ведется;

После сказочка начнется,—

не иначе как ради избавления от пренебрежительного «сказочка» вписывается образцово-неуклюжее: «Сказка после начнется», — ударение приходится проставлять, все равно читается негладко, с усилием, выделяется, «высовывается не по чину», несообразно незначительности стиха.

Еще:

Вот дурак с печи слезает,

Шапку набок надевает,

Хлеб за пазуху кладет

И, шатаясь, идет...

Просто и ясно. Голову покрыть надо — ночи прохладные. А пошатывается — потому что валялся долго, ноги затекли. После правки четверостишие выглядит по-другому:

*Тут Иван с печи слезает,
Малахай свой надевает,
Хлеб за пазуху кладет,
Караул держать идет...*

О том, что всюду, где только можно и не можно, в издании 1856 года Ершов избавляется от слова «дурак», упомянуто Лацисом. Дальше — неувязка — пшеница поспеваает — в августе, не позже начала сентября. Не до малахая. Откуда он взялся? Да из рассказа предыдущего караульщика: «Ночью страшный был мороз, До костей я весь промерз». Он, вестимо, врет, если правду говорит, то и сторожить нечего, пшеница померзла. Однако Ершов ему верит — и одевает дурака, простите, Ивана, потеплее, по-зимнему. Да и взял он слово-то из эпизода чуть более позднего, когда Иван, «не снимая Ни лаптей, ни малахая, Отправляется на печь», — из фразы явно, утрированно иронической... Неудачна — неэкономна — и замена в последнем стихе: характерная деталь утрачена, а куда идет герой мы и без того знаем...

Не хочу лишать читателей удовольствия самостоятельно выявить дальнейшие разночтения такого рода (они помещены в Примечаниях), сравнить, выяснить: улучшаются ли правкою стихи первого издания, хотя бы изредка, хотя бы в единственном случае? Мне обнаружить этого не удалось. А моя добрая знакомая, из тех, кому рисковал я надоесть бесконечными беседами-лекциями про «Конька-Горбунка», заметила по поводу правки: «Чужих стихов не жалко»... Категорично, однако очень на то похоже...

Впрочем, со строчками, которые есть, напечатаны в первом издании, Ершов еще управляется, не слишком искусно, но не без лихости. Труднее приходится ему, когда их нет, пропуск, отмечено лишь — точками — сколько должно быть. Тут-то и начинаются скачки с препятствиями.

«Простая цензура слегка пощипала текст, — пишет Лацис, — подразумевая, что, слава Богу, ничего страшного, «непростая цензура» вмешалась бы поосновательней.

О «первом издании сказки, изуродованном цензурой», говорит Утков, главный советский специалист по творчеству Ершова. И приводит образцы «восстановления» цензурных вымарок — по изданию 1856 года.

При очевидной разноте оценок, оба, и пушкинист, и, прошу прощения за неологизм, ершовист, говорят об одном, сходятся на том, что обозначенные строками точек «пропуски» в

первом издании сказки суть следы цензорских ножниц. По-моему, они ошибаются.

Действительно, в конце первой части «Конька-Горбунка» обозначен первый такой «пропуск» — в три строки. Вот оно, это место:

*«...Весь конюшенный завод
Царь мне даром отдает;
Так что я из огорода
Стану царский воевода.
Чудно дело! так и быть,
Стану, Царь, тебе служить»*

.....
.....
.....

*Тут подкликнул он коней
И пошел вдоль по столице
Вслед за царской колесницей...*

Если в распоряжении Ершова была впоследствии утерянная рукопись сказки, чего проще! — вставил выкинутые цензором три стиха, и все дела. Он поступает иначе — правке подвергается весь фрагмент. «Царь в приказ мне отдает». Было — «даром», потому что мог бы «оплатить» покупку пары коней тем, что взял на службу, а он и серебра отвалил десять шапок, не торгуясь, и пять рублей сверху, и место при себе дал почетное, надо полагать, небедное. Правка неубедительна, потерь многовато, но не будем придираться, отметив мимоходом, что и в начале следующего стиха «так что» (констатация) вместо «то есть» (пояснение), пожалуй, получше. Теперь следует вставка: «Только, чур, со мной не драться И давать мне высыпаться», — не Бог весть какие перлы, и вполне невинные, не понять, чем цензору не приглянулись. Далее ожидается строка на заданную рифму — «коней». Ее нет: «А не то я был таков». Приходится править и править: «Тут он кликнул скакунов», — не совсем то же самое, скакуны и так от дурака ни на шаг, потому и приходится царю его вместе с ними брать; «кликать» их неоткуда, но — «подкликнуть», понукать идти за собою надобно, только и всего. Остановиться не удастся, по инерции изменяется еще один стих — последний, — и совершенно непостижимо: «Сам (?) махая (?) рукавицей (?)».

Эпизод второй. Царь получает от спальника украденное у Ивана перо Жар-Птицы:

*Царь смотрел и дивовался,
Гладил бороду, смеялся
И скусил пера конец.
Тут, уклав его в ларец,
Закричал от восхищенья:*

.....
.....

«Гей! Позвать мне дурака!»

И снова правка начинается на строку раньше «вставки»: «Закричал (от нетерпенья)», — а вместо ожидаемой, предсказанной двоеточием реплики, читаем описание: «Подтвердив свое веленье Быстрым взмахом кулака». Ничего толком не добавлено, но хотя бы рифмы сходятся. Однако сцена не доиграна, действие продолжается:

*И посыльные Дворяна
Побежали по Ивана,
Но, столкнувшись все в углу,
Растянулись на полу.
Царь тем много любовался
И до колотья смеялся;
А Дворяна, усмотря,
Что смешно то для Царя,
Меж собой переглянулись
И вдругоредь растянулись.*

.....
.....

Стоп! Ситуация удивительно знакомая. А последние два стиха — вроде кивка в сторону... «Горя от ума»: «Упал вдругорядь — уж нарочно, — описывает Фамусов образцовое подольщение к императрице, путь в приближенные, избранные, — А хохот пуще, он и в третий так же точно».

Чтобы не было сомнений — и вольная цитата не привиделась нечаянной переключкой, она дополнена, — в отличие от «заочного» персонажа комедии, «Дворяна» в третий раз валиться не стали:

*И на этот уже раз
Обошлся без проказ.*

Итак, отступление о цитатах. Ершов знал, во всяком случае, мог знать грибоедовскую комедию, она была опубликована в 1833 году, хотя пик ее рукописной популярности пришелся на куда более ранние времена. Но зачем бы ему понадобилось цитировать ее в «русской сказке»? Другое дело, если

к этим строкам Пушкин руку приложил. «Цитатность» буквально пронизывает всю поэзию его времени и его круга. Этот прием осмыслен, разработан, доведен до совершенства им самим, Вяземским, Жуковским, Баратынским. Цитата из Грибоедова как бы включает «Конька-Горбунка» именно в этот контекст. Но не только. В отличие от нас, выученных обращать внимание преимущественно на остроту, чуть ли не революционность комедии, на ее *обличительный пафос*, современники автора знали, понимали, что одной из существенных причин драматической судьбы этого сочинения была *узнаваемость* персонажей и ситуаций, когда вопрос: кто есть кто? — не таил сложностей, большинство *прототипов* легко было выявлено и сто лет спустя. А в таком случае намек на Грибоедова подсказывает, что за причудливостью сказки — реальные события и люди, толковому читателю большего не требуется — воображение дорисует остальное...

В «Коньке-Горбунке» цитируется не только Грибоедов. Но и — пообильней — Пушкин.

*Как на море-Окияне,
И на острове Буяне,—*

уже вспоминалось, известно — откуда. Оттуда же:

*И пойдет у них тут пир,
Что на весь крещенный мир...*

Напечатана «Сказка о царе Салтане» в 1832 году. Цитаты из нее не только возможны, но и естественны. Сложнее — с указанием на «Сказку о Мертвой Царевне»:

*Новый гроб в лесу стоит,
В гробе девица лежит...*

Это сочинение закончено в ноябре 1833 года, не опубликовано. В число друзей и знакомых, кому Пушкин читает свои новые вещи, Ершов не входит. Еще занятнее — вся третья часть, про Царь-Девичу, описание ее — «парное» к Царевне-Лебеди, возлюбленной князя Гвидона, оба образа связаны общей и сложной символикой, уходящей в мифологию. А в стихах полно переключек и со «Сказкой о Золотом Петушке», которая еще не написана, Пушкин завершит ее через три месяца по выходе «Конька-Горбунка».

«Бывают странные сближенья»? Допустим и такое...

Да, кстати, вместо точек после цитаты, нас отвлекшей, вписаны Ершовым два стиха, как бы поточнее, необязательных, что ли:

*Царь тем так доволен был,
Что их шапкой наградил.*

Ничего и они не прибавляют. И цензорская немилость по-прежнему непонятна.

Но эпизод еще не кончился, он близится к кульминации — и к самому большому на всю сказку пробелу в десять строк:

*Вот Иван к Царю явился,
Поклонился, подбодрился
И тотчас Царя спросил:
Для чего его будил?
Царь, прищурясь глазом левым,
Закричал к нему со гневом:
«Ты мне должен отвечать:
Как ты смел, урод, скрывать
От моего разуменья,
Находясь в моем владеньи,
Что имеешь ты добро —
Жаро-птицево перо! —*

и после точечных рядов, сэкономлю на них, продолжение следует:

*Отвечай же, супостат!» —
«Ох, помилуй! виноват!»
.....
.....
«Ну, для первого случая,
Я вину тебе прощаю»...*

В издании 1856 года картина выглядит совсем иначе, частными сравнениями не обойтись, приходится цитировать подробно:

*Вот Иван к Царю явился,
Поклонился, подбодрился,
Крякнул дважды и спросил:
«А пошто меня будил?»*

Он начинает дерзить, что называется, с порога, причем беспричинно, зачем-то «крякает дважды», словом, нарывается на неприятности.

*Царь, прищурясь глазом левым,
Закричал к нему со гневом,
Приподнявшись: «Молчать!
Ты мне должен отвечать: —*

спишем противоречие «молчать — отвечать» на нервное состояние государя и двинемся дальше:

*В силу коего указа
Скрыл от нашего ты глаза*

*Наше царское добро —
Жаро-птицево перо?
Что я — царь али боярин?
Отвечай сейчас, татарин!»*

Последние два стиха — не в счет, пустышка, призванные усилить впечатление от царского гнева, они дают эффект обратный, комический. А предыдущие четыре строки по смыслу резко отличаются от тех, какие были.

О чем шла речь? В чем — первоначально — вина дурака? В том, что он, находясь во владении Царя, не сообщил о своей собственности — о пере Жар-птицы. Ибо только Царь, и никто другой, волен распоряжаться всем, что пребывает в царстве, в том числе — имуществом подданных, равно как ими самими, их жизнями. Мысль несложная, явная, в ней, если хотите, — суть самодержавия.

В новом варианте получается так, будто Иван украл «наше царское добро». Не одно и то же. Да ведь и украли как раз у него, у дурака.

Следующая затем «вставка» в десять строк не умещается, растягивается аж на двадцать с лишним, но количество — дело десятое:

*Тут Иван, махнув рукой,
Говорит Царю: «Постой!
Я те шапки ровно не дал,
Как же ты о том проведаль?
Что ты — ажно ты пророк?
Ну, да что, сади в острог,
Прикажи сейчас хоть в палки.—
Нет пера, да и шабалки...» —
«Отвечай же! Запорю!» —
«Я те толком говорю:
Нет пера! да, слышь, откуда
Мне достать такое чудо?»
Царь с кровати тут вскочил
И ларец с пером открыл...*

И так далее. Не вдаваясь в оценку достоинства стихов, что собственно, происходит? Только и всего: нарушается, ломается весь строй сказки, ее логика, происходящая из характера героя, пропадает мотивация, то есть смысл всех сказочных событий.

Иван — дурак не потому, что глуп, а потому, что бесхитростен, простодушен, врать не умеет себе на корысть. Как там

было, в завязке? Старший и средний его братья охотно и браво отправляются «в дозор»: первый заваливается спать «на сенник», второй проводит ночь «у соседки пред забором»; потру оба выдумывают душещипательные истории и получают по порции похвал. А Иван идти откровенно не хочет, сопротивляется, что есть мочи, но, когда, наконец, соглашается, то идет — караулит — ловит кобылицу. Выдумки его на этот счет на успех не рассчитаны, заведомо никто не поверит, для того и плетутся, — посмеются, оставят в покое (байка про «дьявола» подозрительно напоминает общение Балды с Чертом, там и без верховой езды не обошлось, а сказка при жизни Пушкина не печаталась. Но это — к слову).

Тут, перед Царем, он хитрит «правдоподобно», норовя обмануть, отвертеться, вывернуться. Да кабы он умел все это делать, не влипал бы что ни день в беду, глядишь, и Горбунку забот меньше...

Искусственность, неуместность этой вставной сцены раздражает, железом по стеклу, поневоле задумаешься: а нужна ли она вообще, какая-либо? Может, и не было здесь никаких десяти строк? И без них происходящее предельно ясно, все, что сверх того, — лишнее, пробел добавляет действию напряжения, в нем — неназванная гамма эмоций, от возмущения до страха.

Точно так же не нужны «вставки» и во всех остальных случаях. Ничего к написанному они не добавляют, только ослабляют, мешают.

Цензор Никитенко — ни при чем. Стихов, которые в первом издании заменены точками, он в глаза не видал. Их не было.

Читателям «Евгения Онегина» хорошо знаком этот облюбленный Пушкиным прием, его *фирменный знак*. Обозначенные точками и значками римских цифр «пропущенные» (или «холостые») строфы и строки, которые никогда не были написаны.

«Что есть строфы в «Евгении Онегине», которые я не мог или не хотел напечатать, этому дивиться нечего, — писал Пушкин в 1830 году. — Но, будучи выпущены, *они прерывают связь рассказа*, и поэтому означает место, где быть им надлежало. Лучше было бы заменять эти строфы другими или переплавлять и сплавливать мною сохраненные. Но виноват, на это я слишком ленив»... Ссылка на лень мигом переводит сказанное в иронический регистр. Для умеющих читать бо-

лее прозрачные объяснения излишни. А не умеющие все равно не читают.

Об этом приеме — почти одновременно, в начале 1920-х годов, — писали Модест Гофман и Юрий Тынянов, цитатой из которого можно, по-моему, ограничиться. «...Анализ пропущенных стрóf убеждает, что с точки зрения связи и плана можно было бы не отмечать ни одного пропуска... Собственно, уже одно существование... *ненаписанных* стрóf освобождает нас от указания на особую роль пропусков, как и на то, что сами удаленные стрóфы и стрóки были удалены не по их несовершенству или личным и цензурным соображениям. Дело становится более ясным, хотя не менее сложным, если понять эти пропуски как композиционный прием, все значение которого, значение необычайного веса, — не в *плане*, не в *связи*, не в *происшествиях* (фабула), а в словесной динамике произведения... Вместо словесных масс — динамический знак, указывающий на них... Какого бы художественного достоинства ни была выпущенная стрóфа, с точки зрения семантического осложнения и усиления словесной динамики — она слабее значка и точек; *это относится в равной или еще большей мере к пропуску отдельных строк* (здесь курсив мой.— В. П.), так как он подчеркивается явлениями метра...» Иначе говоря, «пропущенные» стрóки обозначают нечто вроде известного из теоретической физики превращения: массы текста — в энергию...

Нетрудно убедиться, что тыняновские рассуждения приложимы и к «Коньку-Горбунку». Это — не сходство, это — один и тот же прием, которым, кроме Пушкина, в русской поэзии XIX века едва ли кто владел столь виртуозно. Во всяком случае — не Ершов.

Есть в тексте сказки и прямое указание на то, что «пропущенные» стрóки в действительности не написаны. Повторю цитату:

«Отвечай же, супостат!»

«Ох, помилуй! виноват!»

.....

.....

«Ну, для первого случая,

Я вину тебе прощаю»...

Сказка написана двустушиями с регулярным чередованием (альтернансом) мужских и женских (ударных и безударных) рифмующихся окончаний строк. Без единого нарушения. А здесь обозначено именно нарушение: нужны две

«женские» строки, но они «столкнутся» с двумя следующими, такими же. Значит, вместо точек либо вообще ничего не должно быть, либо требуются не два, а четыре стиха, — и Ершов их вписывает:

*«Отпусти вину Ивану,
Я вперед уж врать не стану».
И, закутавшись в полу,
Растянулся на полу...*

Он не понимает приема, не подозревает о его существовании, он лишь соблюдает — как умеет — правила стихосложения.

Число разово «пропущенных» строк в «Коньке-Горбунке» колеблется от двух до десяти. Всего их тридцать семь. И в каждом случае таким пробелом выделено, подчеркнуто нечто существенное, на чем следует задержать взгляд.

«Стану, Царь, тебе служить», — для Ершова строка «безударная», можно и продолжить, для Пушкина — «автобиографическая», снисходительное «так и быть» усилено рифмой и подготовлено — заранее — иронически-независимым двустипением: «Эта пара, Царь, моя, И хозяин — тоже я». Добавить нечего, разве что подчеркнуть тремя точечными чертами.

Цитата из Грибоедова дважды подчеркнута — а ну как не заметят.

Наибольший пробел — после стихов о том, что всякое *имение* подданного находится во *владении* государя. Ну, например, сочинение поэта, которое он не властен опубликовать, «продать», — без высочайшего соизволения.

И так далее...

Вообще-то разного рода сомнения по поводу авторства «Конька-Горбунка» высказывались и раньше. Некоторые из них приведены Лацисом. Добавлю, что в 1982 году А. Толстяков напечатал статью «Пушкин и «Конек-Горбунок» Ершова», где попытался пересмотреть роль Пушкина в создании — и судьбе — сказки. Ибо исследователи ершовского творчества дописались, в конце концов, до того, что Пушкин, дескать, до публикации ни текста «Горбунка» в глаза не видал, ни самого Ершова. Понятно, что серьезные историки литературы подобные пассажи проигнорировали: не спорить же, в самом деле, с ложью сознательной, когда и одного смирдинского свидетельства достаточно, чтобы над нею посмеяться. Библиограф и книжник А. Толстяков не удержался: собрал воедино информацию, в общем, известную, из источников доступных для завсегдатая читальных залов и без труда доказал очевидное:

причастность Пушкина к «Горбунку», — остановившись у черты, за которой следует уже говорить о степени этой причастности. А пятнадцать лет спустя, статью — по случаю — перепечатавая, вдруг взял да и свел на нет даже этот робкий вывод: заявил, что не видит никаких оснований считать, будто это *гениальное* сочинение написано не Ершовым (хотя именно *гениальность* Ершова никак не тянет на роль краеугольного камня всей постройки). И не удосужился объяснить хотя бы одну из массы странностей в истории книги. И все-таки, видится мне, что-то автора смущает: казалось бы, в заглавии можно было Ершова и не называть. Разве недостаточно сказать: «Гамлет» или «Медный Всадник» — без имени автора...

Наверняка почувствовал, что не все в порядке с этим сочинением, и лучший знаток ершовского творчества, уже упоминавшийся Утков. Готовя книгу Ершова для издания в «Библиотеке поэта» (1952), он, конечно, сравнил тексты первого и четвертого изданий сказки, проанализировал (на свой лад) и правку, и добавления, объяснил их как восстановление цензурных изъятий и стремление усилить политическое звучание (то есть с точностью до наоборот). Однако некоторые случаи оказались до того несуразными, что никаким внятным толкованиям не поддавались, кроме тех, какие толкователю совсем не нравились. И тогда он запутал вопрос, если не окончательно, то основательно. Скомбинировал тексты тридцать четвертого и пятьдесят шестого года, по своему усмотрению заменил одни поздние фрагменты ранними, оставив другие неизменными. Отсутствие единого принципа этой, с позволения сказать, «реконструкции» делает текст — с точки зрения текстологии — *фальсификацией*, иначе не назвать.

Вот уже скоро полтора века искаженный, выхолощенный, изобилующий неловкими оборотами и явными нелепицами текст считается каноническим «Коньком-Горбунком».

Быть может, хватит с него?..

А ведь если бы в 1943 году Евгений Соколов не принялся за рисование своей любимой сказки, этой книги могло не быть. Вернее — не могло быть. С его рисунков начались мои раздумья над нею. К ним и возвращаются. С благодарностью. И со стихами сказки, поразившими *первых* ее читателей...

Ну, так как же все-таки быть — с авторством? Что можно считать доказанным — при отсутствии прямых, недвусмысленных, документально-неопровержимых свидетельств, на ос-

новании, так сказать, *косвенных улик*? Их, правда, немало, разнообразие, на мой взгляд, впечатляющее. И, при желании, не стоит непосильного труда — пополнить. Хотя бы конспективно.

Например, поразмыслить о тщетном и, судя по всему, не особенно тщательном поиске *источника* этого сочинения. Происхождение всех прочих сколь-нибудь крупных вещей Ершова легко прослеживается. А здесь, словно сговорившись, исследователи даже и не пытались толком разобраться в причудливо-искусном переплетении библейских, кельтских, арабских мотивов, пародийных намеков на новгородскую былинку, исторических и литературных реминисценций. Похож ли номинальный автор сказки на того, кто *берет свое везде, где находит*? И если да, то куда это все впоследствии подевалось — вместе с искусством стихосложения?..

Или попристальнее внимание обратить на один из эпизодов первой части — безудержно-страстную на «кобылице молодой» скачку героя «задом наперед» (к слову эти залихватские хорей словно бы нарочно, демонстративно контрастируют — с державным цокотом ямбов «Медного Всадника»). Не было ли у Пушкина и его современников в такого рода описаниях оттенка эротического? Чем не тема для модного нынче, условно говоря, *психоаналитического* подхода к литературе? И еще: «Трех рожу тебе (курсив мой — В. П.) коней...» Любопытно — от кого?..

Есть, пожалуй, некая странность и в том, что не упоминают Ершова-*стихотворца* тобольские декабристы-ссылные, Пушкина знавшие и вообще литературе не чуждые. Но в то же самое время создатели бессмертного Козьмы Пруtkова приглашают этого не блещущего артистизмом сочинителя к участию в своей затее. Не потому ли, что подозревают — или знают — в нем причастного к редкостно удачной мистификации?..

И не занятно ли, что упоминавшийся уже *ершовист* не с Пушкинскими сказками сопоставляет «Конька-Горбунка», но с Жуковским. с «Иваном Царевичем и Серым Волком»! Разумеется, в пользу Ершова, о вкусах спорить не будем, не в этом дело, а в том, что поступает он в высшей степени осмотрительно. Ведь с Пушкиным только начини сравнивать — мудроно остановиться, фабулами да характеристиками не ограничиться, сходство хореев четырехстопных снова и снова бросается в глаза, что в «Царе Салтане», что в «Золотом Петушке», что в «Горбунке». Двустипшия, альтернанс, изящная игра слов, изощренная звукопись, которую, впрочем, Ершов — *прав-*

кою своею — то и дело разрушает, скорей всего, не ведая, что творит. Некоторые случаи, Лацисом приведенные, не подчеркнуты им, и без того красноречивы. Другие тренированный читатель самостоятельно обнаружить сумеет.

Наконец, не перечитать ли неторопливо текст 1834 года, держа под рукою «Словарь языка Пушкина», с ним сверяясь — строка за строкою, за словом слово? Тут, не исключено, и неподкупный компьютер пригодится. Ясно, что — в зависимости от результата — число сторонников предлагаемой версии либо резко возрастет, либо поуменьшится.

Однако истина большинством голосов не утверждается...

Доказательство, уже сказано, — только рукопись. Дпечатная. Беловик, черновик, варианты, наброски. Рукою Ершова. Или Пушкина. Пока ее нет, прочее — лишь соображения, догадки, умозаключения, примеры. Разговор о *степени участия* Пушкина — или Ершова — в сотворении этой волшебной и загадочной *поэмы*.

Но, если гипотеза, допустим на минуту, резонна, — что же тогда остается в истории русской литературы от Ершова? Мне представляется, что — как соучастнику *пушкинской мистификации* — причитается ему положение, может быть, не менее значительное, чем то, какое занимает он ныне, судя по всему, весьма шатко, в виде «автора одного сочинения». Такова магия пушкинского имени.

1997

P.S. Вот и еще одна «прогулка с Пушкиным». Верхом. На Коньке-Горбунке.

В память Абрама Терца.

КОНЁК-ГОРБУНОК

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

«Начинает сказка сказываться...»

За горами, за лесами,
За широкими морями,
Против неба — на земле,
Жил старик в одном селе*.
У крестьянина три сына:
Старший умный был детина,
Средний сын и так и сяк,
Младший вовсе был дурак.
Братья сеяли пшеницу
¹⁰ Да возили под столицу:
Знать, столица та была
Недалёко от села.
Там пшеницу продавали,
Деньги счетом принимали
И с телегою пустой
Возвращались домой.

---

* Первые четыре стиха с 1915 по 1937 год включались в собрания сочинений Пушкина (*прим. составителя*).

В долгом времени аль вскоре
Приключилося им горе:
Кто-то в поле стал ходить
20 И пшеницу их косить.
Мужички такой печали
От рожденья не видали.
Стали думать да гадать —
Как бы вора им поймать,
И решили всенародно:
С ночи той поочередно
Полосу свою беречь,
Злого вора подстеречь.

Только стало лишь смеркаться —
30 Начал старший брат собираться,
Взял и вилы, и топор
И отправился в дозор.
Ночь ненастная настала:
На него боязнь напала,
И со страху наш мужик
Завалился на сенник.
Ночь проходит, день приходит.
С сенника дозорный сходит
И, обшед избу кругом,
40 У дверей стучит кольцом.
«Эй, вы, сонные тетери!
Отпирайте брату двери;
Под дождем я весь промок

С головы до самых ног».
Братья двери отворили,
Караульного впустили,
Стали спрашивать его,
Не видал ли он чего.
Караульный помолился,
50 Вправо, влево поклонился
И, прокашлявшись, сказал:
«Целу ноченьку не спал;

На мое ж притом несчастье
Было страшное ненастье;
Дождь вот так ливмя и лил;
Под дождём я все ходил.
Правда, было мне и скучно,
Впрочем, всё благополучно».
Похвалил его отец:
60 «Ты, Данило, молодец!
Ты, вот, так сказать, примерно,
Сослужил мне службу верно,
То есть, будучи при том,
Не ударил в грязь лицом».

Снова начало смеркаться;
Средний сын пошел собирать,
Взял и вилы, и топор
И отправился в дозор.
Ночь холодная настала:
70 На него тоска напала,
Зубы начали плясать,
Он — ударился бежать,
И всю ночь ходил дозором
У соседки пред забором.
Только начало светать,
У дверей он стал стучать.
«Эй, вы, сони! Что вы спите?
Брату двери отоприте;
Ночью страшный был мороз,

- 80 До костей я весь промёрз».
Братья двери отворили,
Караульного впустили,
Стали спрашивать его,
Не видал ли он чего.
Караульный помолился,
Вправо, влево поклонился
И сквозь зубы отвечал:
«Всю я ноченьку не спал.
Да к моей судьбе несчастной
90 Ночью холод был ужасный,
До костей меня пробрал;
Целу ночь я проскакал;
Слишком было несподручно.
Впрочем, всё благополучно».
И ему сказал отец:
«Ты, Гаврило, молодец !»

Стало в третий раз смеркаться,
Надо младшему собираться;
Он и усом не ведёт,
100 На печи в углу поёт
Изо всей дурацкой мочи:
«Распрекрасные вы очи !»
Братья ну его ругать,
Стали в поле посылать;
Но, сколь долго ни кричали,
Только время потеряли:

Он ни с места. Наконец,
Подошёл к нему отец,
Говорит ему: «Послушай,
110 Ты поди в дозор, Ванюша;
Я нашью тебе обнов,
Дам гороху и бобов».
Вот дурак с печи слезает,
Шапку набок надевает,
Хлеб за пазуху кладёт
И, шатаяся, идёт.

Ночь настала; месяц всходит;
Поле всё дурак обходит,
Озираючись кругом,
120 И садится под кустом,
Звёзды на небе считает
Да краюшку убирает.
Вдруг на поле конь заржал...
Караульный наш привстал,
Посмотрел сквозь рукавицу
И увидел кобылицу.
Кобылица та была
Вся, как зимний снег, бела;
Грива точно золотая,
130 В мелки кольца завитая.
«Эхе-хе! так вот какой
Наш воришко; но постой,
Я шутить ведь не умею,

Разом сяду те на шею.
Вишь, какая саранча!»
И, минуто улуча,
К кобылице подбегает,
За волнистый хвост хватает
И садится на хребет —
140 Только задом наперед.
Кобылица молодая,
Задом, передом брыкая,

Понеслася по полям,
По горам и по лесам;
То заскачет, то забьётся,
То вдруг круто повернётся;
Но дурак и сам не прост:
Крепко держится за хвост.

Наконец, она устала.
150 «Ну, дурак, — ему сказала, —
Коль умел ты усидеть,
Так тебе мной и владеть.
Ты возьми меня с собою
Да ухаживай за мною
Сколько можешь. Да смотри,
По три утренни зари
Отпускай меня на волю
Погулять по чисту полю.
Не простым корми овсом, —
160 Белояровым пшеном;
Не озерной пой водою,
Но медовою сытою.
По исходе же трёх дней
Двух рожу тебе коней,
Да таких, каких на свете
Не бывало и в примете;
Ещё третьего конька,
Ростом только в три вершка,
На спине с двумя горбами,

170 Да с аршинными ушами.
Первых ты коней продай,
Но конька не отдавай
Ни за яхонт, ни за золото,
Ни за царскую палату.
Да смотри же, не забудь.
Только кони подрастут,
Не держи меня в неволе,
А пусти на чисто поле».

«Ладно», — думает Иван
180 И в пастуший балаган
Кобылицу загоняет,
Дверь рогожей закрывает,
И, лишь только рассвело,
Отправляется в село,
Напевая громко песню:
«Ходил молодец на Пресню».

Вот он входит на крыльцо,
Вот берётся за кольцо;
Что есть силы в дверь стучится,
190 Так что кровля шевелится,
И кричит на весь базар,
Словно сделался пожар.
Братья с лавок поскакали,
Заикаясь, вскричали:
«Кто стучится сильно так?» —

«Это я! Иван-дурак!»
Братья двери отворили,
Караульного впустили
И давай его ругать, —
200 Как он смеет так стучать?
А дурак наш, не снимая
Ни лаптей, ни малахая,
Отправляется на печь
И ведет оттуда речь
Про ночное похождение,
Старику на удивленье:
«Целу ноченьку не спал,
Звёзды на небе считал;
Месяц ровно также светил,
210 Я порядком не приметил.
Вдруг приходит дьявол сам,
С бороною и с усам;
Рожа — словно как у кошки,
А глаза — так что те ложки!
Он пшеницей стал ходить
И давай хвостом косить.
Я шутить ведь не умею,
И вскочи ему на шею.
Уж носил же он, носил!
220 Так что выбился из сил,
В воровстве своём признался
И пшеницу есть заклался».
Тут рассказчик замолчал,

Позевнул и задремал.
Братья, сколько ни серчали,
Не смогли, захохотали,
Подпершись под бока,
Над рассказом дурака.
Сам отец не мог сдержаться,
230 Чтоб до слёз не посмеяться;
Хоть смеяться, так оно —
Старикам уж и грешно.

Вот однажды брат Данило
(В праздник, помнится, то было),
Возвратившись с свадьбы пьян,
Затащился в балаган.
Там увидел он красивых
Двух коней золотогривых,
Еще третьего конька,
240 Ростом только в три вершка,
На спине с двумя горбами
Да с аршинными ушами.
«Хе! теперь-то я узнал,
Для чего здесь дурень спал!—
Говорит себе Данило.—
Дай, скажу о том Гавриле».
Вот Данило в дом бежит
И Гавриле говорит:
«Посмотри, каких красивых
250 Двух коней золотогривых

Наш дурак себе достал;
Ты таких и не видал».
И Данило да Гаврило,
Что в ногах их мочи было,
Через кочки, чрез бурьян
Побежали в балаган.

Кони ржали и храпели;
Очи яхонтом горели;
В мелки кольца завитой
260 Хвост раскинут золотой,
И алмазные копыты
Крупным жемчугом обиты.
Любо-дорого смотреть!
Лишь Царю б на них сидеть!

Братья так на них смотрели,
Что чуть глаз не проглядели.
«Где он это их достал?» —
Старший младшему сказал. —
Но издавна речь ведётся,
270 Что всё глупым удаётся;
Будь преумная душа,
Не добудешь и гроша.
Ну, Гаврило! в ту седмицу
Отведём-ка их в столицу,
Там боярам продадим,
Деньги вместе разделим;

А с деньжонками, сам знаешь,
И попьёшь, и погуляешь,
Стоит хлопнуть по мешку.
280 А Ивану-дураку
Не достанет ведь догадки,
Где стоят его лошадки;
Пусть их ищет там и сям.
Ну, Гаврило, по рукам!»
Братья разом согласились,
Обнялись, перекрестились
И вернулись домой,
Говоря промеж собой
Про коней и про пирушку,
290 И про чудную свиньюшку.

Время катит чередом
Час за часом, день за днём;
И чрез первую седмицу
Братья ехали в столицу,
Чтоб товар там свой продать
И на пристани узнать:
Не пришли ли с кораблями
Немцы в город за холстами,
И нейдёт ли Царь Салтан
300 Басурманить Христиан?
Вот иконе помолились,
У отца благословились,
Взяли двух коней тайком

И отправились потом;
Удалого погоняют
Да о деньгах рассуждают.

Вдруг дурак — часов чрез пять —
Вздумал в поле ночевать.
Дураку ли мешкать? Дело
310 У него в руках кипело;
Он околицей идёт,
Ест краюшку да поёт.
Вот рогожу поднимает,
Руки в боки подпирает,
И с прискачкою Иван
Боком входит в балаган.

Всё по-прежнему стояло;
Двух коней как не бывало,
Лишь бедняжка Горбунок
320 У его вертелся ног,
Хлопал с радости ушами
И приплясывал ногами.
Как завоет тут Иван,
Опершись о балаган:
«Ой, вы, кони буры-сивы,
Мои кони златогривы!
Я кормил-то вас, ласкал,
Да какой вас чёрт украл?
Чтоб пропасть ему — собаке!

330 Чтоб издохнуть в буераке!
Чтоб ему на том свету
Провалиться на мосту!
Ой, вы, кони буры-сивы,
Мои кони златогривы!»

Тут конёк его прервал:
«Не тужи, Иван, — сказал, —
Велика беда — не спорю;
Но могу помочь я горю.
Ты на чёрта не клепли:
340 Братья коней увели,
Как поехали из дому.
Но что мешкать по-пустому?
На меня скорей садись,
Только знай себе держись,
Я хоть роста небольшого,
Да сменю коня другого;
Как пуцусь, да побегу,
Так и беса настигу».

Тут конёк пред ним ложится;
350 На него дурак садится,
Крепко за уши берёт.
Горбунок-конёк встаёт,
Чёрной гривкой потрясает,
На дорогу выезжает;
Вдруг заржал и захрапел,

И стрелою полетел,
Только чёрными клубами
Пыль вертелась под ногами;
И чрез несколько часов
360 Наш Иван догнал воров.

Братья, видя то, смешались,
Не на шутку испугались;
А дурак им стал кричать:
«Стыдно, братья, воровать!
Хоть Ивана вы умнее,
Да Иван-то вас честнее:
Он у вас коней не крал».
Старший брат тогда сказал:
«Дорогой наш брат, Ванюша!
370 Не клади нам грех на души.
Мы, ты знаешь, как бедны,
А оброк давать должны.
Вот в такой большой печали
Мы с Гаврилом толковали
Всю сегодняшнюю ночь —
Чем бы горюшку помочь?»
Так и этак мы судили,
Наконец, вот так решили:
Чтоб продать твоих коней
380 Хоть за тысячу рублей.
Наш отец-старик не может,
Работать уже не может,

Надо нам его кормить —
Сам ты можешь рассудить». —

«Ну, коль этак, так ступайте, —
Говорит Иван, — продайте
Златогривого коня;
Да возьмите ж и меня».
Оба брата согласились,
³⁹⁰ И все вместе в путь пустились.

Стало на небе темнеть;
Воздух начал холодеть.
Братья, чтоб не заблудиться,
Вздумали остановиться.
Под навесами ветвей
Привязали лошадей,
Взяли хлеба из лукошка,
Опохмелились немножко
И потом, кто как умел,
⁴⁰⁰ Песни разные запел.

Вот Данило вдруг заметил:
Огонёк во тьме засветил.
На Гаврила он взглянул,
Левым глазом подмигнул
И прикашлянул легонько,
Показав огонь тихонько.
Тот затылок почесал

И с лукавством так сказал,
Усмехаяся: «Послушай,
410 Принеси огня, Ванюша!
Ночь темна, а у меня
Ни огнива, ни кремня».
Сам же думает Данило:
«Чтоб тебя там задавило!»
А Гаврило говорит
Тихо брату: «Может быть,
Там станичники пристали —
Поминай его как звали».

Все пустяк для дурака!
420 Он садится на конька
И, схватив его руками,
Бьёт в круты бока ногами,
Изо всех горланит сил...
Конь взвился, и след простыл.
«Буди с нами крестна сила! —
Закричал тогда Гаврила,
Осенясь крестом святым. —
Что за бес-конёк под ним?»

Огонёк горит светлее,
430 Горбунок бежит скорее,
И чрез несколько минут
При огне конек — как тут.
Тот огонь в лугу светлеет, —

Не дымится и не греет.
Диву дался тут Иван.
«Что,— сказал он, — за Шайтан!
Много блеску, много свету,
А тепла и дыму нету.
Эко чудо-огонек!»

- 440 Тут сказал ему конёк:
«То перо, Иван, Жар-птицы
Из чертогов Царь-Девицы.
Но для счастья своего
Не бери себе его.
Много, много непокою
Принесёт оно с собою».
«Говори ты! как не так!» —
Про себя ворчит дурак;
И, подняв перо Жар-птицы,
450 Завернул его в тряпицы,
В шапку мигом положил
И конька поворотил.
Скоро к братьям приезжает
И на спрос их отвечает:
«Как туда я доскакал,
Пень сгорелый увидал;
Уж над ним я бился, бился,
Так что чуть не надсадился;
Раздувал его я с час, —
460 Нет ведь, чёрт возьми! угас.»

Братья целу ночь не спали,
Над Иваном хохотали;
А Иван под воз присел,
Вплоть до утра прохрапел.

Тут коней они впрягали
И в столицу приезжали,
Становились в конный ряд
Супротив больших палат.

В той столице был обычай,
470 Коль не скажет городничий, —
Ничего не покупать,
Ничего не продавать.
Вот ворота отворяют;
Городничий выезжает
В туфлях, в шапке меховой,
С сотней стражи городской.
Рядом едет с ним брадатый,
Называемый глашатый;
Он в злату трубу трубит,
480 Громким голосом кричит:
«Гости! лавки отворяйте,
Покупайте, продавайте,
Надзирателям сидеть
Подле лавок и смотреть,
Чтобы не было содому,
Ни смятенья, ни погрому,

И чтобы купецкой род
Не обманывал народ!»
Гости лавки отворяют,
490 Покупальщиков сзывают:
«Эй! честные господа!
К нам пожалуйте сюда!
Как у нас ли тары-бары,
Всяки разные товары».

В это время тот отряд
Приезжает в конный ряд;
Но от множества народу
Нет ни выходу, ни входу;
Так кишмя вот и кишат,
500 И смеются, и кричат.
Городничий удивился —
Что народ развеселился,
И приказ отряду дал,
Чтоб дорогу прочищал.
«Эй! вы, черти босоноги!
Прочь с дороги! прочь с дороги!» —
Закричали усачи
И ударили в бичи.
Тут народ зашевелился,
510 Шапки снял и расступился.

Пред глазами конный ряд:
Два коня в ряду стоят,

Молодые, вороные,
Вьются гривы золотые;
В мелки кольца завитой,
Хвост раскинут золотой...
Городничий раздвинулся
И два раз перекрестился.
«Чуден, — молвил, — Божий свет!
520 Уж каких чудес в нём нет».
Весь отряд тут усмехнулся,
Сам глашатай заикнулся.
Городничий между тем
Наказал престрого всем,
Чтоб коней не покупали,
Не зевали, не кричали,
Что он едет ко Двору —
Доложить об том Царю.
И, оставив часть отряда,
530 Он поехал для доклада.

Приезжает во дворец.
«Ты помилуй, Царь-отец! —
Городничий восклицает
И пред троном упадает. —
Не вели меня казнить,
А вели мне говорить».
Царь изволил молвить: «Ладно,
Говори, да только складно». —
«Как умею, расскажу:

540 Городничим я служу;
Верой, правдой отправляю
Эту должность...» — «Знаю,
знаю!» —

«Вот сегодня, взяв отряд,
Я поехал в конный ряд,
Подъезжаю — тьма народу!
Нет ни выхода, ни входу.
Я отряду приказал,
Чтоб народ он разогнал.
Так и случилось, Царь-Надёжа!

550 И поехал я — и что же?
Предо мною конный ряд:
Два коня в ряду стоят,
Молодые, вороные;
Вьются гривы золотые;
В мелки кольца завитой
Золотистый хвост трубой,
И алмазные копыты
Крупным жемчугом обиты...»

Царь не мог тут утерпеть.
560 «Надо коней посмотреть, —
Говорит он, — да не худо
И завести такое чудо.»

Колесницу запрягли
И ко входу подвезли.

Царь умылся, нарядился
И на рынок покатился;
За Царем стрельцов отряд.

Вот он въехал в конный ряд.
На колени все тут пали
570 И ура Царю кричали.
Царь раскланялся, и вмиг
С колесницы к коням прыг...
Вкруг коней он ходит, хвалит,
То потреплет, то погладит;
И, довольно насмотрясь,
Он спросил, оборотясь
К окружавшим: «Эй, ребята!
Чьи такие жеребята?
Кто хозяин?» Тут дурак,
580 Спрятав руки за армяк,
Из-за братьев выступает
И, надувшись, отвечает:
«Эта пара, Царь, моя,
И хозяин — тоже я». —

«Ну, я пару покупаю;
Продаёшь ты?» — «Нет, меняю». —

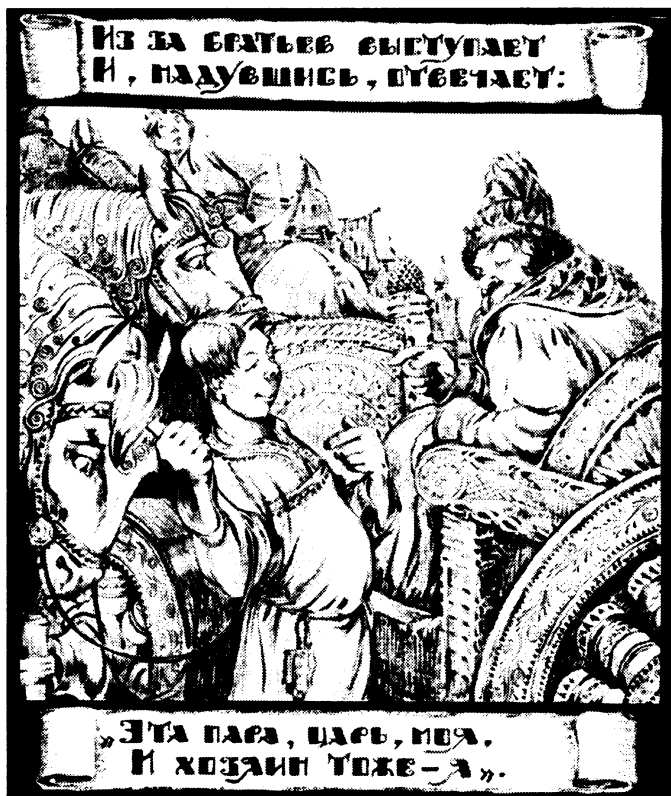
«Что в промен берешь добра?» —
«Два-пять шапок серебра». —

«То есть, это будет десять».

590 Царь тотчас велел отвесить
И, по милости своей,
Дал в прибавок пять рублей;
Царь-то был великодушный!

Повели коней в конюшни
Десять конюхов седых,
Все в нашивках золотых,
Все с цветными кушаками
И с сафьянными бичами.
Но дорогой, как на смех,
600 Кони с ног их сбили всех,
Все уздечки разорвали
И к Ивану прибежали.

Царь отправился назад,
И сказал ему: «Ну, брат,
Пара нашим не даётся;
Делать нечего, придётся
При дворце тебе служить.
Будешь в золоте ходить,
В красно платье наряжаться,
610 Словно в масле сыр кататься;
Всю конюшенну мою
Я во власть тебе даю.
Царско слово в том порука.
Что, согласен?» — «Эка штука!

Во дворце я буду жить,
Буду в золоте ходить,
В красно платье наряжаться,
Словно в масле сыр кататься!
Весь конюшенный завод
620 Царь мне даром отдаёт;
То есть я из огорода
Стану царский воевода.
Чудно дело! Так и быть,

Стану, Царь, тебе служить».

.....
.....
.....

Тут подкликнул он коней
И пошел вдоль по столице
630 Вслед за царской колесницей.
И под песню дурака
Кони пляшут трепака;
А конек его — горбатко —
Так и ломится вприсядку
К удивленью людям всем.

Два же брата между тем
Деньги царски получили,
В шапку накрепко зашили
И отправили гонца,
640 Чтоб обрадовать отца.
Дома дружно поделились,
Оба враз они женились,
Стали жить да поживать,
Да Ивана поминать.

Но теперь мы их оставим,
Снова сказкой позабавим
Православных Христиан,
Что наделал наш Иван,
Находясь во службе царской

- 650 При конюшне государско́й,
Со своим лихим коньком —
Неизменным Горбунком;
Как поймал Иван Жар-птицу,
Как похитил Царь-Деву́цу,
Как кольцо её достал;
Как он в небе погулял;
Как он в Солнцевом селенье
Киту выпросил прощенье;
Как по милости своей
- 660 Спас он тридцать кораблей;
Как в котлах он не сварился,
Как красавцем учинился;
Словом: наша речь о том,
Как он сделался Царём.

Конец 1-й части

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

*«Скоро сказка сказывается,
а не скоро дело делается».*

Зачинается рассказ
От Ивановых проказ,
И от сивка, и от бурка,
И от вещега каурка.
Козы на море ушли;
Конь поднялся от земли:
Под ногами лес стоячий,
Облака над ним ходячи. —
Это присказка: пожди, —
10 Сказка будет впереди.
Как на море-Окияне
И на острове Буяне
Новый гроб в лесу стоит,
В гробе девица лежит;
Соловей над гробом свищет;
Черный зверь в дубраве рыщет. —
Это присказка, а вот —

Сказка чередом пойдёт.

Ну, так видите ль, миряне,
20 Православны Христиане,
Наш удалый молодец
Затесался во дворец;
При конюшне царской служит
И нисколько не потужит
Он о братьях, об отце
В государевом дворце.
Да и что ему до братьев?
У Ивана разных платьев,
Красных, с вышивкой, цветов
30 Чуть не десять коробов;
Ест он сладко, спит он столько,
Что раздолье, да и только!

Вот неделей через пять
Начал Спальник примечать...

Надо молвить: этот Спальник
До Ивана был начальник
Над конюшней надо всей;
Из боярских был детей;
На Ивана он косился
40 И крестом святым божился,
Что Ивана-молодца
Потурит он из дворца.

Но, лукавство сокрывая,
Он для всякого случая
Притворился, плут, глухим,
Близоруким и немым;
Сам же думает: «Постой-ка,
Я те брякну, неумойка!»
Так, неделей через пять,
50 Спальник начал примечать,
Что Иван коней не холит,

И не чистит, и не школит;
Но при всём том два коня
Словно лишь из-под гребня:
И причёсаны, обмыты,
Гривы в косы перевиты,
Чёлки собраны в пучок,
Шерсть — ну, лоснится, как шёлк;
В стойлах — свежая пшеница,
60 Словно тут же и рождается,
И в чану большом сыта
Будто только налита.
«Что за притча тут такая? —
Спальник думает, вздыхая. —
Уж не ходит ли, постой,
К нам проказник домовой?
Дай-ка я подкараулю,
И под нос такую дулю
Поднесу я дураку,
70 Что хоть тут же и в реку.
Докажу я в Думе царской,
Что конюший государской
Басурманин, ворожей,
Чернокнижник и злодей!»

В тот же вечер этот Спальник,
Прежний конюших начальник,
В стойлы спрятался тайком
И обсыпался овсом.

Полночь тёмная приходит.
80 Наш Иван в конюшню входит,
Без свечки, без фонаря,
Распевая про царя.
Дверь задвижкой запирает,
Шубку красную скидает,
На окно её кладёт
И из шапки той берёт
В три завитое тряпицы
Из крыла перо Жар-птицы.
Свет такой тут заблистал,
90 Что чуть Спальник не вскричал
И от страху так забился,
Что овес с него свалился.
Но Ивану невдомёк:
Он кладет перо в сусек,
Чистить коней начинает,
Умывает, убирает,
Гривы длинные плетёт,
Разны песенки поёт.
Лишь убрал — перо Жар-птицы
100 Завернул опять в тряпицы
И спокойно тут прилег
У коней близ задних ног.

Только начало зориться,
Спальник начал шевелиться
И, увидя, что дурак

Спит крепко, как хомяк,
Он тихонько на пол сходит
И на цыпочках подходит...
Мигом шапку подхватил,
110 Прыг в окно и — след простыл.

Царь лишь только пробудился,
Спальник наш к нему явился,
Стукнул крепко об пол лбом
И запел Царю потом:
«Я с повинной головою,
Царь, явился пред тобою,
Не вели меня казнить,
Прикажи мне говорить!» —
«Говори, не прибавляя, —
120 Царь сказал ему, зевая, —
Если ж будешь ты да врать,
То беды не миновать».
Спальник наш, собравшись с силой,
Говорит Царю: »Помилуй!
Вот те истинный Христос,
Справедлив мой, Царь, донос:
Наш Иван, то всякий знает,
От тебя, отец, скрывает,
Но не золото, не серебро —
130 Жаро-птицево перо...» —
«Жаро-птицево?.. Проклятый!
И он смел такой богатый...

Погоди же ты, злодей!
Не минуешь ты плетей!..» —
«Да и то ль еще он знает! —
Спальник тихо продолжает,
Изогнувшись. — Добро!
Пусть имел бы он перо;
Да и самую Жар-птицу
140 Во твою, отец, светлицу,
Если б вздумал приказать,
Похвалается достать».
И, польстивши донесеньем,
Хитрый Спальник со смиреньем
К Государю приступил
И перо ему вручил.

Царь смотрел и дивовался,
Гладил бороду, смеялся
И скусил пера конец.
150 Тут, уклав его в ларец,
Закричал от восхищенья:
.....
.....
«Гей! Позвать мне дурака!»

И посыльные Дворяна
Побежали по Ивана;
Но, столкнувшись все в углу,
Растянулись на полу.

Царь тем много любовался
160 И до колотья смеялся;
А Дворяна, усмотря,
Что смешно то для Царя,
Меж собой перемигнулись
И вдругоредь растянулись.
.....
.....
Тут посыльные Дворяна
Вновь пустились звать Ивана,
И на этот уже раз
170 Обошлись без проказ.

Вот к конюшне прибегают,
Двери настезь отворяют —
И ногами дурака
Ну поталкивать в бока;
С полчаса над ним возились,
Но его не добудились;
Наконец, уж рядовой
Разбудил его метлой.

«Что за челядь вы такая?» —
180 Говорит Иван, вставая. —
Как хвачу я вас бичом,
Так не станете потом
Без пути будить Ивана».
Говорят ему Дворяна:

«Царь изволил приказать,
Нам тебя к нему позвать». —
«Вот немножко приберуся
И тотчас к Царю явлюся», —
Говорит послам дурак.

190 Тут надел он свой армяк,
Опояской подвязался,
Приумылся, причесался,
Кнут привесил за конец
И пустился во дворец.

Вот Иван к Царю явился,
Поклонился, подбодрился,
И тотчас Царя спросил:
Для чего его будил?
Царь, прищурясь глазом левым,
200 Закричал к нему со гневом:
«Ты мне должен отвечать:
Как ты смел, урод, скрывать
От моего разуменья,
Находясь в моем владеньи,
Что имеешь ты добро —
Жаро-птицево перо!...

. . . . .
. . . . .
. . . . .
210 . . . . .
. . . . .

240 Не являйся мне живой:
Посажу тебя я на кол.
Вон сей час!» Иван заплакал
И пошел на сеновал,
Где конёк его лежал.

Горбунок, его почуя,
Дрягнул было плясовую;
Но, увидя дурака,
Он оставил трепака.
«Что, Иванушка, не весел?»
250 Что головушку повесил? —
Говорит ему конёк,
У его вертятся ног. —
Чай, сгубили лиходеи?»
Пал Иван коньку на шею,
Обнимал и целовал.
«Ох, беда, конёк! — сказал. —
Царь велит достать Жар-птицу
В Государскую светлицу.
Что мне делать, Горбунок?»
260 Говорит ему конёк:
«Велика беда, не спору;
Но могу помочь я горю.
От того беда твоя,
Что не слушался меня;
Помнишь, ехавши в столицу,
Ты нашёл перо Жар-птицы;

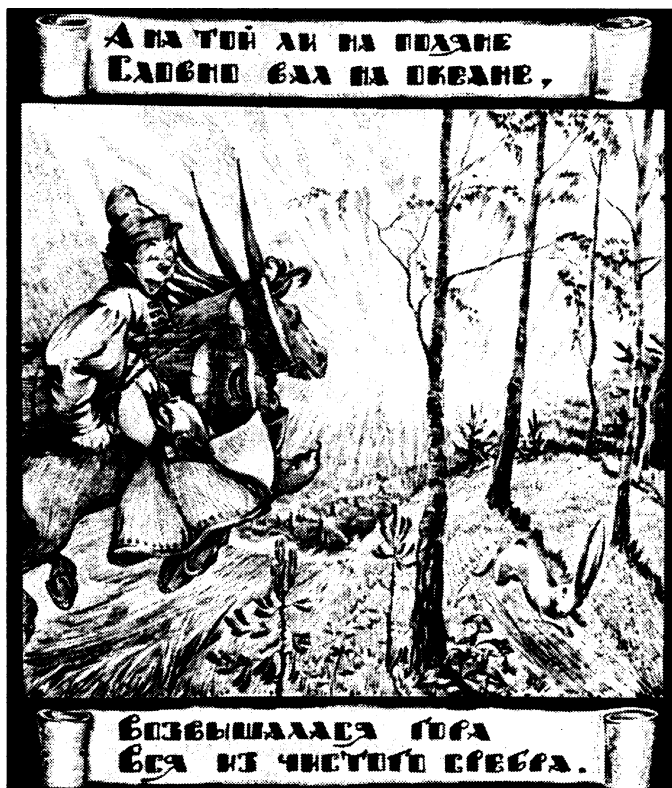
Я сказал тебе тогда:
«Не бери, Иван, — беда!
Много, много непокою
270 Принесет оно с собою».
Вот теперь ты узнал,
Для чего я запрещал.
Но, сказать тебе по дружбе,
Это службишка, не служба;
Служба всё, брат, впереди.
Ты к Царю теперь поди
И скажи ему открыто:
«Надо, Царь, мне два корыта
Белоярова пшена
280 Да заморского вина;
Да вели поторопиться:
Завтра, только зазорится,
Мы отправимся в поход».

Тут Иван к Царю идет,
Говорит ему открыто:
«Надо, Царь, мне два корыта
Белоярова пшена
Да заморского вина».
Царь велел, чтобы Дворяна
290 Всё сыскали для Ивана,
Молодцом его назвал
И — «счастливый путь!» сказал.

На другой день, утром рано,
Разбудил конёк Ивана.
«Гей! хозяин! полно спать!
Уж пора тебе вставать».
Вот Иванушка поднялся,
В путь-дорожку собирался,
Взял корыта и пшено,
300 И заморское вино;
Потеплее приоделся,
На коньке своём уселся,
Вынул хлеба ломоток
И поехал на Восток —
Доставать тое Жар-птицу.

Едут целую седмицу.
Напоследок, в день осьмой,
Приезжают в лес густой.
Тут сказал конёк Ивану:
310 «Ты увидишь здесь поляну;
На поляне той гора
Вся из чистого сребра;
Вот сюда-то до зарницы
Прилетают Жары-птицы
Из ручья воды испить;
Тут и будем их ловить».

Вот конёк по косогору
Поднялся на эту гору,

А НА ТОЙ ЛИ НА ПОЛЯНЕ
СЛОВНО БЫЛ НА ОКРАНЕ,

ВОЗВЫШАЛАСЯ ГОРА
БЫ ИЗ ЧИСТОГО СРЕБРА.

320 Вёрсту, другу пробежал,
Устоялся и сказал:
«Скор о ночь, Иван, начнется,
И тебе стеречь придется.
Ну, в корыто лей вино,
И с вином мешай пшено.
А чтоб быть тебе закрыту,
Под другое сядь корыто;
Втихомолку примечай,

Да смотри же, не зевай.

До восхода, слышь, зарницы

330 Прилетят сюда Жар-птицы

И начнут пшено клевать,

Да по-своему кричать.

Ты, которая поближе,

И схвати ее, смотри же;

А поймашь птицу-Жар —

И кричи на весь базар:

Я тотчас к тебе явлюсь». —

«Ну, а если обожгуся?» —

Говорит коньку дурак,

340 Расстилая свой армяк. —

Рукавички взять придётся;

Чай, плутовка больно жгётся».

Тут конёк из глаз исчез;

А Иван-дурак подлез

Под дубовое корыто

И лежит там, как убитый.

Вот полночную порой

Свет разлился над горой, —

Будто полдень наступает:

350 Жары-птицы налетают;

Стали бегать и кричать,

И пшено с вином клевать.

Наш Иван, от них закрытый,

Смотрит птиц из-под корыта

И толкует сам с собой,
Разводя своей рукой:
«Тьфу ты, дьявольская сила!
Эх их — дряней, привалило!
Чай, их тут десятков с пять.
360 Кабы всех переимать —
То-то б знатная пожива!
Неча молвить, страх красивы!
Ножки красные у всех;
А хвосты-то — сущий смех!
Чай, таких у куриц нету;
А уж сколько, парень, свету —
Словно батюшкина печь!»
И, ведя такую речь,
Наш Иван на пол-аршина
370 Вылез тихо на средину,
Ко пшени с вином подполз —
Хватить одну из птиц за хвост.
«Ой! конёчек-Горбуночек!
Прибегай скорей, дружок!
Я ведь птицу-то поймал!» —
Так Иван-дурак кричал.
Горбунок тотчас явился.
«Ну, хозяин, отличился! —
Говорит ему конёк. —
380 Опускай ее в мешок,
Да завязывай туже;
А мешок привесь на шею».

И, уладив меж собой,
Воротилися домой.

Вот приехали в столицу.
«Что, достал ли ты Жар-птицу?» —
Царь Ивану говорит.
«Прикажи-ка, Царь, закрыть
У твоей опочивальни
390 Крепко-накрепко все ставни, —
Знашь, чтобы не светил свет,» —
Говорит Иван в ответ.
Тут дворяна побежали,
Ставни крепко запирали:
Тот защёлкой, тот ключом.
Вот Иван тряхнул мешком...
Свет невиданный в светлице
От тое пошёл Жар-птицы.
Царь кричит на весь базар:
400 «Ахти! батюшки, пожар!
Эй, решётчных сзывайте!
Заливайте! Заливайте!» —
«Это, слышь ты, не пожар,
Это свет от птицы-Жар, —
Говорит Иван со смехом. —
Видишь, знатную потеху
Я привёз те, Осударь!»
Тут сказал Ивану Царь:
«Ну, спасибо, брат Ванюша!

410 Ввеселил мою ты душу;
И для радости такой —
Будь ты Царский Стремяной!»

Это видя, хитрый Спальник,
Прежний конюших начальник,
Говорит себе под нос:
«Нет, постой, молокосос!
Не всегда тебе случится
Так канальски отличиться.
Я те снова подведу,
420 Мой дружок, под беду!»

Через три потом недели,
Вечерком одним, сидели
В царской кухне повара
И служители Двора,
Попивали из стакана
Да читали Еруслана.
«Эк! — один слуга сказал, —
Как севодни я достал
От соседа чудо-книжку!
430 В ней страниц не так чтоб слишком,
Да и сказок только пять;
А уж сказки — вам сказать,
Так не можешь надивиться;
Надо ж этак умудриться!»
Тут все в голос: «Удружи!

Расскажи, брат, расскажи!»
«Ну, какую ж вы хотите?»
Пять ведь сказок; вот смотрите:
Перва сказка о *Бобре*,
440 А вторая о *Царе*,
Третья... дай Бог память... точно!
О *Боярыне Восточной*;
Вот в четвертой: князь *Бобыл*;
В пятой... в пятой... эх, забыл!
В пятой сказке говорится...
Так в уме вот и вертится...» —
«Ну, да брось её!» — «Постой!..» —
«О красотке, что ль, какой?» —
«Точно, в пятой говорится
450 О прекрасной *Царь-Девице*.
Ну, которую ж, друзья,
Расскажу севодни я?» —
«*Царь-Девицу!* — все кричали, —
О царях мы уж слыхали;
Нам девиц-то поскорей!
Их и слышать веселей».
И слуга, усевшись важно,
Стал рассказывать протяжно:

«У далеких Немских стран
460 Есть, ребята, *Окиян*.
По тому ли *Окияну*
Ездят только *Басурманы*;

С православной же земли
Не бывали николи
Ни дворяне, ни миряне
На поганом Окияне.
От гостей же слух идёт,
Что девица в нём живёт;
Но девица не простая,
470 Дочь ведь Месяцу родная,
Солнце старший будет брат.
Та девица, говорят,
Ездит в красном полушубке,
В золотой, ребята, шляпке,
И серебряным веслом
В Окияне правит том;
Разны песни попевает
И на гусельцах играет...»

Спальник тут с полатей скок,
480 И со всех, что было, ног
Во дворец к Царю пустился
И как раз к нему явился;
Стукнул крепко об пол лбом
И запел Царю потом:
«Я с повинной головою,
Царь, явился пред тобою;
Не вели меня казнить,
Прикажи мне говорить». —
«Говори, да правду только!

490 И не лги, смотри, нисколько!» —
Царь с кровати закричал.
Хитрый Спальник отвечал:
«Мы севодни в кухне были,
За твое здоровье пили,
А один из дворских слуг
Нас забавил сказкой вслух;
В этой сказке говорится
О прекрасной Царь-Девице...
Вот твой Царский Стремянной
500 Поклялся твоей брадой,
Что он знает эту птицу —
Так он назвал Царь-Девицу, —
И её, изволишь знать,
Похваляется достать».
Спальник стукнул об пол снова.
«Гей! позвать мне Стремяннова!» —
Царь посыльным закричал.
Спальник тут за печку стал;
А посыльные дворяна
510 Побежали по Ивана
И соннаго дурака
Привели без армяка.
Царь так начал речь: «Послушай!
На тебя донос, Ванюша.
Говорят, что ты сей час
Похваляешься для нас
Отыскать другую птицу,

Сиречь молвить, Царь-Девицу...

520

. . . . .
. . . . .
. . . . .
. . . . .
. . . . .
. . . . .

. . . . . Но смотри,
Если ты недели в три
В нашу Царскую светлицу,
Не достанешь Царь-Девицу,
То, клянуся бородой,
530 Не останешься живой:
Посажу тебя я на кол!
Вон сей час!» Иван заплакал
И пошёл на сеновал,
Где конёк его лежал.

«Что, Иванушка, не весел?
Что головушку повесил?» —
Говорит ему конёк,
У его вертяся ног. —
Знать, сгубили лиходеи!»
540 Пал Иван к коньку на шею,
Обнимал и целовал.
«Ох! беда, конёк! — сказал. —
Царь велит в свою светлицу
Мне достать, слышь, Царь-Девицу.

Что мне делать, Горбунок?»
Говорит ему конёк:
«Велика беда — не спорю;
Но могу помочь я горю.
От того беда твоя,
550 Что не слушался меня.
Но, сказать тебе по дружбе,
Это службишка, не служба;
Служба всё, брат, впереди!
Ты к Царю теперь поди
И скажи: ведь для поимки
Надо, Царь, мне две ширинки,
Шитый золотом шатёр
Да обеденный прибор —
Весь заморского варенья,
560 И сластей для прохлажденья».

Вот Иван к Царю идёт
И такую речь ведёт:
«Для Царевниной поимки
Надо, Царь, мне две ширинки,
Шитый золотом шатёр
Да обеденный прибор —
Весь заморского варенья,
И сластей для прохлажденья.
Да вели-ка поспешать,
570 Чтобы время не терять».
Царь велел, чтобы Дворяна

Всё сыскали для Ивана,
Молодцом его назвал
И — «счастливый путь!» сказал.

На другой день, утром рано,
Разбудил конёк Ивана:
«Гей, хозяин! полно спать!
Уж пора тебе вставать!»
Вот Иванушка поднялся,
580 В путь-дорожку собирался,
Взял ширинки и шатёр,
И обеденный прибор —
Весь заморского варенья,
И сластей для прохлажденья;
Всё в мешок дорожный склал
И верёвкой завязал;
Потеплее приоделся,
На коньке своём уселся,
Вынул хлеба ломоток
590 И поехал на Восток
По тое ли Царь-Девицу.

Едут целую седмицу;
Напоследок, в день восьмой,
Приезжают в лес густой.
Тут сказал конёк Ивану:
«Вот дорога к Окияну;
И на нём-то круглый год

Та красавица живёт;
Два лишь раза на брег сходит:
600 Это время уж приходит», —
И пред утренней зарёй
Пробегаёт лес густой
И выходит на поляну
Прямо к морю-Окияну,
На котором белый вал
Одинёшенек гулял.
Тут Иван с конька слезает;
А конёк ему вещает:
«Ну, раскидывай шатёр,
610 На ширинку ставь прибор
Из заморского варенья,
И сластей для прохлажденья.
Сам ложися за шатром
Да смекай себе умом.
Видишь, шлюпка вон мелькает...
То Царевна подплывает.
Пусть в шатёр она взойдёт,
Пусть покушает, попьёт;
Вот как в гусли заиграет —
620 Знай, уж время наступает:
Ты тотчас в шатёр вбегай,
И Царевну сохватай;
Да держи её сильнее
И зови меня скорее.
Я на первый твой приказ

Прибегу к тебе как раз,
И поедем... Да смотри же,
Ты под гусли не засни же!
Если ж ты её проспшишь, —
630 То в последний раз глядишь».
Тут конёк из глаз сокрылся;
За шатёр Иван забился
И давай дыру вертеть,
Чтоб Царевну подсмотреть.

Ясный полдень наступает;
Царь-Девуца подплывает,
Входит с гусями в шатёр
И садится за прибор.
«Хе! так вот та Царь-Девуца!
640 Как же в сказках говорится, —
Рассуждает Стремянной, —
Что куда красна собой
Царь-Девуца, так что диво!
Эта вовсе не красива:
И суха-то, и тонка,
Чай, в обхват-то три вершка;
А ножонка-то, ножонка!
Словно взята у цыплёнка.
Пусть полюбится кому:
650 Я и даром не возьму».

Тут Царевна заиграла
И так сладко припевала,
Что Иван, не зная как,
Опустился на армяк;
И под голос тихий, стройный
Засыпает преспокойно.

Запад тихо догорал.
Вдруг конёк над ним заржал
И, толкнув его копытом,
660 Говорит ему сердито:

«О дурак ты записной!
Что наделал ты с собой?
Ведь тебя посадят на кол».
Тут Иван-дурак заплакал
И, рыдаючи, просил,
Чтоб конёк его простил.
«Отпусти вину Ивану,
Я вперёд уж спать не стану». —
«Ну, уж Бог тебя простит! —
670 Горбунок ему кричит. —
Пособить ещё возможно;
Только будь поосторожней.
Завтра рано поутру
К златошвейному шатру
Приплывёт опять девица —
Меду сладкого напиток.
Если ж снова ты заснёшь,
То меня уж не найдёшь».
Тут конёк опять сокрылся;
680 А Иван собирать пустился
От разбитых кораблей
Под спину свою гвоздей,
Для того, чтоб пробудиться,
Если слишком разоспится.

На другой день поутру
К златошвейному шатру
Царь-Девица подплывает,

Шлюпку на берег бросает,
Входит с гуслими в шатёр
690 И садится за прибор...
Вот Царевна заиграла
И так сладко припевала,
Что Иванушке опять
Захотелось почивать.
«Нет, постой же ты — дрянная! —
Говорит Иван, вставая. —

Ты вдругоредь не уйдёшь
И меня не проведёшь».
Тут в шатёр дурак вбегает,
690 За косу её хватает...
«Ой, беги, конёк, беги!
Горбунок мой, помоги!»
Вмиг конёк к нему явился.
«Ну, хозяин, отличился!
Но садись ко мне скорей,
Да держи её плотней!»

Вот в столицу приезжает.
Царь к Царевне выбегает.
За белы руки берёт,
710 Во дворец её ведёт,
Садит он за стол дубовый
И под занавес шелковый;
В глазки с нежностью глядит,
Сладки речи говорит:
«Бесподобная девица!
Согласися быть Царицей.
Я тебя едва узрел —
Сильной страстью воскипел.
Соколины твои очи —
720 И во время тёмной ночи,
И среди светлого дня
Ох! измучают меня.
Молви ласковое слово!

Всё для свадьбы уж готово;
Завтра утром, светик мой!
Обвенчаемся с тобой.
Поцелуй же, дорогая!»

А Царевна молодая,
Ничего не говоря,
730 Отвернулась от Царя.
Царь нисколько не сердился,
Но сильнее ещё влюбился;
На колени пред ней стал,
Ручки нежно целовал
И балясы начал снова:
«Молви ласковое слово!
Чем тебя я огорчил?
Али тем, что полюбил?
Отвечай же, несравненна!»
740 Говорит ему Царевна:
«Если любишь ты меня,
То доставь чрез три мне дня
Перстень мой из Окияна». —
«Гей! позвать ко мне Ивана!» —
Царь поспешно закричал
И едва не побежал.

Вот Иван к Царю явился.
Царь к нему оборотился
И сказал ему:»Иван!

- 750 Поезжай на Окиян;
С перстнем в третий день явися;
Да смотри — поторопись!
Я те щедро награжу,
И в Бояры посажу». —
«Я и с первой-то дороги
Волочу насилу ноги;
Ты опять — на Окиян!» —
Говорит Царю Иван.
«Как же, плут, не торопиться?»
- 760 Видишь, я хочу жениться! —
Царь со гневом закричал
И ногами застучал. —
У меня не отпирайся,
А скорее отправляйся!»
Тут Иван хотел идти.
«Эй, посланник, подожди! —
Говорит ему Царица. —
Заезжай ты поклониться
В изумрудный терем мой,
- 770 Да скажи моей родной:
Отчего она три ночи
Не показывала очи?
И зачем вот три уж дня
Братец скрылся от меня?
Не забудь же!» — «Помнить буду,
Если только не забуду;
Да ведь надо же узнать —

Кто те братец? кто те мать?
Чтоб в родне-то мне не сбиться», —

780 Говорит Иван Царице.
«Месяц мать мне, Солнце — брат». —
«Да смотри ж, скорей назад!» —
Царь-жених к тому прибавил.
Тут Иван Царя оставил
И пошёл на сеновал,
Где конёк его лежал.

«Что, Иванушка, невесел?
Что головушку повесил?» —

Говорит ему конёк.
790 «Помоги мне, Горбунок.
Видишь, вздумал Царь жениться,
Знать, на тоненькой Царице,
Так и шлёт на Окиян, —
Говорит коньку Иван. —
Дал мне сроку три дни только;
Тут попробовать изволь-ка
Перстень дьявольский достать!
Да велела заезжать
Эта тонкая Царица
800 Солнцу-брату поклониться,
Да и Месяцу потом
Отвезти от ней поклон.»
Тут конёк: «Сказать по дружбе,

Это службишка, не служба;
Служба всё, брат, впереди.
Ты теперя спать поди,
А на завтра, утром рано,
Мы поедем к Окияну».

810 На другой день наш Иван,
Взяв две луковки в карман,
Потеплее приоделся,
На коньке своем уселся
И поехал в дальний путь...
Дайте, братцы, отдохнуть!

Конец 2-й части

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

*«Доселева Макар огороды копал,
а нынече Макар в воеводы попал»*

Та-ра-ра-ли, та-ра-ра!
Вышли кони со двора;
Вот крестьяне их поймали
Да покрепче привязали.
Сидит ворон на дубу,
Он играет во трубу;
Как во трубушку играет,
Православных потешает:
«Эй! послушай, люд честной!
10 Жили-были муж с женой;
Муж-то примется за шутки,
А жена за прибаутки,
И пойдёт у них тут пир,
Что на весь крещённый мир!»
Это присказка ведётся,
После сказочка начнётся.

Как у наших у ворот
Муха песенку поёт:

«Что дадите мне за вестку?
20 Бьёт свекровь свою невестку:
Посадила на шесток,
Привязала за шнурок,
Ручки к ножкам притянула,
Ножку правую разула.
Не ходи ты по зарям,
Не кажися молодцам...»
Это присказка велася;
Вот и сказка началась.

Ну-с, так едет наш Иван
30 За кольцом на Окиян;
Горбунок летит, как ветер,
И ещё на первый вечер
Верст сто тысяч отмахал
И нигде не отдыхал.

Подъезжая к Окияну,
Говорит конёк Ивану:
«Ну, Иванушка, смотри,
Вот минутки через три
Мы приедем на поляну —
40 Прямо к морю-Окияну;
Поперёк его лежит
Чудо-юдо Рыба-кит;
Десять лет уж он страдает,
А доселева не знает,

Чем прощенье получить.
Он учнёт тебя просить,
Чтоб ты в Солнечном селенье
Попросил ему прощенье;
Ты исполнить обещаи,
50 Да смотри ж, не забывай!»

Вот въезжают на поляну
Прямо к морю-Окияну;

Поперек его лежит
Чудо-юдо Рыба-кит.
Все бока его изрыты,
Частоколы в рёбра вбиты,
На хвосте сыр-бор шумит,
На спине село стоит,
Мужички на губе пашут,
60 Между глаз мальчишки пляшут,
А в дубраве меж усов
Ищут девушки грибов.

Вот конёк бежит по киту,
По костям стучит копытом.
Чудо-юдо Рыба-кит
Так проезжим говорит,
Рот широкий отворяя,
Тяжко, горько вздыхая:
«Путь-дорога, господа!
70 Вы откуда и куда?»
«Мы посланники Царицы,
Едем оба из столицы, —
Говорит киту конёк, —
К Солнцу прямо на Восток,
Во хоромы золотые». —
«Так нельзя ль, отцы родные,
Вам у Солнышка спросить:
Долго ль мне в опале быть,
И какое повеленье

- 80 Мне исполнить для прощенья?»
«Ладно, ладно, Рыба-кит!» —
Наш Иван ему кричит.
«Будь отец мой милосердный!
Вишь, как мучуся я — бедный!
Десять лет уж здесь лежу...
Я и сам те услужу...» —
Кит Ивана умоляет,
(Сам же тяжко вздыхает).
«Ладно, ладно, Рыба-кит!» —
- 90 Наш Иван ему кричит.
Тут конёк под ним забился
И по берегу пустился,
Только видно, как песок
Вьётся вихорем у ног,
Будто сделалась погода.

- Едут долго ли, коротко,
И увидели ль кого —
Я не знаю ничего.
Скоро сказка говорится,
100 Дело мешкотно творится.
Только, братцы, я узнал,
Что конёк туда вбежал,
Где (я слышал стороною)
Небо сходится с землёю,
Где крестьянки лён прядут,
Прялки на небо кладут.

Тут Иван на небо въехал
Да по небу и поехал,
Избоченясь, будто Князь,
110 Шапку набок, подбодрясь.
«Эко диво! эко диво!
Наше царство хоть красиво, —
Говорит коньку Иван
Средь лазуревых полян, —
А как с небом-то сравнится,

Так под стельку не годится.
Ведь у нас земля черна,
И темна-то и грязна;
Здесь земля-то голубая,
120 А уж светлая какая!..
Посмотри-ка, Горбунок,
Видишь, вон где — на Восток,
Словно светится гнилушка...
Чай, крестьянская избушка?
Что-то больно высока!» —
Так спросил Иван конька.
«Это терем Царь-Девицы,
Нашей будущей Царицы, —
Горбунок ему кричит. —
130 По ночам здесь Солнце спит,
А как день деньской приходит,
То сюда и Месяц входит».

Подъезжают к воротам:
Сто столбов по сторонам;
Все столбы те голубые,
А верхушки золотые;
На верхушках три звезды.
Вокруг терема сады;
На серебряных там ветках,
140 В раззолочённых во клетках
Птицы райские живут,
Песни царские поют.

А ведь терем с теремами,
Будто город с деревнями;
А на тереме из звезд
Православный Русский крест.

Вот конёк во двор въезжает;
Наш Иван с него слезает,
В терем к Месяцу идёт
150 И такую речь ведёт:
«Здравствуй, Месяц Месяцovich!
Я — Иванушка Петрович...
Из далеких я сторон
И привёз к тебе поклон». —
«Сядь, Иванушка Петрович! —
Молвил Месяц Месяцovich, —
И поведай мне вину —
В нашу светлую страну
Твоего с земли прихода,
160 Из какого ты народа,
Как явился в сей стране, —
Всё вполне поведай мне». —
«Я с земли пришел Землянской,
Из страны ведь Христианской, —
Говорит ему Иван, —
Переехал Окиян —
С порученьем от Девицы,
Нашей будущей Царицы,
Чтоб тебя от ней спрощать,

- 170 После ей пересказать:
Для чего, дескать, три ночи
Не показывал ты очи,
И зачем-де три уж дня
Солнце скрылось от меня?» —
«А какая то Царица?» —
«Это, знаешь, Царь-Деввица». —
«Царь-Деввица?.. Так она,
Что ль, тобой увезена?» —
Вскрикнул Месяц Месяцович.
- 180 Тут Иванушка Петрович
Говорит: «Известно, мной!
Вишь, я Царский Стремяной;
Ну, так Царь меня отправил,
Чтобы я ее доставил
В три недели во дворец;
А не то меня, отец,
Посадить грозился на кол».
Месяц с радости заплакал,
Ну Ивана обнимать,
- 190 Целовать и миловать.
«Ах, Иванушка Петрович! —
Молвил Месяц Месяцович. —
За твою такую весть
Всё бери, что только есть.
А уж мы как горевали,
Что Царевну потеряли,
Так не можно и сказать,

А не то чтоб описать.
От того-то по три ночи
200 Не показывал я очи;
От того-то мой сынок
Вот четвертый уж денёк
Не является к сестрице,
Той ли красной Царь-Девице.
Что, здорова ли она?
Не грустна ли, не больна?» —
«Всем бы, кажется, красotka;
Да у ней, кажись, сухотка:
И суха-то, и тонка,
210 Чай, в обхват-то три вершка.
Вот как замуж-то поспеет,
Так, небось, и потолстеет:
Царь, слышь, женится на ней...»
Месяц вскрикнул: «Ах, злодей!
Вздумал в семьдесят жениться
На молоденькой девице!
Да стою я крепко в том —
Не бывать ей за Царём!»

Тут Иванушка поднялся,
220 В путь-дорожку собирался...
Вдруг он дважды привскочил:
«Эх! немножко не забыл!
Есть к тебе, родной, прошение —
То о китовом прощеньи...

Есть, вишь, море; Чудо-кит
Поперёк его лежит;
Все бока его изрыты,
Частоколы в рёбра вбиты.
Он, бедняк, меня прошал,
230 Чтобы я тебе сказал:
Скоро ль кончится мученье,
Чем сыскать ему прощенье,
И за что он тут лежит?»
Месяц ясный говорит:
«Он за то несёт мученье,
Что без Божия веленья
Проглотил он средь морей
Три десятка кораблей.
Если даст он им свободу,
240 То сниму с него невзгоду.»
Поклонившись, как умел,
На конька Иван тут сел,
Свистнул, будто витязь знатный,
И пустился в путь обратный.

На другой день наш Иван
Вновь пришёл на Окиян.
Вот конёк бежит по киту,
По костям стучит копытом.
Чудо-юдо Рыба-кит
250 Так, вздохнувши, говорит:
«Что, отец мой, в небе был ли?»

Мне прощенье испросил ли?»
Тут конёк ему кричит:
«Погоди ты, Рыба-кит!»

Вот в селенье прибегает,
Мужичков к себе сзывает,
Чёрной гривкою трясёт
И такую речь ведёт:
«Эй! послушайте, миряне!
260 Православны Христиане!
Коль не хочет кто из вас
К водяному сесть в приказ,
Убирайся вмиг отсюда!
Здесь тотчас случится чудо:
Море сильно закипит,
Повернётся Рыба-кит...»

Тут крестьяне и миряне,
Православны Христиане,
Закричали: «Быть бедам!»
270 И пустились по домам.
Все телеги собирали;
В них, не мешкая, поклали
Всё, что было живота, —
И оставили кита.
Лишь на небе засмеркалось,
То на ките не осталось

Ни одной души живой,
Словно шел Мамай войной!

Тут конёк на хвост вбегает,
280 К перьям скоро прилегает
И что мочи есть кричит:
«Чудо-юдо Рыба-кит!
От того твоё мученье,
Что без Божия веленья
Проглотил ты средь морей
Три десятка кораблей.
Если дашь ты им свободу,
Не потерпишь уж невзгоду».
И окончив это, вмиг
290 Горбунок на берег прыг,
И на нем остановился.

Чудо-кит поворотился,
Начал море волновать
И из челюстей бросать
Корабли за кораблями,
С парусами и гребцами...

Тут поднялся шум такой,
Что проснулся Царь морской:
В пушки медные палили,
300 В трубы кованы трубили;
Белый парус поднялся,

Флаг на мачте развился;
Поп с причетом всем служебным
Пел на палубе молебны,
А гребцов весёлый ряд
Грянул песню на подхват:
«Как по моречку, по морю,
По широкому раздолью,
В отдаленьи от земли
310 Выбегают корабли...»

Волны моря заklubились,
Корабли из глаз сокрылись.
Чудо-юдо Рыба-кит
Громким голосом кричит,
Рот широкий отворяя,
Плёсом волны разбивая:
«Чем тебе мне услужить?
Чем за дружбу наградить?
320 Надо ль раковин цветистых?
Надо ль рыбок золотистых?
Надо ль крупных жемчугов?
Всё достать тебе готов!» —
«Нет, Кит-рыба, мне не надо
Крупных жемчугов в награду, —
Говорит ему Иван. —
Лучше перстень мне достань,
Перстень красной Царь-Девицы,
Нашей будущей Царицы». —

330 «Ладно, ладно! — Рыба-кит
Стремянному говорит. —
Отыщу я до зарницы
Перстень красной Царь-Девицы».
Так Кит-Чудо отвечал
И, всплеснув, на дно упал.

Вот он плёсом ударяет,
Громким голосом сзывает
Осетриный весь народ
И такую речь ведёт:
340 «Вы достаньте до зарницы
Перстень красной Царь-Девицы,
Скрытый в ящичке на дне.
Кто его доставит мне,
Награжу того я чином:
Будет Думным Дворянином.
Если ж умный мой приказ
Не исполните... я вас!»
Осетры тут поклонились
И в порядке удалились.

Через несколько часов
350 Двое белых осетров
К киту медленно подплыли
И смиренно говорили:
«Царь Великий! не гневись!
Мы всё море уж, кажись,

Ваша милость, обыскали,
А всё перстня не видали.
Только ёрш один из нас
Мог исполнить твой приказ:
Он по всем морям гуляет,
350 Так уж верно перстень знает;
Но его, как бы назло,
Уж куда-то унесло». —
«Отыскать его в минуту
И послать в мою каюту!» —
Кит во гневе закричал
И усами закачал.

Осетры тут поклонились,
В Земский Суд потом пустились
И велели в тот же час
370 От кита писать указ,
Чтоб гонцов скорей послали
И ерша скорей поймали.
Лещ, услыша сей приказ,
Именной писал указ;
Сом (исправником он звался)
Под указом подписался;
Чёрный рак указ сложил
И печати приложил.
Двух дельфинов тут призвали
380 И, отдав указ, сказали,
Чтоб от имени Царя

Все объехали моря,
И того ерша гуляку,
Крикуна и забияку,
Где бы ни было нашли,
К государю привели.
Тут дельфины поклонились
И ерша искать пустились.

Ищут час они в морях,
390 Ищут час они в реках,
Все озёра исходили,
Все проливы переплыли —
Не могли ерша сыскать
И вернулись назад,
Чуть не плача от печали.

Вдруг дельфины услышали
Недалёко на пруде
Крик неслыханный в воде...
В пруд дельфины завернули
400 И на дно его нырнули, —
Глядь: в пруде под камышом
Ёрш дерется с карасём.
«Смирно! черти б вас побрали!
Вишь, содом какой подняли,
Словно важные бойцы!» —
Закричали им гонцы.
«Ну, а вам какое дело?» —

Ёрш кричит дельфинам смело. —
Я шутить ведь не люблю,
410 Разом всех переколю!» —
«Ох ты, вечная гуляка,
И крикун, и забияка!
Всё бы, дрянь, тебе гулять,
Всё бы драться, да кричать;
Дома, нет ведь, не сидится...
Ну, да что с тобой рядиться?
Вот тебе Царёв указ,
Чтоб ты плыл к нему тотчас».

Тут проказника дельфины
420 Подхватили за щетины
И отправились назад.
Ёрш ну рваться и кричать:
«Будьте милостивы, братцы!
Дайте чуточку подраться!
Распроклятый тот карась
Поносил меня вчерась
При честном при всём собрании
Басурманской разной бранью...»
Долго ёрш ещё кричал,
430 Наконец и замолчал;
А проказника дельфины
Все тащили за щетины,
Ничего не говоря, —
И явились пред Царя.

«Что ты долго не являлся?
Где ты, вражий сын, шатался?» —
Кит со гневом закричал.
На колени ёрш упал,
И, признавшись в преступленьи,
440 Он испрашивал прощенья.
«Ну, уж Бог тебя простит! —
Кит державный говорит. —
Но за это преступленье
Ты исполни повеленье». —
«Всё исполню, славный кит!» —
На коленях ёрш пищит.
«Ты по всем морям гуляешь,
Так уж верно перстень знаешь
Царь-Девицы?..» — «Как не знать?
450 Можем разом отыскать». —
«Так ступай же поскорее,
Да неси его живее!»

Тут, отдав Царю поклон,
Ёрш пошёл оттуда вон;
С полминуты порезвился,
В чёрный омут опустился
И, разрыв на дне песок,
Вырыл красный сундучок —
Пуд по крайней мере во сто.
460 «Здесь, брат, дело-то не просто!» —

И давай из всех морей
Ёрш скликать к себе сельдей.

Сельди разом собралися,
Сундучок тащить взялися;
Только слышно и всего,
Что у-у! да о-о-о!
Но сколь сильно ни кричали,
Сундучка всё не подняли.
Ёрш, не тратя много слов,
470 Кликнул десять осетров.

Вот десяток приплывает
И без крика поднимает
Крепко ввязнувший в песок
С перстнем красный сундучок.
«Ну, ребятушки, смотрите,
Вы к Царю теперь плывите;
Я пойду теперь ко дну
Да немножко отдохну:
Что-то сон одолевает,
480 Так глаза вот и смыкает...»
Осетры к Царю плывут;
Ёрш-гуляка прямо в пруд
(Из которого дельфины
Утащили за щетины),
Чай, додраться с карасём?
Я не ведаю о том.

Но теперь мы с ним простимся
И к Ивану возвратимся.

Тихо море-Окиян.
490 На песке сидит Иван,
Ждёт кита из синя моря
И мурлыкает от горя;
Повалившись на песок,
Дремлет верный Горбунок.
Время к вечеру клонилось;
Вот уж солнышко спустилось;
Тихим пламенем горя,
Развернулася заря.
А кита не тут-то было.
500 «Чтоб те, вора, задавило!
Вишь, какой морской шайтан!—
Говорит себе Иван.—
Обещался до зарницы
Вынести перстень Царь-Девицы,
А доселе не сыскал,
Окаянный зубоскал!
А уж солнышко-то село;
И...» Тут море закипело:
Появился Чудо-кит
510 И к Ивану говорит:
«За твое благодеянье
Я исполнил обещанье».
С этим словом сундучок

Брякнул крепко на песок,
Только берег закачался.
«Ну, теперь я расквитался.
Если ж нужен буду я,
Позови опять меня;
Твоего благодеянья
520 Не забыть мне... До свиданья!»
Тут Кит-Чудо замолчал
И, всплеснув, на дно упал.

Горбунок-конёк проснулся,
Встал на ножки, отряхнулся,
На Иванушку взглянул
И четырежды прыгнул.
«Ай, да Кит Китович! славно!
Дело выполнил исправно...
Ну, спасибо, Рыба-кит!—
530 Горбунок-конёк кричит.—
Что ж, хозяин? торопись,
С сундучком скорей садися;
Три денька ведь уж прошло,—
Завтра срочное число.
Чай, старик уж умирает».
Тут Ванюша отвечает:
«Рад бы радостью поднять,
Да ведь силы не занять!
Сундучишко больно плотен!
540 Чай, чертей в него пять сотен

Кит проклятый насажал.
Я уж трижды поднимал:
Тяжесть страшная такая!»
Тут конёк, не отвечая,
Поднял красный сундучок,
Будто легкий камешек,
И взмахнул к себе на шею.
«Ну, Иван, садись скорее!
Завтра рано поутру
550 Мы приедем ко Двору».

На другой день до зарницы
Приезжают во столицу.
Царь выходит на крыльцо —
«Что? привез ли ты кольцо?» —
Царь Ивана вопрошает.
«Да, — Ванюша отвечает. —
Вот тебе и сундучок...
Прикажи-ка скликать полк:
560 Сундучишка мал хоть на вид,
Да и дьявола задавит».
Царь в минуту полк призвал
И, не медля, приказал
Сундучок отнести в светлицу.
Сам пошел по Царь-Девицу
И с улыбкой ей сказал:
«Перстень твой, душа, сыскал;
И теперь, примолвить к слову,

Нет препятствия никакого
Завтра утром, светик мой,
570 Обвенчаться мне с тобой.
Но не хочешь ли, дружок,
Свой увидеть перстенёчек:
Он в дворце моём лежит?»
Царь-Деввица говорит:
«Верю, верю. Но, признаться,
Нам нельзя еще венчаться». —
«Отчего же, светик мой ?
Я люблю тебя душой;
Мне, прости мою ты смелость,
580 Страх жениться захотелось.
Если ж ты... то я умру
Завтра ж с горя поутру.
Сжался, матушка-Царица!»
Говорит ему Деввица:
«Но взгляни-ка, — ты ведь сед;
Мне пятнадцать только лет.
Как же можно нам венчаться ?
Все Цари начнут смеяться...»
.....
590 Царь со гневом закричал:
«Пусть-ка только засмеются —
У меня как раз свернутся:
Все их царства полоню,
Весь их род искореню!» —
«Пусть не станут и смеяться,

Всё не можно нам венчаться.
Не растут зимой цветы:
Я — красавица, а ты?..
Чем ты можешь похвалиться?» —
600 Говорит ему девица.
«Я хоть стар, да я удал! —
Царь Царице отвечал. —
Как немножко приберуся, —
Хоть кому так покажуся
Разудалым молодцом.
Ну да что за нужда в том?
Лишь бы только нам жениться».
Говорит ему Царица:
«А такая в том нужда,
610 Что не выйду никогда
За дурного, за седого,
За беззубого такого!»
Царь в затылке почесал
И, нахмурясь, отвечал:
«Что ж мне делать-то, Царица?
Страх как хочется жениться;
Ты же, ровно на беду,
Не пойду, да не пойду!» —
«Не пойду я за седого, —
620 Царь-Девица молвит снова. —
Стань, как прежде, молодец,
Я тотчас же под венец». —
«Вспомни, матушка-Царица,

Ведь нельзя перемениться;
Чудо Бог один творит...»
Царь-Девуца говорит:
«Коль себя не пожалеешь,
Снова ты помолодеешь.
Слушай, завтра на заре,
630 На широком на дворе
Челядь должен ты заставить
Три котла больших поставить
И таганы утвердить.
Первый надобно налить
Из реки — водой студёной,
Да второй — водой варёной,
А последний — молоком,
Вскипятя его ключом.
Если хочешь ты жениться
640 И красавцем учиниться,
Должен ты одним прыжком
Обвариться молоком;
Тут побыть в воде варёной,
А потом еще в студёной.
И скажу тебе, отец,
Будешь знатный молодец!»

Царь не вымолвил ни слова;
Кликнул тотчас Стремянова.
«Что? Опять на Окиян?» —
650 Говорит Царю Иван.

.....
.....
.....

«Нет, Иванушка, не то:
Завтра я хочу заставить
На дворе котлы поставить
И таганы утвердить.
Первый думаю налить
Из реки водой студёной;
660 А второй — водой варёной,
А последний молоком,
Вскипятя его ключом.
Ты же должен постараться,
Пробы ради, искупаться
В этих трёх больших котлах:
В молоке и в двух водах».

.....
Речь Иван тут начинает:
«Шпарят только поросят,
670 Да индюшек, да цыплят.

.....
.....

Вот в холодной, — так оно
Искупаться бы можно;
А подваривать как станешь,
Так меня и не заманишь».

.....
.....

Царь, затрясши бородою:
680 «Что? рядиться мне с тобою?» —
Закричал он. — Но смотри!
Если ты в рассвет зари
Не исполнишь повеленье,
Я отдам тебя в мученье,
И велю тебя терзать,
В мелки части разорвать.
Вон отсюда, *болесть злая!*»
Тут Иванушка, рыдая,
Поплелся на сеновал,
690 Где конёк его лежал.

«Что, Иванушка, невесел?
Что головушку повесил?» —
Говорит ему конёк. —
«Ох, беда мне, Горбунок! —
Наш Иван ему вещает. —
Царь наутро заставляет
Искупаться мне в котлах,
В молоке и в двух водах:
Как в одной воде студёной,
700 А в другой воде варёной;
Молоко, слышь, кипяток». —
Говорит ему конёк:
«Вот уж служба, так уж служба!
Тут нужна моя вся дружба.
Слушай, завтра на заре,

Как ты будешь на дворе
И разденешься, как должно,
Ты скажи Царю: не можно ль,
Ваша милость, приказать
710 Горбунка ко мне послать,
Чтоб в последни с ним проститься?
Царь на это согласится.
Вот как я хвостом махну,

В те котлы мордой макну,
На тебя два раза прысну,
Громким посвистом присвистну,
Ты, смотри же, не зевай:
В молоко сперва валяй,
Тут в котёл с водой варёной,
720 А оттудова в студёной.
А теперича молись,
Да спокойно спать ложись».

На другой день, утром рано,
Разбудил конёк Ивана.
«Эй, хозяин! полно спать!
Иж пора тебе вставать».
Тут Ванюша почесался,
Потянулся и — поднялся,
Помолился на забор
730 И пошёл к Царю во двор.

Там котлы уже кипели;
Подле них рядком сидели
Кучера и повара,
И служители двора;
Дров порою прибавляли,
Об Иване толковали
Втихомолку меж собой,
И смеялися порой.

Вот и двери отворили;
740 Царь с Царицей выходили,
Чтоб с высокого крыльца
Посмотреть на удалца.
«Ну, Ванюша, раздевайся
И в котлах, брат, покупайся», —
Царь Ивану закричал.
Тут Иван одежду снял,
Ничего не отвечая.

А Царица молодая,
Чтоб не видеть наготу,
750 Завернулася в фату.
Повара и поварёнки
Отошли, смеясь, к сторонке.
«Что же ты, Ванюша, стал? —
Царь Ивану закричал. —
Исполняй-ка, брат, что должно». —
Говорит Иван: «Не можно ль,
Ваша милость, приказать
Горбунка ко мне позвать:
Я впоследни б с ним простился». —
760 Царь, не медля, согласился
И изволил приказать
Горбунка тотчас позвать.
Тут слуга конька приводит,
И к сторонке сам отходит.

Вот конёк хвостом махнул,
В те котлы мордой макнул,
На Ивана дважды прыснул,
Громким посвистом присвистнул...
На конька Иван взглянул,
770 В молоко сперва нырнул,
Тут в котёл с водой варёной,
А оттудова в студёный, —
И такой стал молодец,
Что хоть тут же под венец!

Вот он в платье нарядился,
Царь-Девице поклонился,
Осмотрелся, подбодрясь,
С важным видом, будто Князь.

«Эко диво! — все кричали. —
780 Мы и слыхом не слыхали,
Чтобы лъзя похорошеть!»

Царь велел себя раздеть,
Два раза перекрестился,
Бух в котел — и там сварился!

Царь-Девица тут встаёт,
Знак к молчанью подаёт,
Покрывало поднимает
И к прислужникам вещает:
790 «Царь велел вам долго жить!
Я хочу Царицей быть.
Люба ль я вам? Отвечайте!
Если любя, то признайте
Володетелем всего —
И супруга моего!»
Тут Царица замолчала,
На Ивана показала.

«Люба, любя! — все кричат. —
За тебя хоть в самый ад!

Твоего ради талана
800 Признаем Царя Ивана!»

Царь Царицу тут берёт,
В церковь Божию ведёт,
И с Царицею младою
Он обходит вокруг налою.

Пушки с крепости палят;
В трубы кованы трубят;
Все подвалы отворяют,
Бочки с фряжским выставляют,
И, напившись, народ
810 Что есть мочушки дерёт:
«Здравствуй, Царь наш со Царицей!
С распрекрасной Царь-Девницей!»

Во Дворце же пир горой!
Вина льются там рекой!
За дубовыми столами
Пьют бояре со князьями.
Сердцу любо! Я там был,
Мед, вино и пиво пил;
820 По усам хоть и бежало,
В рот ни капли не попало.

ПРИМЕЧАНИЯ

Приводим разночтения с текстом пятого издания сказки, которое исследователями творчества П.П. Ершова признается наиболее авторитетным, то есть соответствующим «последней авторской воле».

Таким образом, читателям дается возможность познакомиться со всей позднейшей Ершовской правкою текста сказки, впервые опубликованного в 1834 г. Без комментариев. Поэтому, следуя академически-строгой традиции, вероятно, полагалось бы снабдить ее иным заглавием: «Варианты и разночтения». Однако примечания, конечно, нужны. Они подразумеваются: любопытный и недосужий читатель может самостоятельно проследить и изменения текста, от начала до конца, стих за стихом, сопоставить, *что было*, с тем, *что стало*, неторопливо сравнить эти многочисленные, иногда стилистические, чаще смысловые метаморфозы слов, строк, фрагментов, обдумать догадки об их причинах, попробовать их на глаз, на слух, на вкус — и таким образом поучаствовать в книге, как бы составить собственный комментарий к ней. Иначе говоря, поверить чужие гипотезы и толкования собственными наблюдениями, впечатлениями, опытом. Для удобства такой работы все строки пронумерованы — поиск *параллельных мест* несложен. Некоторые примеры подобных сопоставлений вошли в статьи, предварившие сказку. Но, естественно, далеко не все, — в частности, и потому, что не хотелось лишать, так сказать, текстологического удовольствия тех, кто возьмет эту книгу в руки. Особое внимание, думается, стоит обратить на добавления, на то, чем и как была дополнена сказка, начиная с 1856 г., — эти

несомненно Ершовские стихи могут, пожалуй, навести на любопытные размышления...

Часть первая

- 5 У старинушки три сына.
- 10 Да возили в град-столицу:
- 12 Недалёко от села.
- 15 И с набитою сумой
- 20 И пшеницу шевелить.
- 22 Отродяся не видали;
- 24-27 Как бы вора соглядать;
Наконец себе смекнули,
Чтоб стоять на карауле,
Хлеб ночами поберечь,
- 29 Вот как стало лишь смеркаться,
- 36 Завалился под сеник.
- 39-40 И, облив себя водой,
Стал стучаться под избой.
- 46 Караульщика впустили.
- 49 Караульщик помолился,
- 56-57 Рубашонку всю смочил.
Уж куда как было скучно!..
- 63 То есть, будучи при всем,
- 70 Дрожь на малого напала,
- 74-76 У соседки под забором.
Жутко было молодцу!
Но вот утро. Он к крыльцу:

- 80 До животиков промёрз».
- 82 Караульщика впустили,
- 85 Караульщик помолился,
- 91-92 До сердец меня пробрал;
Всю я ночь проскакал;
- 103-104 Братья ну ему пенять,
Стали в поле погонять,
- 106 Только голос потеряли:
- 110-111 Побегай в дозор, Ванюша;
Я куплю тебе лубков,
- 113-114 Тут Иван с печи слезает,
Малахай свой надевает,
- 116 Караул держать идет.
- 118 Поле всё Иван обходит,
- 123-125 Вдруг о полночь конь заржал...
Караульщик наш привстал,
Посмотрел под рукавицу
- 129 Грива в землю, золотая,
- Вместо 142-147 Очью бешено сверкая,
Змеем голову свила
И пустилась как стрела.
Вьётся кругом над полями,
Виснет пластью надо рвами,
Мчится скоком по горам,
Ходит дыбом по лесам,
Хочет, силой аль обманом,
Лишь бы справиться с Иваном;
Но Иван и сам не прост —
- 150 «Ну, Иван, — ему сказала, —

- 153   Дай мне место для покою
- 155   Сколько смыслишь. Да смотри:
- 157   Выпускай меня на волю
- 159-162   Строки отсутствуют
- 164   Двух рожу тебе коней —
- 165-167   Да таких, каких поныне
Не бывало и в помине;
Да ещё рожу конька
- 171   Двух коней, коль хошь, продай,
- 173-178   Ни за пояс, ни за шапку,
Ни за чёрную, слышь, бабку.
На земле и под землей
Он товарищ будет твой:
Он зимой тебя согреет,
Летом холодом обвеет,
В голод хлебом угостит,
В жажду медом напоит.
Я же снова выйду в поле
Силы пробовать на воле».
- 200   Как он смел их так пугать!
- 206-207   Всем ушам на удивленье:
«Всю я ноченьку не спал,
- 209   Месяц, ровно, тоже светил, —
- 214-216   А глаза-то — что те плоски!
Вот и стал тот чёрт скакать
И зерно хвостом сбивать.
- Вместо 219-222   Уж таскал же он, таскал,
Чуть башки мне не сломал.
Но и я ведь сам не промах,
Слышь, держал его, как в жомах.
Бился, бился мой хитрец

- И взмолился наконец:
«Не губи меня со света!
Целый год тебе за это
Обещаюсь смирно жить,
Православных не мутить».
Я, слышь, слов-то не померил,
Да чертёнку и поверил».
- 226-227 Не смогли — захохотали,
Ухватившись под бока,
- 229 Сам старик не мог сдержаться,
- Вместо 233 Много времени аль мало
С этой ночи пробежало,—
Я про это ничего
Не слышал ни от кого.
Ну, да что нам в том за дело,
Год ли, два ли пролетело,—
Ведь за ними не бежать...
Станем сказку продолжать.
Ну-с, так вот что! Раз Данило
- 235 Натянувшись зельно пьян,
- 237 Что ж он видит? — Прекрасивых
- 239 Да игрушечку-конька
- 243 «Хм! Теперь-то я узнал,
- 246 Чудо разом хмель посбило;
- 252 Ты и слыхом не слыхал».
- Вместо 255-256: По крапиве прямиком
Так и дуют босиком.
- Спотыкнувшись три раза,
Починивши оба глаза,
Потирая здесь и там,
Входят братья к двум коням.

- 260 Хвост струился золотой,
- 266 Что чуть-чуть не окривели.
- 268-272 Старший среднему сказал,—
Но давно уж речь ведётся,
Что лишь дурням клад даётся,
Ты ж хоть лоб себе разбей,
Так не выбьешь двух рублей.
- 276 Деньги ровно поделим.
- 279-280 Только хлопни по мешку.
А благому дураку
- 284 Ну, приятель, по рукам!»
- 290 И про чудную зверушку.
- 293-294 И на первую седмицу
Братья едут в град-столицу,
- 301 Вот иконам помолились,
- Вместо 304-311: И отправились тишком.
Вечер к ночи пробирался;
На ночлег Иван собрался;
Вдоль по улице идет,
- 313 Вот он поля достигает,
- 315 И с прискачкой, словно пан,
- 318-319 Но коней как не бывало;
Лишь игрушка-горбунок
- 326-327 Добры кони златогривы!
Я ль вас, други, не ласкал,
- 334-335 Добры кони златогривы!»
Тут конёк ему заржал.

- 340-342   Братья коников свели.
Ну, да что болтать пустое,
Будь, Иванушка, в покое
- 346   Да сменю коня другого:
- 350-355   На конька Иван садится,
Уши в загреби берёт,
Что есть мочушки ревёт.
Горбунок-конёк встряхнулся,
Встал на лапки, встепенулся,
Хлопнул гривкой, захрапел
- 357-363   Только пыльными клубами
Вихорь вился под ногами.
И в два мига, коль не в миг,
Наш Иван воров настиг.
- Братья то есть испугались,
                Зачесались и замялись,
                А Иван им стал кричать:
- Вместо 368-372: Старший, корчась, тут сказал:
«Дорогой наш брат Иваша!
Что переться — дело наше!
Но возьми же ты в расчёт
Некорыстный наш живот.
Сколь пшеницы мы ни сеем,
Чуть насущный хлеб имеем.
А коли неурожай,
Так хоть в петлю полезай!
- 374-375   Мы с Гаврилой толковали
Всю намеднишнюю ночь —
- 377-380   Так и этак мы решили,
Наконец вот так вершили,
Чтоб продать твоих коньков
Хошь за тысячу рублёв.
- 381   А в спасибо, молвить к слову,
Привезти тебе обнову —
Красну шапку с позвонком

- Да сапожки с каблучком.
Да к тому ж старик неможет,
- 383-384   А ведь надо ж мыкать век,—
Сам ты умный человек!»
- 387   Златогривых два коня.
- 389-390   Братья больно покосились,
Да нельзя же! согласились.
- 393-394   Вот, чтоб им не заблудиться,
Решено остановиться.
- 396-397   Привязали всех коней,
Принесли с естным лукошко,
- 399-400   И пошли, что Боже даст,
Кто во что из них горазд.
- 402   Что огонь вдали засветил.
- Вместо 406-411: Указав огонь тихонько;
Тут в затылке почесал,
«Эх, как темно! — он сказал.—
Хоть бы месяц этак в шутку
К нам проглянул на минутку,
Все бы легче. А теперь,
Право, хуже мы тетерь...
Да постой-ка... Мне сдается,
Что дымок там светлый вьется...
Видишь, эвон!.. Так и есть!..
Вот бы курево развесть!
Чудо было б!.. А послушай,
Побегай-ка, брат Ванюша.
А, признаться, у меня
- 416-417   «Кто-петь знает, что горит!
Коль станичнички пристали -
- 421-422   Бьёт в круты бока ногами,
Теребит его руками,

- 427-428   Оградясь крестом святым.—
Что за бес такой под ним!»
- 431-434   Вот уж он перед огнём.
Светит поле, словно днём;
Чудный свет кругом струится,
Но не греет, не дымится.
- 437   Шапок с пять найдется свету,
- 440-442   Говорит ему конёк:
«Вот уж есть чему дивиться!
Тут лежит перо Жар-птицы.
- 451   Тряпки в шапку положил
- 453   Вот он к братьям приезжает
- 463   А Иван под воз присел,
- 473   Вот обедня наступает;
- 477-478   Рядом едет с ним глашатаый,
Длинноусый, бородатый;
- 483   А надсмотрщикам сидеть
- 486-487   Ни давёжа, ни погрому,
И чтобы никой урод
- 489-490   Гости лавки отпирают,
Люд крещёный закликают:
- Вместо 495:   Покупальщики идут,
У гостей товар берут;
Гости денежки считают
Да надсмотрщикам мигают.
- Между тем градской отряд
- 497   Смотрит — давка от народу,

- 499   Так кишма вот и кишат,
516-518   Хвост струится золотой...
                          Наш старик, сколь ни был пылок,
                          Долго тер себе затылок.
521-522   Весь отряд тут поклонился,
                          Мудрой речи подивился.
534   И всем телом упадает,—
548   Гнать народ, чтоб не мешал.
556   Хвост струится золотой,
559   Царь не мог тут усидеть.
563-564   Гей, повозку мне!» - И вот
                          Уж повозка у ворот.
Вместо 572-575   Молодцом с повозки прыг...
                          Глаз своих с коней не сводит,
                          Справа, слева к ним заходит,
                          Словом ласковым зовёт,
                          По спине их тихо бьёт,
                          Треплет шею их крутую,
                          Гладит гриву золотую,
579-580   Кто хозяин?» — Тут Иван,
                          Руки в боки, словно пан,
604   Говорит ему: «Ну, брат,
607   Во дворце тебе служить.
612   Я в приказ тебе даю,
625-628   Только, чур, со мной не драться
                          И давать мне высыпаться,
                          А не то я был таков!»

Тут он кликнул скакунов

- 630 Сам махая рукавицей,
638-640 В опояски их зашили,
Постучали ендовой
И отправились домой.
651-653 Как в суседки он попал,
Как перо свое проспал,
Как хитро поймал Жар-птицу,
655-656 Как он ездил за кольцом,
Как был на небе послom,
659 Как, к числу других затей,

Часть вторая

- Вместо 6-8 Горы лесом поросли;
Конь с золотой узды срывался,
Прямо к солнцу поднимался;
Лес стоячий под ногой,
Сбоку облак громовой;
Ходит облак и сверкает,
Гром по небу рассыпает.
28-29 У Ивана красных платьев,
Красных шапок, сапогов
38-42 Из боярских слыл детей;
Так не диво, что он злился
На Ивана и божился,
Хоть пропасть, а пришлеца
Потурить вон из дворца.
48 Я те двину, неумойка!»
55 Чисто-начисто обмыты,
61 И в чанах больших сыта
68-71 А нешто, так я и пулю,

- Не смигнув, умею слить,—
Лишь бы дурня уходить.
Донесу я в думе царской,
- 74 Чернокнижник и злодей;
Что он с бесом хлеб-соль водит,
Католицкий держит крест
И постами мясо ест».
- Вместо 79-82 Вот и полночь наступила.
У него в груди заныло:
Он ни жив ни мёртв лежит,
Сам молитвы всё творит.
Ждёт суседки... Чу! всамделе,
Двери глухо заскрыпели.
Кони топнули, и вот
Входит старый коновод.
- 84 Шапку бережно скидает,
- 87-88 В три завернутый тряпицы
Царский клад — перо Жар-птицы.
- 93 Но суседке невдомёк!
- Вместо 99 А меж тем, свернувшись клубом,
Поколачивая зубом,
Смотрит спальник, чуть живой,
Что тут деет домовой.
Что за бес!» Нешто нарочно
Прирядился плут полночный:
Нет рогов, ни бороды,
Ражий парень, хоть куды!
Волос гладкий, сбоку ленты,
На рубашке прозументы,
Сапоги как ал сафьян,—
Ну точнёхонько Иван.
Что за диво? Смотрит снова
Наш глазей на домового...
«Э! так вот что! — наконец
Проворчал себе хитрец.—
Ладно, завтра ж царь узнает,
Что твой глупый ум скрывает.

- Подожди лишь только дня,
Будешь помнить ты меня!»
А Иван, совсем не зная,
Что ему беда такая
Угрожает, все плетёт
Гривы в косы да поёт;
А убрав их, в оба чана
Нацедил сыты медвяной
И насыпал дополна
Белоярого пшена.
Тут, зевнув, перо Жар-птицы
- 101 Шапку под ухо — и лег
- 105-110 И, услыша, что Иван
Так храпит, как Еруслан,
Он тихонько вниз слезает
И к Ивану подползает,
Пальцы в шапку запустил,
Хвать перо — и след простыл.
- 121-122 Если ж ты да будешь врать,
То кнута не миновать».
- 141 Коль приказ изволишь дать,
- Вместо 143-146 И доносчик с этим словом,
Скрючась обручем таловым,
Ко кровати подошёл,
Подав клад — и снова в пол.
- 151-153 Закричал (от нетерпенья),
Подтвердив свое веленье
Быстрым взмахом кулака:
- 165-166 Царь тем так доволен был,
Что их шапкой наградил.
- 174 Ну толкать во все бока.
- 179 «Что за челядь тут такая? —
- 187-190 «Царь?.. Ну ладно! Вот сряжуся

- И тот час к нему явлюся»,—
Говорит послам Иван.
Тут надел он свой кафтан,
- 193-194   Кнут свой сбоку прицепил,
Словно утица поплыл.
- 201-219   Приподнявшись: «Молчать!
Ты мне должен отвечать:
В силу коего указа
Скрыл от нашего ты глаза
Наше царское добро -
Жаро-птицево перо?
Что я — царь али боярин?
Отвечай сейчас, татарин!»
Тут Иван, махнув рукой,
Говорит царю: «Постой!
Я те шапки, ровно не дал,
Как же ты о том проведал?
Что ты — ажно ты пророк?
Ну, да что, сади в острог,
Прикажи сейчас хоть в палки —
Нет пера, да и шабалки!..»
— «Отвечай же! Запорю!..»
— «Я те толком говорю:
Нет пера! Да, слышь, откуда
Мне достать такое чудо?»
Царь с кровати тут вскочил
И ларец с пером открыл.
«Что? Ты смел еще переться?
Да уж нет, не отвертеться!
Это что? А?» Тут Иван
Задрожав, как лист в буран,
Шапку выронил с испуга.
«Что, приятель, видно, туго? —
Молвил царь. - Постой-ка , брат!..»
— «Ох, помилуй, виноват!
Отпусти вину Ивану,
Я вперед уж врать не стану».
И, закутавшись в полу,
Растянулся на полу.
- 224   И с сердец иной порою

- Чуб сниму и с головою.
Так вот, видишь, я каков!
Но, сказать без лишних слов,
Я узнал, что ты Жар-птицу
- 231-235   Тут Иван волчком вскочил.
«Я того не говорил,—
Закричал он, утираясь,—
О пере не запираюсь,
Но о птице, как ты хошь,
Ты напраслину ведешь».
Царь затряси бородою:
«Что? Рядиться мне с тобою? —
Закричал он. — Но смотри!
- 239-241   Ты поплатишься со мной:
На правеж — в решетку — на кол!
Вон, холоп!» Иван заплакал
- 247-248   Но как слезы увидал,
Сам чуть-чуть не зарыдал.
- 253   Не утайся предо мною,
Все скажи, что за душою;
Я помочь тебе готов.
Аль, мой милый не здоров?
Аль попался к лиходею?
- 265   Помнишь, ехав в град-столицу,
- 272   Правду ль я тебе сказал.
- 289   Да вели поторопиться:
Завтра, только зазорится,
Мы отправимся в поход».
Царь тот час приказ дает,
Чтоб посыльные дворяна
- 296   Время дело исправлять!»
- Вставка между 316 и 317:
И, окончив речь к Ивану,
Выбегает на поляну.

- Что за поле! Зелень тут
Словно камень изумруд,
Ветерок над нею веет,
Так вот искорки и сеет,
А по зелени цветы
Несказанной красоты.
А на той ли на поляне,
Словно вал на океане,
Возвышается гора
Вся из чистого серебра.
Солнце летними лучами
Красит всю ее зарями,
В сгибах золотом бежит,
На верхах свечой горит.
- 326 Ты под то подлезь корыто,
- 339-340 Говорит коньку Иван,
Расстилая свой кафтан.—
- 344 А Иван, кряхтя, подлез
- 349 Будто полдни наступают:
- 356 Разводя вот так рукой:
- 358 Эк их, дряни, привалило!
- 361 То-то было бы поживы!
- 368-370 И, скончав такую речь
Сам с собою под лазейкой,
Наш Иван ужом да змейкой
- 380 Ну, скорей её в мешок!
- 382-384 А мешок привесь на шею,
Надо нам в обратный путь».
— «Нет, дай птиц-то мне пугнуть! —
Говорит Иван. — Смотри-ка,
Вишь, надселися от крика!»
И, схвативши свой мешок,
Хлещет вдоль и поперёк.

- Ярким пламенем сверкая,
Встрепенулася вся стая,
Кругом огненным свилась
И за тучи понеслась.
А Иван наш вслед за ними
Рукавицами своими
Так и машет и кричит,
Словно щёлоком облит.
Птицы в тучах потерялись;
Наши путники собрались,
Уложили царский клад
И вернулись назад.
- 394-398   И окошко затворяли.
Вот Иван мешок на стол:
«Ну-ка, бабушка, пошёл!»
Свет такой тут вдруг разлился,
Что весь люд рукой закрылся.
- 405-406   Молвил ловчий, сам со смеху
Надрываясь. — Потеху
- 409   «Вот люблю дружка Ванюшу!
- 425   Попивали мёд из жбана
- 455   Нам красоток-то скорей!
- 468   Что девица там живёт;
- 471   Да и Солнышко ей брат.
- 476   Самолично правил в нём;
- 480   И со всех обеих ног
- 511-512   В крепком сне его нашли
И в рубашке привели.
- 515-516   Говорят, что вот сейчас
Похвалялся ты для нас
- 519-525   — «Что ты, что ты, Бог с тобой! -

- Начал царский стремянной.—
Чай, спросонков, я такую,
Да хитри себе как хошь,
А меня не проведёшь».
Царь, затрясши бороною:
«Что? Рядиться мне с тобою? —
Закричал он. — Но смотри,
- 527-528 Не достанешь Царь-девицу
В нашу царскую светлицу,
- 530-532 Ты заплатишься со мной:
На правезь — в решетку — на кол!
Вон, холоп!» Иван заплакал
- 538-539 Аль, мой милый занемог?
Аль попался к лиходею?»
- 569-571 — «Вот давно бы так, чем нет»,—
Царь с кровати дал ответ
И велел, чтобы дворяна
- 578 Время дело исправлять!»
- 582 Да обеденный прибор —
- 593 Напоследок, в день осьмой,
- 600-604 С окяна и приводит
Долгий день на землю к нам.
Вот увидишь завтра сам».
И, окончив речь к Ивану,
Выбегает к окяну,
- 623-624 И держи её сильнее,
Да зови меня скорее.
- 628 Ты гляди за ней поближе,
- 630 Так беды не избежишь».
- 639 «Хм! Так вот та Царь-Деввица!

- 648   Тьфу ты! Словно у цыплёнка!
- 652   И столь сладко припевала,
- 654   Прикорнулся на кулак
- 660-664   Крикнул голосом сердитым:
«Спи любезный, до звезды!
Высыпай себе беды,
Не меня ведь вздернут на кол!»
Тут Иванушка заплакал
- 671-672   Все поправим, может статья,
Только, чур, не засыпаться;
- 678   Головы уж не снесёшь».
- 681-684   Острых камней и гвоздей
От разбитых кораблей
Для того, чтоб уколоться,
Если вновь ему вздремнётся.
- 694   Захотелось поспать.
- 700   Косу длинную хватает...
- 705   Ну, садись же поскорей
- 707   Вот столицы достигает.
- 716   Согласися быть Царица!
- 720-721   Не дадут мне спать средь ночи
И во время бела дня
- 727   И начнём жить припевая».
- 734   Ручки нежно пожимал
- 739   О, судьба моя плачевна!»
- 741-742   «Если хочешь взять меня,
То доставь ты мне в три дня

- 751-754 В окияне том хранится
Перстень, слышь ты, Царь-девицы.
Коль достанешь мне его,
Задарю тебя всего».
- 766 «Эй, послушай! По пути,—
- 771-774 Дочь её узнать желает,
Для чего она скрывает
По три ночи, по три дня
Лик свой ясный от меня?
И зачем мой братец красный
Завернулся в мрак ненастный
И в туманной вышине
Не пошлёт луча ко мне?
- 779 Чтоб в родне-то нам не сбиться».
- 782 «Да смотри, в три дня назад!» —
- 795 Дал мне сроку три дня только;
- 800-802 Где-то в терем поклониться
Солнцу, Месяцу, притом
И спросать кое об чём...»

Часть третья

- 16 Сказка послее начнётся.
- 32 И в почин на первый вечер
- 47 Чтоб ты в Солнцевом селенье
- 71 — «Мы послы от Царь-девицы,
- 79-80 И за кои прегрешенья
Я терплю беды-мученья?»
- 88 Сам же горько вздыхает.
- 92 Прыг на берег и пустился,

- 95-96   Едут близко ли, далеко,
Едут низко ли, высоко
- 107-110   Тут Иван с землёй простился
И на небе очутился,
И поехал, будто князь,
Шапка набок, подбодрясь.
- 117-118   Что земля-то!.. Ведь она
И черна-то и грязна;
- 123-124   Словно светится зарница...
Чай, небесная светлица...
- 131-136   А полуденной порою
Месяц входит для покою».
- Подъезжают; у ворот
Из столбов хрустальный свод:
Все столбы те завитые,
Хитро в змейки золотые,
- 161-162   Как попал ты в этот край,—
Все скажи мне, не утай».
- 165   Говорит, садясь, Иван,
- 167-174   С порученьем от Царицы —
В светлый терем поклониться
И сказать вот так, постой:
«Ты скажи моей родной:
Дочь её узнать желает,
Для чего она скрывает
По три ночи, по три дня
Лик какой-то от меня
И зачем мой братец красный
Завернулся в мрак ненастный
И в туманной вышине
Не пошлет луча ко мне?»
Так, кажися? Мاستерица
Говорить красно царица;
Не припомнишь всё сполна,
Что сказала мне она».

- 180   А Иванушка Петрович
- 194   Что не знаю, чем и счесть!
- Вместо 197-203: От того-то, видишь , я
По три ночи, по три дня
В тёмном облаке ходила,
Всё грустила, да грустила,
Трое суток не спала,
Крошки хлеба не брала.
Оттого-то сын мой красный
Завернулся в мрак ненастный,
Луч свой жаркий погасил,
Миру Божью не светил:
Всё грустил, вишь, по сестрице,
- 209   Ну, как спичка, слышь, тонка.
- 218   Просидит он женихом!
Вишь, что старый хрен затеял:
Хочет жать там, где не сеял!
Полно, лаком больно стал!»
Тут Иван опять сказал:
«Есть ещё к тебе прошение,
То о китовом прошение...
Есть, вишь, море; Чудо-кит
Поперек его лежит:
Все бока его изрыты,
Частоколы в ребра вбиты..
Он, бедняк, меня прошал,
Чтобы я тебя спросал:
Скоро ль кончится мученье?
Чем сыскать ему прощенье?
И на что он тут лежит?»
Месяц ясный говорит.
«Он за то несёт мученье,
Что без Божия веленья
Проглотил среди морей
Три десятка кораблей.
Если даст он им свободу,
Снимет Бог с него невзгону,
Вмиг все раны заживит,
Долгим веком наградит».

- 221-240 С светлым Месяцем прощался,
Крепко шею обнимал,
Трижды в щеки целовал.
«Ну, Иванушка Петрович,—
Молвил Месяц Месяцovich,—
Благодарствую тебя
За сынка и за себя.
Отнеси благословенье
Нашей дочке в утешенье
И скажи моей родной:
«Мать твоя всегда с тобой;
Полно плакать и крушиться:
Скоро грусть твоя решится,—
И не старый, с бородой,
А красавец молодой
Поведёт тебя к налою».
Ну, прощай же! Бог с тобою!»
- 251-255 «Что, отцы, моё прошение?
Получу ль когда прощенье?»
— «Погоди ты, Рыба-кит!» —
Тут конёк ему кричит.
- Вот в село он прибегает,
- 275-276 Утро с полднем повстречалось,
А в селе уж не осталось
- 280 К перьям близко прилегает
- 283 Оттого твои мученья,
- Вместо 288-292: Снимет Бог с тебя невзгodu,
Вмиг все раны заживит,
Долгим веком наградит».
И, окончив речь такую
Закусил узду стальную,
Понатужился — и вмиг
На далёкий берег прыг.
- Чудо-кит зашевелился,
Словно холм поворотился,

- 322-324   Всё достать для вас готов!»
— «Нет, кит-Рыба, нам в награду
Ничего того не надо,—
- 327   Перстень, знаешь, Царь-Девицы,
- 329-330   — «Ладно, ладно! Для дружка
И сережку из ушка!»
- 333-334   Кит Ивану отвечал
И, как ключ, на дно упал.
- 355-356   Исходили и изрыли,
Но изнаку не открыли.
- 358   Совершил бы твой приказ:
- 365   Кит сердито закричал
- 368   В Земский Суд бежать пустились
- 372   И ерша того поймали.
- 397   Где-то в маленьком пруде
- 428   Неподобной разной бранью...»
- 440   Он молился о прощенье.
- 443   Но за то твоё прощенье
- 445   — «Рад стараться, Чудо-кит!» —
- 454-460   Ёрш пошёл, согнувшись, вон,
С царской дворней побранился,
За плотвой поволочился
И салакушкам шести
Он разбил он на пути.
Совершив такое дело,
В омут кинулся он смело
И в подводной глубине
Вырыл ящичек на дне —
Пуд по крайней мере во сто.

- «О, здесь дело-то не просто!»
- 463 Сельди духом собралися,
- 466 «У.у.у!» да «О.о.о!».
- 468-472 Животы лишь надорвали,
А проклятый сундучок
Не дался и на вершок.
«Настоящие селёдки!»
Вам кнута бы вместо водки!»
Крикнул ёрш со всех сердец
И нырнул по осетров.
- Осетры тут приплывают
И без крика поднимают
- 477 Я ж пойду теперь ко дну
- 517 Если ж вновь принужусь я,
- 524 Встал на лапки, отряхнулся,
- 528 Долг свой выплатил исправно!
- 531-532 Что ж, хозяин, одевайся,
В путь-дорожку отправляйся;
- 542 Я уж трижды подымал:
- 545-546 Поднял ящичек ногой,
Будто камышек какой,
- 549-556 Помни, завтра минет срок,
А обратный путь далёк».
- Стал четвёртый день зориться.
Наш Иван уже в столице.
Царь с крыльца к нему бежит:
«Что кольцо мое?» — кричит.
Тут Иван с конька слезает
И преважно отвечает:

- 558 Да вели-ка скликать полк:
- 561 Царь тот час стрельцов позвал
- 565-566 «Перстень твой, душа, найдён,—
Сладкогласно молвил он,—
- 575 «Знаю, знаю! Но, признаться,
- 579 Мне, прости ты мою смелость,
- 589 Дед-то, скажут, внучку взял!»
- 606 Ну, да что нам нужды в том?
- 614 И, нахмурия, сказал:
- 624 Ведь нельзя переродиться;
- 628 Ты опять помолодеешь.
- 631 Должен челядь ты заставить
- 633 И костры под них сложить.
- 641-643 Ты без платья, налегке,
Искупайся в молоке;
Тут побудь в воде варёной,
- 651-653 Нет уж, дудки, ваша милость!
Уж и то во мне всё сбилось.
Не поеду ни за что!»
- 657 И костры под них сложить.
- 667 — «Вишь, откуда подъезжает! —
- 671-672 Я ведь, глянь, не поросёнок,
Не индюшка, не цыплёнок.
- 677-678 Полно, царь, хитрить-мудрить
Да Ивана проводить!»

- 685-686   Прикажу тебя пытать,
По кусочкам разрывать.
- Вместо 694-696: Чай, наш старый женишок
Снова выкинул затею?»
Пал Иван к коньку на шею,
Обнимал и целовал.
«Ох, беда, конёк! — сказал.—
Царь вконец меня сбывает;
Сам подумай, заставляет
- Между 700 и 701:
Как же к слову не сказать:
Лучше б нам пера не брать;
От него-то, от злодея,
Столько бед тебе на шею...
Ну, не плачь же, Бог с тобой!
Сладим как-нибудь с бедой.
И скорее сам я сгину,
Чем тебя, Иван покину.
- 703-704   В те поры, как на дворе
Ты разденешься, как должно,
- 718   В молоко сперва ныряй,
- 726   Время службу исполнять».
- 735   Дров усердно прибавляли,
- 739-741   Вот и двери растворились,
Царь с Царицей появились
И готовились с крыльца
- 746   Тут Иван одежду снял,
- 751-752   Вот Иван к котлам поднялся,
Глянул в них — и зачесался.
- 758   Горбунка ко мне послать?
- 760   Царь, подумав, согласился

- 762   Горбунка к нему послать.
- 770-774   И в котёл тотчас нырнул,
Тут в другой, там в третий тоже,
И такой он стал пригожий,
Что ни в сказке не сказать,
Ни пером не написать!
- 791   Люба ль я вам? Отвечайте!
- 803   И с невестой молодою

ПРИЛОЖЕНИЯ

«Розыск автора. Полиции предложено принять меры к обнаружению автора книжки, пародирующей «Конька-Горбунка» Ершова под названием «Конек-Скакунок». Вместе с тем обещано денежное вознаграждение лицу, обнаружившему склад издания этой книги и напечатавшего ее издательства «Ручеек». Пока поиски полиции увенчались отобранием около тысячи экземпляров названной книжки и задержанием около 50 лиц, занимающихся ее распространением».

Едва ли возможна более завлекательная реклама, чем эта газетная заметка, появившаяся в начале 1907 года: запреты такого рода всегда дают обратный эффект и только будоражат публику, обращая ее внимание на то, чего в ином случае она, вероятно, и не заметила бы. Чуть позже официоз «Новое время» сообщило, что «7 марта по распоряжению Петербургского комитета по делам печати чинами полиции у газетчиков и продавцов отбиралась конфискованная брошюра под названием «Конек-Скакунок».

Ни автор, ни издательство изловлены не были. Дотоле безвестный С. Верхоянцев стал знаменит, а его сочинение привлекло не только библиофилов, но и массу просто любопытствующих читателей, легко угадывавших «многое из остроумных намеков сказок, все наши выдающиеся события последних двух лет» (как писал рецензент, укрывшийся за инициалами «В.С.»)

Псевдоним сочинителя, впрочем, не отличался изобретательностью. Его придумал себе отбывший восемь лет Верхоянской ссылки революционер и стихотворец Сергей Александрович Басов (1869, по др. сведениям — 1866–1952). Ни

одному из его сочинений не удалось даже сколько-нибудь приблизиться к популярности «Скакунка», которая, как нетрудно убедиться, происходила не из литературных достоинств, но более всего обязана тому обстоятельству, что книжица пришлась на редкость ко времени и к месту. Недавний ссыльный *свежим глазом* увидел происходящее в России после 1905 года, противоречивые, а проще сказать — нелепые взаимоотношения государя и народа, точнее — крестьянства (автор-революционер, судя по всему, был из эсеров, о чем впоследствии ни сам старался не вспоминать, ни ему, по счастью, не напомнили), — и изобразил все это, бойко используя элементы сказочно-знаменитой фабулы, да так узнаваемо, что — см. выше.

Не исключено, что и нынешнему читателю познакомиться с творением Верхоянцева будет любопытно.

Рискованные последствия своего успеха сочинитель вполне резонно переживать не пожелал — следующие десять лет провел за границей. И вернулся между Февралем и Октябрем семнадцатого. О нем к тому времени успели позабыть. Но живо вспомнили — «Конька-Скакунка» издали. И переиздавали — в советское время — не раз и не два. Правда, новые издания — и чем дальше, тем значительней, — отличались от первого (как тут лишний раз не вспомнить о Ершовской правке!). Верхоянцев снова и снова переписывал книжку, дополнял, перелицовывал куски, стараясь поспеть за стремительно меняющимся *духом времени*. Пока, наконец, после *великого перелома* хребта российской деревне прославление крестьянской вольницы не уступило окончательно место восхвалению победы организованного пролетариата. Но тут у автора оказалось чересчур много ретивых конкурентов — и печатать его перестали...

Через три без малого года после Басова-Верхоянцева выпустил в свет своего «Конька-Горбунка» известный тогда детский писатель, издатель журналов для детей «Святлячок», «Детское чтение» и других Александр Александрович Федоров-Давыдов (1875-1936). Вероятно, будучи, как и большинство читателей и литераторов, введен в заблуждение подзаголовком «Русская сказка», он полагал, что Ершов ничего не придумал, но переложил некую народную сказку, то есть напился из фольклорного источника. Потому без тени сомнения Федоров-Давыдов *своими стихами* изложил — без от-

клонений — ту же фабулу, но не в «трех частях», а «в шестнадцати байках». Книга вышла в Москве в 1909 году, с цветной обложкой и одиннадцатью гуашами Е. Г. Соколова; с графикой 1943 года эта работа художника не имеет ничего общего. Издание не произвело на публику впечатления, никогда не повторялось, давным-давно стало библиофильски-уникальным и не сохранилось даже в собственном книжном собрании Федорова-Давыдова, после смерти автора переданного его наследниками в библиотеку литературного музея. Однако, в отличие от верхоянскцевских *вариаций на тему*, две тысячи федоровских стихотворных строк мало что добавили к странной «биографии» одного из самых знаменитых в истории русской литературы произведений.

Прочие, совершенно уже беспомощные попытки обращения к тому же сюжету не представляют даже сугубо академического интереса. Разве что стоит упомянуть, что первая из них относится аж к 1873 году...

Два слова — о дальнейшей судьбе авторов переложений. После семнадцатого года Басов-Верхоянец пять лет служил в ВЧК-ОГПУ, затем четыре года — в Главлите, то бишь новой — советской — цензуре, по всем статьям превзошедшей свою наивную — царскую — предшественницу. Карьера, правда, не задалась — и свое служебное поприще бывший ссыльный и сочинитель нашумевшей книжки завершал в качестве скромного музейного работника. Федоров-Давыдов стал одним из деятельных создателей «новой» детской литературы, его заслуги были отмечены Первым съездом советских писателей. Словом, оба так или иначе наладили отношения с переживавшей властью, вписались в ее схему, приспособились к ее требованиям. Подобно Ершову...

В Советском Союзе «Конек-Горбунок», как известно, переиздавался бесчисленно. Возникла и целая литература о Ершове, в чем особенно преуспели, естественно, сибирские литературоведы. Иное дело — в эмиграции, где о сказке и ее авторе как бы позабыли. То есть *по кругу детского чтения* «Горбунок» скакал и скакал, пока вконец не истрепались последние из захваченных с собою из России экземпляров книги. Но до Второй Мировой войны, в лучшую пору эмигрантской литературы, о нем не писал никто.

Собственно, и написать бы мог разве что один Ходасевич, неустанно напоминавший в парижской газете «Возрождение»

о разнообразных юбилейных датах русской литературы (заодно облегчая себе поиски очередной темы для худо-бедно кормившей его обязательной еженедельной статьи). И повод у него был — куда уж вернее: в 1934 году сказке исполнилось сто лет! Можно только гадать — а по мне, так и горевать! — о том, что из этого вышло бы: как раз на это время приходится *пик* его пушкинистики, он приступает и к книге о Пушкине, дописать которую не довелось. Более пристального и посвященного читателя «Конька-Горбунка», так сказать, в *пушкинском ракурсе* трудно вообразить. Но нет — юбилей не состоялся. И только тридцать лет спустя — к менсе эффективной и почему-то краткой чертовой дюжине дате — в парижском журнале «Возрождение» появилась статья Сергея Лесного. Насколько мне известно, единственное, что написано о сказке в эмиграции.

Замечу никому не в обиду, но лишь констатируя очевидное: «Возрождение» шестидесятых — не «Возрождение» тридцатых, а Лесной — не Ходасевич. Обнаружить в статье наивные суждения, исторические неточности, текстологические промахи — невелик труд. В распоряжении критика, судя по всему не было даже минимума необходимых книг. Он не знает, что творчество Ершова уже исследовано вдоль и поперек, диссертации защищены, есть и *научно-критические издания*. Он едва знаком с историей книги. У него то и дело вместо критического анализа — журналистские эмоции *в народническом духе*. И так далее.

И все же статья С. Лесного, думается, заслуживает нынешнего читательского внимания не из-за отсутствия иных эмигрантских работ, но тем, *что* в ней сказано. Прежде всего — о *неисправностях текста* новейших изданий сказки. По памяти — и потому не всегда верно — их выявляя, критик, правда, грешит на подпортивших классику *современных редакторов*. Но впечатление — сравнением — создает убедительное. И, главное, готов взять на себя изрядные хлопоты — издать (подчеркну — в эмиграции!) правильный, не-правленный, первоначальный текст «Конька-Горбунка».

Осуществить замысел не удалось, но и намерение дорогого стоит. За одно за это С. Лесной вправе считаться — и быть — участником нынешней книги.

С. Верхоянцев
(С. А. Басов)

КОНЁК-СКАКУНОК

Русская сказка

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Ай ду-ду! ай ду-ду!
Я возьму свою дуду:
Подберу-ка я под дудку,
Братцы, новую погудку!

* * *

За глубокими морями,
За дремучими лесами,
На долине между гор,
В том краю, что до сих пор
Никому еще не ведом,
Жили бабка с старым дедом.
Трёх сынов имел старик.
Старший умный был мужик,
Средний тоже не дурак,
Ну, а младшего — так всяк
На деревне дурнем звал
И, случалось, бивал.
Впрочем, славные ребята.
Средний сын пошел в солдаты,
Старший с Ваней-дураком
Жили дома с стариком.
Они жили, не тужили,
Лук, картошку разводили,
Присевали и пшеницу,
Да возили в град-столицу,

Хоть столица та была
Далеконько от села.
Там товары продавали,
Кучи денег загребали
И с набитою мошной
Возвращались домой.
Тут встречал их становой,
У них деньги отбирал,
Царю в подать отправлял.
Братья часто голодали,
Зато подати справляли.

***

Как по маслу всё катилось,
Да вдруг горе приключилось:
Кто-то в поле стал бывать
И пшеницу их топтать.
Мужики погоревали,
Да в затылках почесали;
Рассуждать стали потом
Да раскидывать умом,
Как бы им беду избыть,
Злого вора изловить.
Заказали свечку Богу,
Звали знахаря в подмогу,
Наконец, смекнули сами —
Караулить хлеб ночами.

***

Вот и стала ночь спускаться:
В караул пора собираться.
Говорит старик Данила
Сыну старшему:

«Гаврила!

Ты возьми-ка, брат, топор
Да ступай скорей в дозор».
Страх на малого напал,
В ноги он отцу упал:
«Что-то боязно мне дюже,—
Говорит он,— да к тому же
Без Господня изволенья

Нам не будет разоренья.
Вор-то, может быть, и сам
Не пойдет уж больше к нам».
Почесал в затылке дед
И промолвил: «Ну, брат, нет.
Оно точно, Бог-то Бог,—
Да и сам-то не будь плох».
И велел позвать Ивана.
Дурачок же у бурьяна
В бабки сам с собой играл,
Громко песни распевал.
«Ну, Ванюха-Иванец,—
Говорит ему отец,—
Ты Гаврилы поглупее,
Да зато и посмелее,—
Так иди в ночной дозор,
Посмотри, что там за вор.
Коль то молодец удалый,
Кулаком его пожалуй,
Коль скотина,— бей дубьем,
Коли зверь,— так топором».

***

Вот собрался наш Иван,
Взял он только свой кафтан,
Хлеб за пазуху заткнул,
Туже пояс подтянул
И отправился в дозор,
Не вступая с дедом в спор.

***

Ночь настала. Месяц всходит,
Стадо звезд с собой выводит,—
Так овечек пастушок
Выпускает на лужок.
Обойдя загон кругом,
Сел Иван наш под кустом,—
Злого вора поджидает,
Сам краюшку уплетает.
Вот и полночь уж проходит.
Парень с поля глаз не сводит.

Вот уж близится рассвет,
А воришки нет как нет.

***

Сон клонить Ивана стал.
Вдруг он топот услышал.
Смотрит,— в поле конь бежит,
Вся земля под ним дрожит,
Вьется грива золотая,
Вся в колечки завитая,
Хвост серебряный — трубой,
Прямо чудо конь какой.
На пшеницу прибежал
И на ней валяться стал.
Мой Ванюха, не будь прост,
Хвать его за пышный хвост.
Прянул конь,— не тут-то было:
Ваня держит, что есть силы
Хвост обеими руками,
Упершись в межу ногами.
Тяжело тут конь вздохнул,
Морду к парню повернул
И давай молить Ванюшу:
«Не губи ты мою душу.
Я донская кобылица,
Моя родина станица.
Отпусти меня ты в поле.
Обещаю, что уж боле
Я не буду воровать,
Хлеб мужицкий обивать.
Не спокаешься потом,—
Отплачу тебе добром:
Приведу тебе конька,
Не простого,— Скакунка.
У тебя он будет жить,
Верой-правдою служить.
Станет в горе помогать,
Из напасти выручать.
Ты его не продавай,
Не дари и не меняй,
Не бросай его нигде,

А не то — так быть беде».
Наш Иван сговорчив был:
Кобылицу отпустил
И — пошел на сеновал...
А на утро сам не знал,
Наяву или во сне
Ездил он на скакуне,
Был у батюшки-царя
И чуть смерть не принял зря;
Доставал перо Жар-птицы,
Был потом у Царь-девицы;
Проезжал и там, где Кит
Мостом на море лежит:
Был у Месяца в гостях
На кудрявых облаках;
Ездил к Солнцу на поклон.
Правда-ль то — не помнил он,
Только верно, что с тех пор
Не толок пшеницы вор.

***

Вся деревня дивовалась
И досыта насмеялась,
Как Иван через два дня
К водопою вел коня.
А от злости у Гаврилы
Все лицо перекосило.
И уж правда,— был конек!
Ростом только в локоток,
Зато грива золотая,
Вся в кудряшки завитая,
Шейка выгнута дугой,
Хвост серебряный — трубой,
Изумрудные копыта,
Чапраком бока покрыты.
В чапраке горят каменья,
За узду дадут именье.
Скакуна еще такого
Не найти и у царя
И хоть роста небольшого,
А свезет богатыря.

Коник важно выступает,
Всадник ноги поджимает.

***

Как урядничек узнал,
На деревню прискакал,
Чтобы парня допросить,
Где коня он мог добыть.
Ванька нес какой-то вздор:
Будто с чортом с давних пор
Он побился об заклад,
Да и выиграл вот клад.
Сколь урядник ни возился,
Толку всё же не добился,
И, забрав чапрак с уздой,
Укатил к себе домой.

***

Между тем Гаврила мой
Ходит прямо сам не свой.
Плохо ест, не досыпает,
Сам с собою рассуждает:
«Ай да Ванька! Он дурак,
А смотри, обвёл нас как.
Да уж исстари ведется,—
Что лишь глупым клад даётся.
Ты ж хоть будь семи пядей,
Так не выжмешь трёх рублей...
Всё в хозяйстве неисправно...
А куда бы было славно
Перенять нам этот клад.
Мне б тогда сам чорт не брат!
Стал бы в холе, в неге жить,
С становым хлеб-соль водить...
За Конька, пожалуй, взять
Можно сразу тысяч пять.
Грех?.. Пустое говорят.
Так уж свет устроен, брат,
Что от праведных трудов
Не нажить себе домов.
Хорошо и для души,

Коль в кармане есть гроши.
Богатый живет, не тужит,
А помрёт, так — по нем служит,
Поп обедни круглый год,—
Значит, в рай душа идёт».

***

Как-то вечером Иван
Взвёл лошадку в балаган,
Задал ей овса и сена,
Сам же дёрнул на село.
И, пока не рассвело,
Там выкидывал колена
На лужайке в хороводе,
При честном при всём народе.

***

А Гаврила-то и рад,
Что коня не запер брат.
Вот уже он в балагане
И выводит на аркане
Златогривого конька,—
Хочет сесть на Скаунка.
Конь тут жалобно заржал,
Да Иван не услышал.
Сел Гаврила, конь помчался,
Так что парень диву дался
И понять не мог никак,
Что за прыть в его ногах.
В ночь верст триста отмахал,
Чуть-чуть шеи не сломал.
А на утренней заре
Очутился на горе.
Город виден был оттуда,
И не город, прямо чудо.
С теремами да садами,
С золотыми куполами.
Отыскал мужик базар
И поставил свой товар.
Всяк коню тому дивится,
Да цена — не приступиться.

Вдруг подходит важный барин,
Воевода аль боярин,—
Сразу видно — покупатель.
«Это твой конёк, приятель? —
«Знамо мой».

— «Хорош, хорош!
В за много ль продаёшь?» —
«За пять тысячей отдам». —
«Я согласен».

— «По рукам!»
Конь пошёл без дальних слов
За пять тысячей рублёв.
А Гаврила деньги взял,
Да скорее на вокзал,
Там билет себе купил
И к утру уж дома был
(Не боялся, видно, срама).
Не пошёл он в избу прямо,
А как будто невзначай
Забежал сперва в сарай.
Деньги в тряпку завернул
Да под крышу там заткнул.
А потом в избу идёт,
На икону крест кладёт,
Всем поклоны отдаёт.
Тут Иван к нему пристал:
«Скакунка ведь ты украл!» —
«Знать, взбесился наш Иван!
Что ты, братец, али пьян?
Лопни брюхо у меня,
Не дожить до Светла дня,
Коли я увёл коня!»

***

Три недели укатило.
К старику пристал Гаврила,
Говорит: «Хочу жениться».
А потом: «Давай делиться».
Разделилися без спору.
И пошел Гаврила в гору:
Под железо вывел дом,

Лавку выстроил потом.
Подружился с становым,
Стал по сёлам ездить с ним:
Пристав подати собирать,
Недоимки выдирать,
А купец у мужиков
Покупать добро с торгов.

Поп купчину тож любил,
Братъ пример с него учил.

***

Время шло, а не стояло,
И воды уже не мало
Убежало в сине-море,—
И случись в том царстве горе:
Не родилось вовсе ржицы,
Ни картошки, ни пшеницы.
Тут не то что продавать,—
Самим нечего жевать.
С голодухи мужики
Свищут громко в кулаки.
Да начальству дела нет,
Есть иль нет у них обед:
Урожай — неурожай,—
Царю подати подай.

***

Вот на троечке на быстрой
Становой несется пристав.
И урядничек катит,
Громким голосом кричит.
Тут и земский сам начальник,
Деревенских бед печальник.
С ним сидит письмоводитель,
Удивительный грабитель.
А за ними казачки —
Все донские мужички —
Слома голову летят
Да нагайками грозят.
Собралась эта рать

Царю подати собирать.
На деревню прилетели,
Сход собрать скорей велели.

***

Говорит тогда Данила:
«Ваня, сбегай до Гаврилы:
Дай, мол, нам рублишек пять,
Недоимку с шеи снять».
Парень выскочил из хаты
И бегом пустился к брату.
Он застал Гаврилу в лавке.
Тот баланцы на прилавке
В счётной книге подводил
И с утра не в духе был.
Он Ивана грубо встретил,
И на «здравствуй» не ответил.
«Вы с отцом-то больно ловки.
У меня такой сноровки
Нет, чтоб деньги зря давать,—
Нелегко их добывать.
Кабы меньше вы гуляли,
Да начальство почитали,
Да ходили б в церковь божью,—
Вот и были бы вы с рожью».
Тут Иван купца прервал:
«Брат, ведь ты Конька украл».
Разобиделся Гаврила,
Закричал, что было силы:
«Ишь, такой-сякой болван,
Неотёсанный мужлан!
Поднимать пришел здесь шум?
У меня урядник кум:
Вот стащу тебя в расправу —
Угостят тебя на славу,
Всыпят, сколько захочу,
Да и сам поколочу,—
Позабудешь, как ругаться!»
И полез уж было драться;
Вспомня ж братнину ухватку,
Не решился с ним на схватку.

***

На деревне ж становой,
Словно лютый пёс цепной,
Со дворов уводит скот,
За бесценок продаёт,
Сам же всё крестьян пушит
И всех выпороть грозит.
А Данила, старик дюжий,—
Не сробел; да он к тому же
Ходил в старостах тот год.
Выступает он вперёд
И такую речь ведёт:
«Не дери ты, пристав, нос!
Ведь и сам ты знаешь, чай,
Что у нас неурожай.
Ты б царю о том донёс.
Царь, узнав то, может быть,
Велит подать с нас сложить.
Ведь ему большой доход
И без подати идёт.
Я те дело говорю.
Напиши-ка ты царю:
Дескать, есть мужик Данила;
Сорок лет он через силу
На тебя, мол, работал,
Дани-подати справлял;
Нынче ж выбился из сил,
Почитай, что всё прожил,—
Ходит в праздник без сапог,
Ждёт, чтоб ты ему помог,—
Потерпи с него оброк:
Он отдаст тебе, мол, в срок!»
Пристав пуще взбеленился,
Чуть слюной не подавился:
«Ах такой-сякой старик,
Сицилист и бунтовщик!
Вздумал ты царя учить,
Чортов сын, собачья сыть!»
Налетел на мужика,
Тычет он ему в бока,
Заезжает в ус и в рыло,

Тут и земский подскочил,
В шею тож ему хватил.
Заартачился Данила:
«Не извольте, барин, драться!» —
«А, так ты и огрызаться!
Ну-ка, стражники!»
— «Ребята!

Сын мой тож пошел в солдаты,—
Говорит солдатам дед,—
А у вас отцов аль нет?»
Сперва стражники замялись,
Деда бить поопасались;
Да их земский подбодрил:
«Сын у деда, точно, был,
Да давно на службу взят.
Бравый он теперь солдат,
Тоже учит мужиков,—
Вот таких же дураков».
Отлупили старика.
Чешет он свои бока
Да в избу к себе спешит,
Сам с собою говорит:
«Хоть до нитки разорюсь,
А до правды доберусь».

***

Возвратился той порой
И Иванушка домой.
Дед к нему:
«Ну, брат, Иван,
Надевай-ка синь-кафтан,
Отправляйся в град-столицу,
Отыщи царя-царицу,
Да подай ты им прошение:
Мол, большое утеснение
От царёвых воевод
В деревнях мужик несёт».

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Писарь пишет в два пера
Государевы дела.
Ой ты, писарь, писарёк,
Золотой твой разумок!
Ты пиши указ, пиши,
Да печати приложи,
Чтоб царинушка потом
Не заперся бы во всём.

Это присказка идёт,
Сказка будет в свой черёд.

***

День еще не занимался,
А Иван уж в путь собрался.
Только вышел за лесок,
Глядь — стоит его Конёк,
На хозяина глядит.
Со всех ног Иван бежит:
«Ой, Конёк, ты мой, Конёк,
Златогривый Скаунок!»
Стал его он обнимать,
Крепко в морду целовать.
А Конёк ему заржал:
«Сам, Иванушка, сплошал,
Что оставил без призору
Ты меня в ночную пору.
Твой ведь брат меня продал;
Да я время улучил,
Через тын перескочил
И к тебе вот прибежал.
Что идёшь ты так невесел:
Что головушку повесил?
Расскажи свою печаль,—
Облегчить ее нельзя ль?»

***

Залился Иван слезами.
Рассказал он, как плетями

Били старого отца;
Рассказал, как жеребца
Становой за подать свёл,
И зачем к царю он шёл.
А Конёк ему в ответ:
«Твой обижен сильно дед;
Только то ещё не горе.
Ты и сам узнаешь вскоре,
Что всё горе впереди.
То ли будет — подожди!
На меня теперь садись,
Только знай себе, держись:
Отвезу тебя в столицу
Посмотреть царя-царицу».
Сел Иван. Конёк помчался,
Так что парень диву дался.
Словно вихорь он несётся;
Из-под ног пыль клубом вьётся.
Десять верст в один прыжок
Пробегают Скакунок.
Не догнать его и птице.
Прямоком бежит к столице.

***

Как завидели заставу,
Опустился конь на траву,
Ване слезть с себя велит
И потом так говорит:
«Вот что, друг ты мой прекрасный!
В город мне идти опасно.
Там народ-то, знаешь, плут,
Там как раз меня сведут.
Ты один теперь ступай,
Да смотри, брат, не плошай.
Или нет ещё... Постой:
Вырви волос золотой
Из моей кудрявой гривы
И тот волос сохрани:
Настают худые дни.
Коль останемся мы живы
И понуждится опять

На Коньке тебе скакать,—
Стань лицом ты на восток
И порви тот волосок: —
Вмиг явлюсь перед тобой,
Словно лист перед травой».
Тут с Иваном конь простился
И из глаз в минуту скрылся.
Ваня вслед ему взглянул,
Да минуточку всплакнул,
Вытер слезы рукавом
И пошёл себе пешком.

***

Вот он входит во столицу;
Видит лавок вереницу.
За прилавками купцы,
А в дверях-то молодцы,
Все товар свой выхваляют,
К себе в гости зазывают;
На Ивана не глядят —
Видят, парень не богат.
Он всё улицей идет,
Смотрит сам по сторонам.
Счёту нет тут теремам,
И у каждых у ворот,
Дворник с бляхою стоит
И во все глаза глядит
На прохожих, ездовых,
На господ и мужиков.
Вдруг пред Ванею палаты.
У ворот стоят солдаты,
В портупях, в тесаках,
Держат ружьица в руках.
Да Ивану что за дело?
Мимо них идет он смело.
«Эй, куда ты прёшь, болван?»
Удивился мой Иван:
Стал и смотрит на солдата.
«А не здесь царёва хата?
Ты, служивый, не кричи,
Лучше толком научи,

Как бы мне найти царя?» —
«Что ты, дурень, мелешь зря?
Али ты напился пьян,
Неотёсанный мужлан?
Проходи! а то как раз
Накладу тебе сейчас!»
Почесал Иван затылок
И, хоть был он нравом пылок,
В спор напрасный не вступил,
От хором поворотил.

***

Вот на площадь он выходит.
Тьма по ней народу бродит.
Только мало из господ,
Больше всё простой народ.
Все Ивану не знакомы.
Дурачок к тому, к другому:
«Что такое тут, земляк?»
Отвечают: «Так и так.
Мы простые мужики,
От крестьянства ходоки;
Приплелись сюда гужом
Бить царю-отцу челом.
Нас послал сюда народ:
От царёвых воевод
Вовсе нам житься не стало.
Нас и земские дерут,
Становые в дугу гнут...
А землишки больно мало:
Негде курицу пустить,—
Где ж там подать уплатить!
Хоть сиди да волком вой,
Коль не в прорубь головой.
А на фабрику пойдёшь,
Так работы не найдёшь.
Да и там, слышь обижают,
Всё штрафами донимают.
Правды мы пришли искать,
Земли-воды добывать.
Глянь-ка вон на тот конец:

Государев там дворец.
Царь сейчас опочивает,
А проснётся да узнает,
К нам он выйдет на крылец,
Нас послушает, отец».

***

Как во городе столичном,
Во дворце живёт отличном,
Царь страны той Берендей
(Под ним двадцать пять царей).
С ним живут и две царицы,
Две Заморские Девицы:
Берендея мать — одна,
А другая-то — жена.
Ещё есть у них приплод,
Сын-наследничек растёт.
Все живут который год
Без печали, без забот,
Сладки вина попивают,
Виноградом заедают.
На готовом царь живет,
И идёт ему доход:
Получает он зараз
Сорок тысяч рублей в час.
Не берёт совсем бумажек —
Ни рублёвок, ни сотняжек,—
А берёт он только золото
(Знать, страна его богата),
Корабли им нагружает,
В банк за море отправляет.

***

В этом царстве есть преданье,
Что в тот день, как на престол
Своих предков царь взошёл,
Ему было предсказанье:
«Девять лет он в тишине
Будет царствовать в стране,
На десятом же году
Повстречает он беду».

А как раз десятый год
Его царству настаёт.
Мудрено ль, что Берендей
Стал ночей не досыпать
И с супругою своей
Поздно ложе покидать.

***

Было так и в этот раз.
Не успел продрать он глаз,
Как вдруг слышит донесенье:
«Царь, в столице возмущенье...
На дворец толпа идёт,—
Правды требует народ».
Царь, как скатерть, побледнел,
На чердак бежать хотел.
Заметалась царица,
Как подстреленная птица:
«Ахти, батюшки, беда!
Что нам делать, господа?»
Глядь, дворцовый воевода
Им кричит уже от входа:
— «Ты не бойся, наш властитель!
Не возьмут твою обитель:
Я на тех бунтовщиков
Приготовил казаков,
Да поставил за ворота
Роту гвардии — пехоты».
Посмелел тут царь немножко,
Глянул он в свое окошко.
В самом деле, у сеней
Стоит множество людей,—
Все простые мужики,
В полушубках вахлаки.
Если б всех их сосчитать,
Набралось бы тысяч с пять,
А пожалуй, что и боле,—
И кричат: «Земли и Воли!»

***

Берендей глазком мигнул,
Белой ручкой шевельнул,—

Налетели гайдуки
И донские казаки,
С криком врезались в народ.
Казак плеточкой сечёт,
Конь его зубами рвёт.
От казачьих тех наград
Врассыпную стар и млад.
А один казак Ивану
Задал сабелькою рану.
Да Иван не растерялся;
В руки шест ему попался.
Вот и стал он тем шестом
Поворачивать кругом.
Шест попал ему с руки,—
Берегитесь, казаки!
В одну сторону махнёт,
Целу улицу метёт,
А в другую отвернёт —
Переулочек кладёт.
Казаки тут отступали
И Ивана пропускали.
Кое-кто ещё за ним
Вышел с поля невредим.
Да немногие успели
Без увечья убежать.
Вскоре ружья загремели:
Царь велел в народ стрелять.
Час, не больше, пролетел,
Навалили груды тел.

***

Заиграл рожок отбой,
Войско тронулось домой;
Царь с крыльца к нему сходил
И работу похвалил:
«Ой, гвардейцы и донцы,
Вы, ребята, молодцы!»
Всем поднёс по рюмке водки,
На закуску дал селёдки.
А по площади потом
Всё дозор ходил кругом:

Лужи крови всё искали
Да песочком засыпали.

***

Вот прошло деньков не мало,
И, очухавшись, народ
Вновь собираться стал на сход.
Многих душ недоставало.
Тот на кладбище лежал,
Тот в больнице умирал,
А иной попал в острог
И кормил там царских блох.

***

Крик пошёл, как на базаре:
«Виноваты-де бояре.
Кто не знает? — с давних пор
Ими полон царский двор.
Их проклятая порода
Обижает мужиков,
Берендей же для народа
С шеи крест отдать готов.
Коли б он про всё мог знать,
Вышла б тут иная статья».
Час и два галдит народ,
Дело всё на лад нейдёт.
Кто кричит — без промедленья
Настрочить царю прошение;
Кто советует опять
Ходоков к нему послать...

***

Был на сходе и Иван
(Излечился он от ран).
Слыша, как галдит народ,
Он и ухом не ведёт;
Знай себе свистит в кулак,
Будто это надо так.
Говорят ему:
    «Ванюша!
Коль ты знаешь что, так, слушай:

Ты нас толком научи,
Без пути же не кричи».

***

На дрова Иван взмогился
И к народу обратился:
«Будет горла-то вам драть!
Надо дело начинать:
Вот вы все бояр вините,
На все корки их браните —
Нынче то же, что вчерась.
Плюньте вы на эту мразь
И признайтесь, ребята,
Что вы сами виноваты.
Кто на службе у господ?
Кто ж? — да мы, простой народ!
Воевода ведь не сам
Дал наемни трёпку нам:
Гайдуки и казаки —
Это те же мужики.
Да куда ни повернись
И за что ты ни возьмись —
И вблизи, и вдалеке, —
Всё стоит на мужике.
Взять попа: он нас корит,
А ведь нашим хлебом сыт!
Мужик пашет и куёт;
Всем идет с него доход —
И купцу, и дворянину,
И царю, и его сыну.
Брось работу он, — так, брат,
Господишкам сразу мат!
Да и царь наш Берендей
Примет нас тогда скорей,
И узнать он пожелает,
Отчего народ страдает».

***

Тут весь сход как закричит:
«Ваня дело говорит!
Вот что верно, так уж верно!

Воевода сам, примерно,
Не сумеет щей сварить,
А не то, что нас побить!»
Порешили в тот же час
Забастовку сделать враз,
И чтоб время не терять,
Всех пошли с работ снимать.
Стали фабрики, заводы,
Поезда и пароходы,
Ни капусты, ни муки
Не подвозят мужики,
Пекарь булок не печёт,
Дворник улиц не метёт.
У царя у Берендея
Разбежались лакеи:
Ни кваску испить подать,
Ни лучины нащепать.
И стоит его дворец,
Как необрунный мертвец.

***

От мужицких тех затей
Взвыл на троне Берендей.
От одной бессонной ночи
У него ввалились очи.
Войск в столице было мало,—
Знать, начальство оплошало.
Что тут делать, как тут быть?
Чем тут горю пособить?
У царя в то время жил
Злой кудесник — не то поп,
Не то дьяволов холоп.
Царь им сильно дорожил.
Колдуну уже сто лет;
Лыс и худ он, как скелет.
Берендей к нему бежит,
Крепко в дверь его стучит:
«Ты скажи, скажи, отец!
Аль приходит наш конец?»
Чародей в то время в келье
Кипятил в кастрюле зелье.

Дверцы он приотворил
И царю проговорил:
«В этот раз беда пройдёт.
Больно тѣмен твой народ;
Дури в нем ещё нет сметы...
Есть хорошие приметы:
Над кастрюлей пар клубится,
А в кастрюле кровь варится...
Бой на улицах пойдёт,
Брат на брата нападёт...
А теперь к себе ступай,
Доварить мне зелье дай;
Сядь на трон свой драгоценный,
Собери совет военный».

***

Царь от знахаря бежит
И совет собрать спешит.
Своих сродников сзывает;
На совет тот приглашает
Он чиновных разных бар,
Именитых тех бояр,
Да уж кстати и попов,
Что морочат мужиков.
«Ой вы, други, помогите!
Мужика вы мне скрутите,
А не то ведь он как раз
В шею выгонит всех нас,
Вместе с свет моей царицей,
Со Заморскою Девицей.
Да и вам несдобровать,
Коль он будет бунтовать».
Посудили, порядили,
Ни на чём не порешили.
Вдруг поднялся воевода,
По прозванию Сысой,
Он не знатного был рода,
Только чин имел большой;
А в такую честь попал
Потому, что надувал
Лучше прочих воевод

Берендеевский народ
И бессовестно божился.
Вот царю он поклонился
И повёл такую речь:
«Знаю я, как зло пресечь,
Пресветлейший Берендей!
Манифест издай скорей:
Объяви всему народу,
Что даёшь ему свободу.
Пусть про верных слуг твоих,
Про чиновников лихих,
В деревнях и в городах,
На письме и на словах
Говорит, что знает всяк,—
Будь он умный, будь дурак,—
Не боясь за то попасть
К околоточному в часть.
Таким родом, посмотри:
В две недели, али в три
Ты узнаешь, кто буян,
Кто мятежник, кто смутьян.
Пусть себе кричат они;
Ты лишь время протяни,
Да гляди, не оплошай,
Войск поболе собирай.
Мы же той порой смекнём,
Как управиться со злом».
Просветлел лицом тут царь,—
Стал он весел, как и встарь.
«Ой ты гой-еси, Сысой,
Воевода славный мой!
Вижу, служишь ты мне верно,
Не ударил в грязь лицом.
Награжу тебя примерно:
Графским чином и крестом».

***

Порешили дело в час.
И подписанный указ
Повезли во все концы
Государевы гонцы.

Царь писал: «Отныне мы
Отрекаемся от тьмы.
Девять лет из года в год
Притесняли мы народ.
А теперь конец мытарству.
Пусть везде у нас по царству
Всякий смело говорит,
Что душа ему велит,
Про царевых воевод.
Знайте все, что наперёд
За такие обличенья
Вам не будет утеснения,—
Станем царствовать законно.
Наша воля непреклонна.
А порукою мы в том
Слово царское даём».
Да ещё царь прибавляет,
Что он выслушать желает
От народа ходоков,
Депутатов-мужиков.
Пусть пятьсот их изберут
Да в столицу всех пошлют.
Эту избранную рать
Надо Думой величать.

***

И едва простой народ
Про указ прослышал тот,
Все ожило, встрепенулось,
Царство сонное проснулось.
В ход пошли опять заводы,
Понеслись пароходы,
Паровозы громко свищут,
Пассажиров к себе кличут,
Пекарь булочки печёт,
Дворник улицу метёт.
И на радости такой
Стал народ как бы шальной.
Люди в кучи собирались,
Как в Христов день целовались;
И ходили до полночи,

Протирая себе очи,
Манифест царёв читали,
Да «ура» царю кричали.
И чтоб часу не терять,
Стали тут же выбирать
К Берендею ходоков,
Депутатов-мужиков.
А в числе других Иван
Депутатом был избран.

***

Вот прошло две-три недели,
В небе тучки почернели,
А черней свинцовой тучи
Берендей сидит могучий.
Он сидит в своем дворце,
На престоле и в венце.
А с ним рядом две царицы,
Две Заморские Девицы,
Словно облачки, грустны,
Слёзки в их очах видны.
Что же так царя тревожит?
Что его сердечко гложет?
Что! Конечно, не безделка!
В его войске перестрелка:
Полк один стал за народ,
А другой — за царский род.
«Что ж так долго нет Сыся?
Жду его уже давно я!» —
Царь с досадою вскричал
И в пол ножкой постучал.
Глядь, Сысой уж тут стоит,
На царя в упор глядит.
«Гой ты, раб лукавый мой,
Воевода наш Сысой!
Обманул ты нас с царицей,
С свет заморской Царь-Девницей,
С нею весь наш царский род.
Взбунтовал ты нам народ!
И, что вовсе уж не гоже,
Взбунтовал и войско тоже.

Ведь я слышу, за стеной
Нам кричат: «долой! долой!»
Уж вломились депутаты
В наши царские палаты,
Говорят, что мы не в воле
Никого казнить уж боле.
Дай же мне теперь ответ:
Царь я больше али нет?»
Воевода не смутился,
Царю в пояс поклонился,
На него глаза возвёл
И такую речь повёл:
«Пресветлейший Берендей!
Верен я семье твоей,—
И тебе и двум царицам,
Двум заморским Царь-Девичам,
И всему их верен роду.
Не мироволил я народу,
Я ночей не досыпал,
Войско, гвардию собирал.
Не грусти, надёжа-царь!
Веселися как и встарь,
И возьми себе ты в толк:
Усмирён мятежный полк;
Остальные же полки,
Твои верные стрелки,—
За тебя в огонь и в воду,
Где ж осилить их народу!
Всё назад ты можешь взять,
Что ему изволил дать».—
«Вот люблю такую речь!
Как гора свалилась с плеч!» —
Закричал тут Берендей
И добавил поскорей:
«Да и Думу тож пора
Гнать метлою со двора».—
«Государственную Думу
Мы разгоним, царь, без шуму».

***

Тут же отдал царь приказ
Написать другой указ.

В час всё было уж готово.
Вот указ тот слово в слово:
«Войску выступить в подход —
Усмирить везде народ.
Крикунам плетей отвесить,
Всех ораторов повесить,
Депутатов же схватить,
По острогам рассадить».
А в конце — рукой своей
Царь поставил: «Берендей».

***

И не прежние гонцы,
А жандармы-молодцы
Разносили под полой,
Да и то ночной порой,
Новый тот указ царёв,
Чтоб никто из мужиков
Не проведал, не узнал,
Что сам царь его писал.

***

Тру-ру-бум! Тру-ру-бум!
Поднялся ужасный шум.
Сторонись, народ честной,—
Суд наехал полевой!
Прокурором сам паук.
Из его ли цепких рук
Жив никто не выходил.
Таракан судьёю был;
Он на хлебушке ржаном,
На мужицком, даровом,
Разжирел, как старый сом.
Помогал ему комар,
Парень — ух какой угар!
Подивись крестьянский люд:
Притащили пчёлку в суд.
От весенней голодухи
С ней случилась проруха:
Захотелось пчёлке есть.
Она в терем проскользнула,

К банке с мёдом там прильнула.
Кражи той нельзя учесть,
Не измерить и не взвесить...
Суд решил пчелу повесить.

***

Был палач у Берендея.
Много лет он, не жалея,
Людам головы срубал,
Землю кровью поливал.
Берендей его любил,
Златом-серебром дарил,
Даже раз, напившись пьян,
Дал ему боярский сан,
А в день царских именин
Дал сто тысяч десятин.
Жизнь, как маслена, текла;
Глядь, беда на двор пришла:
Начал стариться палач.
Ноют руки — хоть ты плачь,—
Не поднимешь топора:
Знать, в отставку уж пора.
Царь хоть им и дорожил,
Но однако ж отпустил.

***

Прикатил палач в именье
И принялся за строенье.
Сад разбил, построил дом,
Окопал его кругом,
И, как делают все бары,
Вывел крепкие амбары.
Начал жить да поживать,
Да соседней прижимать.
А соседи-мужики,—
Вахлаки и простаки:
Они пашут, сеют, жнут,
Хлеб к помещику везут.

***

Дело катышком катилось,
Да вдруг хлеба не родилось;

Родилась лишь лебеда.
Мужики — не господа:
Для них нет ещё беды,
Если много лебеды.
Будет подлинно беда.
Коли выйдет лебеда.

***

Вот прошло две-три недели,
С лебедою хлеб приели.
«До беды ещё семь лет,—
Будем живы, либо нет!» —
Рассуждают мужики.
Мужики не дураки:
Они желуди толкут,
Из них хлебушко пекут.
И хоть мор ребяток валит,
Да зато начальство хвалит,
Шлёт в столицу донесенья,
Что спокойны все селенья
И что хватит желудей
Для крестьян и для свиней.

***

Но и желуди повышли.
Мужики из изоб вышли
И глядят из-под руки
На помещичьи замки.
Ими заперты амбары,—
Все съестные там товары:
И гречиха, и пшеница,
И мука, и чечевица.
Знать, палач запаслив был,—
Хлеба много накопил.
Мужики к нему толпой:
«Поделись, дескать, мукой».
Только к просьбам глух палач:
Не разжалобишь — не плачь!

***

Что ни день, нужда сильнее

В славном царстве Берендея.
Вновь собирается народ
У помещичьих ворот.
Впереди старик Данила:
«Ты послушай, барин милый!
На тебя мы гнули век.
Будь же добрый человек,
Дай муки; тебе за ссуду
Лишку мы дадим по пуду.
А не то, так вот те крест,
Царь напишет манифест,—
Будешь ты с своей землицей
Под мужицкой рукавицей».
А палач, в ответ на это,
В мужиков из пистолета.

***

Ночка на землю упала.
Вот и полночь уж настала.
Барин спит невинным сном.
Вдруг он слышит стук и гром.
«Что за шум?»
— «Горят строенья;
Подожгли твоё именье».—
«Эй, тушить!»
— «Не выйдет дело.
Почти всё уже сгорело;
Занимается и дом,—
Хоть спасись бы нагишом!»
Да мужик не держит злобы,
Хоть нет хлеба для утробы.
Приготовил трёх коней
Для господ и их детей;
Усадил на тройке той
Палача с его семьёй:
«С Богом, барин, отправляйся,
Да смотри, не возвращайся!»

***

Поле топотом гудит,
В поле тучей пыль висит.

То не хан с ордой идёт
Полонить честной народ,
Не турецкий царь Салтан
Едет грабить христиан,—
То идут, спешат стрелочки,
Все крестьянские сыночки;
А начальство у стрелков
Из дворянских всё сынков.
Царь в поход их снарядил,
Поп крестом благословил,
А настал отправки час,—
Прочитали им приказ,
Чтобы в поле не робеть,
Да патронов не жалеть.
Ой и быстро же идут.
С собой ружьица несут.
Впереди-то генералы,
По бокам бегут капралы.
Офицеры на конях,
В эполетах, в орденах,—
Все команду отдают.
Барабаны громко бьют,
Трубы кованы трубят,
Пушки медные блестят.
Словно лес густой — штыки,
Пулеметики легки.

Ой вы, каиновы дети!
На кого ж орудья эти?

***

Вот к деревне подошли
Пулеметы навели.
«Эй, какой тут есть народ?
Выходи-ка все на сход.
Вылезай из изоб вон,—
Мы покажем вам закон!»
Высыпают мужики;
Стали против них стрелки.
Генерал тут держит речь:
«А! так вы именья жечь!

Вы просить земли и воли!
Я попотчую вас вволю:
Сколько хочешь дам земли.
Эй, повзводно, рота,— пли!»
Грянул залп, за ним другой.
Огласил деревню вой.
Метки пули у стрелков:
Пало много мужиков.
А старинушке Даниле
Прямо в сердце угодили...
И пошла игра-потеха.
Да крестьянам не до смеха.
Бабы, девки, берегись!
Беги к проруби, топись!..

***

А потом сожгли строенья.
Лишь остался от селенья
Придорожный старый крест.
.....
Вот вам царский манифест!

***

А войска царёвы с пением
По другим пошли селеньям
Волю царскую творить,
Мужиков землей кормить.
Хвалят их попы за это
И поют им «многи лета».
Жизнь малина для солдата,
Коль идёт он против брата.
Кормят, поят на убой,
Чаем голову хоть мой.
За расстрелянную душу
Табаку дают папушу;
На придачу кусок мыла,
Чтоб стрелять повадней было.
Угощают и вином,
Да забыто об одном:
Сколько мылом рук не мыть,
Братской крови с них не смыть.

***

Ой, солдатский грех тяжёл.
Плач по всей земле пошёл:
Знать, пришло лихое время,
Что крестьянские сынки —
Государевы стрелки —
Отреклись от рода-племя,
Идут кровь родную лить,
Сёла, слободы палить,
В пламя детушек бросать!
Горе вам, отец и мать,
Что у груди своей
Вы вскормили лютых змей!..

***

Народ войско проклиняет,
А не ведает, не знает,
Что не сам солдат казнит,
А царь-батюшка велит.

***

На подмогу тем войскам
По селам и городам
Собралась другая рать,—
Чёрной сотней ее звать.
И дворяне, и купцы,
И духовные отцы
С Берендеем заодно.
Да оно не мудрено:
Ворон ворону ведь глазу
Не выклёвывал ни разу.

***

Усмиряют год и два;
И пошла везде молва,
Что крестьяне присмирели,—
Знать, пардону захотели.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Раз-два-три, четыре, пять,
Вышел месяц погулять,
Шесть-семь-восемь, девять, десять,
Царь велел его повесить;
Часты звезды набежали,
Царю месяца не дали.

Сказка скоро говорится,
Дело мешкотно творится.
Год ли, два ли уж прошло,
Может, больше протекло;
Воротились из полков
Дети наших мужиков,
В зипунишки обрядились,
Да шапчонками накрылись,
Стали снова в мужиках,
Словно не были в стрелках.

***

Жизнь солдатская на диво:
Там тебе и чай и пиво;
А попал на сельский сход,—
Уж совсем иной почёт.
Тут солдат уж не поят,
Ещё в ребры норовят.
И начальство изменилось,
Как кокарда с них свалилась:
Заодно их с мужиками
Дуют крепко батогами.
Тут они и догадались,
За кого допреж сражались.

***

По задворкам, да в глуши,
Где не видно ни души,
Стали кучками собираться,
Да промеж собой шептаться:

«Надо было бы нас драть,
Как мы шли в народ стрелять.
То-то дури много в нас...»

***

Повѣдем теперь рассказ
Мы от моря-океана,
Да от острова Буяна.
В океане волны плещут,
В дикий остров грозно хлещут,
Только гул идет кругом.
А на острове на том
Замок каменный стоит,
Вкруг дремучий лес шумит.
Обнесен острог стенами
Со высокими зубцами.
Кругом ходят часовые
Все солдатики лихие.

***

В том остроге, за замками,
За железными дверями,
Арестантики сидят,
Кандалы на них гремят.
То не воры, не злодеи,
Не лихие лиходеи,—
А сидят тут мужики,
Все от мира ходоки.
Всех, кто бился за свободу,
Кто хотел добра народу,
Кто стоял за Землю-Волю,
Берендей послал в неволю.
Тут сидел и наш Иван.
Сторожа́м приказ был дан:
Их не вешать, не казнить,—
Смертью медленной убить.
И никто из них не знает,
Как судьбу их царь решает.

***

Сидит Ваня под замком.

Держит думу об одном:
Как бы с острова бежать,
Отца-матерь повидать,
Да к царю потом пролезть,
Обо всем ему донести.
И не ведает Иван,
Что густой уже бурьян
На их вырос пепелище,
Мать лежит уж на кладбище,
И солдатики Данилу
Уложили спать в могилу.

***

Как-то вывели Ванюшу
На тюремный узкий двор,
Чтоб отвёл себе он душу,
Да послушал тёмный бор.
Ваня жадной грудью дышит,
Вдруг в бору он ржанье слышит...
«Эх, каб был теперь Конёк,
Златогривый Скакунок!
Он бы вызволил меня.
Прикатили б мы в полдня
На родимую сторонку», —
Мыслит он и потихоньку
Золотистый волосок,
Что вручил ему Конёк,
Из кармана добывает
И надвое разрывает.
Вдруг чрез стену кто-то скок...
Глядь, стоит его Конёк:
«Ну, Ванюша, торопись,
На меня скорей садися,
Благо мы одни с тобой:
Зазевался часовой».
На Конька Иван взмогился,
Скакунок как птица взвился.
Сзади выстрел загремел,
Только где там — улетел.
Конь над тёмным лесом мчится,
Прямо к берегу стремится.

Чрез овраги, горы скачет,
А Ванюша чуть не плачет:
Цепи руки-ноги жмут,
Цепи до крови их трут.
«Потерпи еще дружок,
Говорит ему Конёк,—
Как бы не было погони;
Слышно скачут чьи-то кони.
Ступим вот на материк,
С тебя цепи сбросим вмиг».
Вот уж чащу пролетают
И на берег выбегают.
Тут лежит пролив большой,
В девяносто верст с лихвой.
А в проливе том вода,
Как на море уж всегда
В день два раза отливает —
И тогда пролив мельчает.
Вот они и у пролива,
Да не время ждать отлива:
Уж как будто настигают,
Слышно, как собаки лают.
Говорит Конёк Ивану:
«Через море прыгать стану;
Крепче в гриву мне вцепись,
Да смотри, брат, не свались!» —
И махнул чрез океан.
Не опомнился Иван,
А они уж на лугу,
На противном берегу.
«Ну, Ванюша,— молвит Конь,—
Разводи скорей огонь,
Обогрейся, разомнися,
Да в путь дальний снарядися».
Ваня с коника слезает,—
Цепь ходить ему мешает.
Конь в нее копытом бьёт,—
Кандалы в кусочки рвёт.

***

Говорит Коньку Иван:

«Я от радости стал пьян
И не нужен отдых мне.
На родимой стороне
Мне б хотелось побывать,
Отца-матерь повидать».
Отвечает Конь печальный:
«На чужбинушке на дальней
Мать лежит в земле сырой,
И убит родитель твой».
Как калёная стрела,
Весть та Ване в грудь вошла,—
Зашатался и, как сноп,
На сырую землю — хлоп...
А когда глаза открыл,
Уже вечер наступил.
Конь от радости заржал,
А Иван ему сказал:
«Расскажу я Берендею,
Что наделали злодеи».

Усмехнулся тут Конёк:
«Ну, мой миленький дружок,—
К Берендею доступ труден.
Будь то в праздник, будь то в буден,—
Не допустят мужика.
Да изволь уж; для дружка
Рад разбиться я в лепёшку,
Отыщу туда дорожку.
Слушай. Я хоть не бывал,
Да от матушки слыхал,—
Что на свете есть страна,
И богата и вольна;
Нет царей там, нет господ,
Всяк там барином живёт,
От трудов своих доход
В карман полностью кладёт.
Мать рассказывала мне,
Будто в чудной той стране
Невидимка-шапка есть.
Каб тебе в ту шапку влезть,
Ты тогда б уж мог смелее

Идти в гости к Берендею.
До земли той путь далёк,—
Надо ехать на Восток».
Ваня на ноги вскочил
И Коньку проговорил:
«Так вези ж меня, Конёк,
Поскорее на Восток,
Помоги добыть ту шапку!»
И, схватив Коня в охапку,
Начал он его ласкать,
Крепко в морду целовать.
«Ну, да ладно уж, садися,
Только знай себе держися.
Не мешает темень нам,
Завтра к утру будем там».

***

Ясный месяц диву дался,
Что Иван так быстро мчался.
И всю ночьку напролёт
Звезд весёлый хоровод
За Иванушкой летел,
Обогнать его хотел.
Не догнали, хоть старались,—
Лишь по небу растерялись.

***

А как только рассвело,
Показалось село.
Не село, а прямо — чудо,
И никто еще покуда
Не видал подобных сёл.
Тракт к нему широкий вёл.
Видно все в селе богаты:
Нету изб — одни палаты.
Вот ворота отворяют,
Парни в поле выезжают.
Мужики они аль бары? —
По одежке же бояры:
Шёлк и бархат на плечах,
Все в сафьянных сапожках.

Девки по воду идут,
Коромыслица несут,—
Коромысла не простые,
Все из золота литые.
Ни запоров, ни замков
Нет у здешних мужиков,
И хоть расперты все двери,—
Не случается потери.
Нету слуг тут, нет господ,
Всякий барином живёт,
И не знают, кто такой
Царь, министр иль становой.
Сообща по уговору
Пащут пашенку без спору.
А коль надобность зайдёт,
Собирают мирской сход,
Чтоб решить досадный спор,—
И уж свят тот приговор.
Конь бежит селом тихонько.
«Вот та вольная сторонка,—
Говорит он,— примечай,
Да на ус себе мотай».
Наш Иван дивится чуду,
Говорит: «Уж не забуду».

***

За село выводит шлях.
Нивы тучные в полях
Клонят колос до земли.
Показался лес вдали.
Едут лесом. Тракт исчез.
Расступился тёмный лес.
На прогалине лесной
Виден терем расписной.
Стоит терем, как гора,
Сам литого серебра,
Верх у терема зеркальный
А вокруг забор хрустальный.
«Видишь этот теремок? —
Говорит тогда Конёк,—
Есть в том тереме хозяйка,

У неё и попытай-ка
Невидимку ту добыть —
Не откажет, надо быть». —
Ваня скок на резвы ноги
И пустился во чертоги.
От хрустальных от ворот
Стёжка торная идёт.
Он бежит по той дорожке,
Лишь стучат его сапожки.
По бокам зелёный сад,
А в нём зреет виноград;
Кисти, словно изумруд.
Сливы, вишня цветут,
И идёт приятный дух.
В доме, видно, нету слуг:
Никто Ваню не встречает.
Вот проворно он взбегает
По широким ступеням —
И покои видит там.
Не покои, а игрушка!
А в одном сидит старушка
Под косящатым окном.
Не стара она лицом:
Нашим бабам в тридцать лет
Дал бы Бог такой же цвет.
Только волосы седые,
В кудри пышно завитые,
Да сидит она в очках,
Держит книжечку в руках
(Видно грамотна была).
Она парня приняла:
«Здравствуй, добрый молодец!
Знать, не маленький конец
Нынче в ночь ты отмахал?
Знать, нигде не отдышал,
Что шатаешься, как пьяный?» —
Говорит она Ивану.
«Из полуночных сторон
Я привез тебе поклон...
Царь страны той Берендей,
Под ним двадцать пять царей», —

Отвечал Иван. «А, знаю!
Каждый день об нём читаю.
Натворил он много бед,
Говорит о нем весь свет.
Это он тебя прислал?» —
«Нет. Я, бабушка, слышал,
У тебя шапчонка есть.
 Попрошу тебя я в честь,
Одолжи мне шапки той,
Я свезу её домой.
Вишь, царя мне для доклада
До зареза видеть надо.
Так вот я накроюсь ею
И пройду в ней к Берендею;
А без шапки — хошь, что хошь —
Во дворец не попадёшь».
Улыбнулась старушка:
«Эх и прост же ты, Ванюшка!
Мало, видно, Берендей
Закатил тебе плетей.
Аль он сам про всё не знает?
Аль газет он не читает?
Да изволь уж, так и быть,—
Почему не одолжить.
Как наденешь шапку эту,
Щеголяй себе по свету.
Хоть сойдишь с царём самим,—
В ней ты будешь невидим».
Ваня шапочку берет,
Да за пазуху кладет.
И хотел, отдав поклон,
Восвояси ехать он,
Да старушка не пустила:
«Наберись-ка сперва силы,
Закуси, да отдохни,
На кровати вот сосни,
А уж с утренней зарёй
Поезжай себе домой».
Ночевать Иван остался,
Закусил, поотлежался,
И, набравшись свежих сил,

В путь обратный покатил.
А старушка на дорожку
Дала Ванюшке лепёшку,
Ещё письменный прибор,
Да узорчатый шатёр.

***

Ехал близко ли, далеко,
Ехал низко ли, высоко,
Но к концу другого дня
Стал он сдерживать коня:
Берендеевой столицы
Перед ним блеснули шпицы.
Не поехал он к заставе,
А свернул коня к дубраве.
Тут шатер он свой расставил,
У шатра Конька оставил,
Невидимку-шапку вздел,
И в столицу полетел.
Вдоль по улицам идет,
Сам он видит весь народ.
А его никто не видит,
Не затронет, не обидит.
Вот уж он и у дворца
И по лестнице крыльца
Незамеченный идёт.
Не закрыли пред ним вход
Часовые у порога —
Всюду вольная дорога.
Ваня мыслит: «Вот так шапка!
И затейница же бабка!»
По коврам он вверх идёт,
Обгоняючи народ.
Во дворце в тот день был бал.
«Знать к обеду я попал!» —
Говорит себе мужик
И с другими в зал проник.

***

Там у печки притаился,
И не мало подивился,

Как узнал, что за народ
Во дворец к царю идёт.
В раззолоченой палате,
Сам, как жар, сияя в злате,
Царь их ласково встречает,
За столы с собой сажает.
Что ни гость, то важный пан.
Никогда ещё Иван
Не видал такого схода:
Тут был славный воевода;
Из военного похода
Он вернулся со стыдом,
Не вступая в бой с врагом,—
Берендею ж тем он мил,
Что рабочих усмирил.
Был другой тут генерал;
На войне он не бывал
И не видывал врагов,
Зато с месяц мужиков
По десятку вешал в день,
Да спалил сто деревень.
Царь за подвиг таковой
Ему — перстень золотой.
И еще пришёл один
Знаменитый господин:
Он-то в праздничек престольный
Пушки ввез на колокольни,
Да втащил и пулемёт,
Чтоб расстреливать народ.
Царь и этого любил
И крестами наградил.
На гостях кафтаны шиты,
Златом-серебром покрыты.
На ином такой наряд,
Что за полу аль за зад
Прокормить бы можно в год
Душ поболее пятисот.
Были тут и две царицы,
Две Заморские Девицы,—
Гостей ласково встречали
И с царём за стол сажали.

А придворные девицы
Голы все до поясницы.
Был немало тем смущён
Деревенский парень Ваня.
«Что за штука, — думал он, —
Не готовится ль тут баня?»
Только нет, за стол все сели:
Пили, пили, ели, ели...
А потом мужчин и дам
Развозили по домам.

За гостями царь встаёт,
В свою спальенку идёт,
Подпираясь посошком
(Знать, не брезгал он вином).
Вслед за ним идут царицы —
Две Заморские Девицы.

***

А Иван в покоях бродит,
Незаметно всюду входит.
Пышны царские палаты?
Всюду серебро и золото,
Самоцветные каменья;
Райских птиц несётся пеньё,
Что расселись на ветвях
В царских комнатных садах.
Ваня ходит и вздыхает,
Сам с собою рассуждает:
«Вишь, сколь много здесь добра!
А с мужицкого двора
Чай последний уж лоскут
Царю в подати берут».
Он до спальни уж добрался,
Да вдруг царь тут показался.
«А ведь царь-то, кажись, пьян», —
Говорит себе Иван
И идет за ним тайком.
«Фу, как пахнет мужиком!» —
Закричал вдруг царицы,
Две Заморские Девицы,

Зажимая платком нос.
Тут Иван уже не снес.
С головы он шапку снял,
И всем сразу виден стал.
Берендей остолбенел,
Сразу хмель с него слетел,
И в испуге две царицы
Заслонили себе лица.
А Иван промолвил так:
«Я мужик, Иван-дурак,—
Тот, кто пашет, сеет, жнёт,
Рубит лес и сталь куёт,
Кто всех кормит, одевает,
Кровь на войнах проливает,
Роет землю, словно крот,
Соль и уголь достаёт,
Добывает медь, свинец.
Я ваш выстроил дворец!
Царь, скажу те напрямик:
Если б только не мужик,
Ты ходил бы без сапог,
Ты бы с голоду издох.
Ведь на мой крестьянский грош
Ты богато так живёшь.
Ты владеешь вот один
Миллионом десятин,
У меня ж, у мужика,
Всей земли-то два вершка.
Ты с нас десять шкур дерёшь,
А взамен нам что даёшь?
Всякий день ты сыт и пьян
И забыл, что у крестьян
В деревнях с двора на двор
Ходит голод, ходит мор,
И солдатики твои
В нашей плавают крови.
Ты у нас детей берёшь
И на нас же их ведёшь.
В твоём царстве нет угла,
Где б не делали нам зла!..
Дай же мне теперь ответ:

Знаешь ты про то, аль нет?»
Тут царицы враз вскричали,
Обе в обморок упали.
Царь стал палкою махать,
На Иванушку кричать:
«Вздумал ты царя учить!
Чортов сын, собачья сыть!
Ах такой-сякой мужик,
Сицилист и бунтовщик!
Я велю тебя повесить,
Да плетей допреж отвесить!..
Велю шкуру в ленты драть!..
Взять его! Связать! Сковать!..
Челядь к Ване тянет лапки,
Да Иван опять уж в шапке,—
Из очей у них исчез
И пошёл обратно в лес.

***

Тут Конёк его встречает,
Мордой ласково кивает:
«Что, хозяин мой, невесел,
Что головушку повесил?
Ты ходил ли во дворец,
Что поведал царь-отец?
Аль отведать дал нагайки?»
Рассказал тут без утайки
Мой Иван, что он видал
И что царь ему сказал.
А на то ему Конёк:
«Эй, послушай, куманёк!
Ты без толку не грусти:
Не всё быть царю в чести.
Сослужу тебе я службу,
Чтоб ты помнил мою дружбу.
Ты ступай-ка во шатёр,
Бери письменный прибор,
Пиши письма-ярлычки,
Чтобы знали мужички,
Как царь ласков к мужикам.
К молодым и старикам».

***

Входит Ваня во шатёр,
Берет письменный прибор,
На ременчат стул садится,
Строчить письма торопится.
Валит кучей ярлычки:
«Гой вы, братья-мужички!
Полно, полно, други, спать,
Время волю добывать.
Разгоните-ка вы спины,
Да повырежьте дубины.
Встаньте, други, брат за брата,
На лихого супостата.
Супостат у нас один —
Берендей, наш властелин!»
Пишет Ваня день и ночь;
Уж писать ему не в мочь.
Тут вошёл в шатёр Конёк.
Златогривый Скакунок.
«Ну, Иванушка, довольно.
Уморился ты, чай, больно.
Ляг на коврик да сосни;
Бог во сне тебя храни.
А те письма я уж сам
Развезу по деревням».
Ярлычки Конёк тут взял,
Да все в сумочку поклат,
На себя суму повесил
И поклон дружку отвесил.
Ваня тут же, словно сноп,
На шелковый коврик — хлоп,
И, забывши обо всём,
Засыпает крепким сном.

***

Спал он долго ли, аль мало,—
Только солнышко стояло,
Над узорчатым шатром,
Как Иван услышал гром.
Он вскочил на резвы ножки,

Натянул свои сапожки.
«Уж вставать давно пора,»-
Молвит он,— и из шатра
На полянушку выходит
И по небу взором водит.
На безоблачной лазури
Ни отколь не видно бури.
«Что за шутка,— говорит,—
Да откуда ж гром гремит?»
И на дерево он влез,
Чтобы глянуть через лес.

Видит, в поле пыль столбом
И оттоле слышен гром.
Видит он, народ бежит,
Как вода в котле кипит.
Много красных там знамён,
Острых кос несётся звон,
Оглашает чисто поле,
Громкий крик: «Земля и Воля!»
И солдатики бегут,
Да народа уж не бьют.
Понял каждый, зная, солдат,
Что мужик солдату брат,—
Все с народом заодно.
Эх, когда бы так давно!

***

Во дворце ж у Берендея
Вышла новая затея.
Он опять на сход зовёт
И попов, и воевод:
«Ой вы, други, помогите,
Поскорее научите,
Что нам делать, как нам быть?
Стал опять народ шалить.
Как бы нам его унять,
Чтобы царство удержать?»
Посудили, порядили,
Да и тут же порешили:
«Войску выступить в поход —

Усмирять опять народ».
Вдруг приходит донесенье,
Что средь воска возмущенье,
И столичных семь полков
Не идут на мужиков.

***

Словно треснул неба свод
Над собраньем воевод,
Когда вдруг они узнали,
Что войска от них отпали,
Что к столице мужики
Уж ведут свои полки.
Все пустились, кто как мог,
От народа наутёк.
Побросали животишки;
Плачут жены, ребятишки,—
Их назад к себе зовут,
А они бегут, бегут...
Только многие сплошали,
Головой в петлю попали,—
Их давно ждала уж плаха...

***

Берендей чуть жив от страха.
И уж чудится ему,
Что везут его в тюрьму
И на площади дворцовой
Ставят столб ему сосновый:
Знать, уж близок час расплаты...
Пусты царские палаты,
Ни откуда нет подмоги:
Все бегут — давай бог ноги.
Мать-царица, как на горе,
Укатила тож за море.
Ой, догадлива старуха!
Как досадливая муха,
Только вьётся вкруг Сысой,
Быть не знает как с собой.
Уж он вьётся, вьётся, вьётся,
Да лишь в руки не даётся.

Вдруг пришёл царю на ум
Злой кудесник, чертов кум.
Захватив с собой царицу,
Он бежит к нему в светлицу.
И едва его застал:
Чародей уж умирал.
Лишь успел сказать: «Беги!
Да сына побереги», —
И черна душа из тела
В когти к чорту полетела.
А народ уж тут как тут, —
Вот сейчас дворец возьмут.
Да по счастью тайный ход
Из дворца того ведёт.
Бросив скипетр и венец,
Покидает царь дворец.
А за ним в единый миг
И Сысой тем ходом — шмыг.

К морю царь с семьёй бежит,
Где корабль его стоит.
А за ними след Сысой
Заметает бородой.
Впереди них виден брод,
За спиною же — народ.
Добежал Сысой до броду,
Повернул лицом к народу
И сказал тут речь он вкратце:
«Не гоните меня, братцы!
Вот порукой моя честь, —
Помогу я вам завесьть
В царстве новые порядки!...» —
«Уходи-ка без оглядки!» —
Закричали мужики,
Поднимая кулаки:
«Уходи, покуда цел!» —
«Его взять бы на прицел! —
Из народа крикнул кто-то, —
Али вздернуть на ворота!»
Сысой свистнул без оглядки,
Лишь в воде сверкают пятки.

***

Той порою Берендей
Со царицею своей
И с наследником родимым,
Своим чадушкой единым
К синю-морю подбегает,
Где корабль их поджидает.
Вот по кладочкам спешат,
На корабль тот сесть хотят.
Да царица тут со страху
Пребольшого дала маху:
Сын наследничек из рук
У ней в воду выпал — бух!
Но царю уж не до сына,
Коль над ним самим дубина.
Мальчик тонет и кричит,
Царь отчаливать велит.
Вскоре смолк ребенка крик.
Тут из жалости мужик
Его граблями достал
И товарищам сказал:
«Захлебнулся паренёк.
Ну да что ж? — каков пенёк,
Чай, такой же и отросток!..»
Воевода же Сысой,
Сняв кафтан свой золотой,
В воду кинулся с подмосток,—
Вплавь догнать корабль спешит;
Царь веслом ему грозит.
А народ от смеха стонет:
«Ну, уж этот не потонет!»
Царь катит на всех парах
У народа на глазах.
Мужики ж на берегу:
«Улю-лю! да гу-гу-гу!»
Беглецы из глаз пропали,
А они всё рассуждали:
«От такой, прости Бог, гниды
Сколь мы вынесли обиды!»

***

Собирался тут народ
Да на общий Вольный Сход.
Посудили, порядили,
Перво-наперво решили,
Чтоб не быть у них царям,—
Ни царям, ни их псарям:
Пусть крестьянский, де, народ
Сам дела свои ведёт.
А потом пошло равнение.
Отобрали все именья
У дворян и у купцов,
Мироедов-кулаков:
Пусть землёй владеет тот,
Кто свой пот на пашне льёт.
Шло равнение шире, шире.
Много фабрик в Божьем мире;
Там трудятся у станков
Руки тех же мужиков.
Значит, должен всяк завод
Мужикам давать доход.
Отобрали все заводы
У купеческой породы.
Говорит Иван тут: «Браты!
Уж поделим и палаты;
Чай, ведь строили дворцы
Не дворяне, не купцы.
Всем в палатах не вместиться,
Так чтоб нам не побраниться,
Пусть с хором тех весь доход
В пользу общую идёт,—
На сиротскую, слышь, долю...
Да, ребята! Надо б волю
Уж и бабам нашим дать,—
С нами их в правах сравнять».
Старики как загалдят:
«Очумел должно ты, брат!»
А Иванов сват Нефёд
Тут повыступил вперёд:
«Коль права все бабе дать,
Так её и не унять.

Тьфу, к примеру, весь твой дом
Она вывернет вверх дном.
Хоть у бабы длинен волос,
Да башка-то пустой колос».
А Иван — горазд молчать,
Да и знает, что сказать:
«Вижу, слаб ты, сват, умом.
Бабой держится весь дом.
Где бы сам ты был, когда б
Не рождались мы от баб.
Мать детей на свет родит,—
А в глаза ей смерть глядит.
Где нет бабы — жизни нет,
Не стоит без бабы свет!»
Тут весь сход как закричит:
«Ваня дело говорит!
Равны баба с мужиком,
Держат мир они вдвоем!»

Как покончили с равнением.
Разошлись все по селеньям,
И на радости такой
Пир устроили горой.
Жаль, что не было нас там,—
Поднесли б, наверно, нам!..

Сергей Лесной

КОНЕК-ГОРБУНОК

(К 130-летию издания)

Среди сокровищ русской литературы «Конек-Горбунок» занимает скромное, незаметное, но зато постоянное место. Положение его в литературе странное: во многих курсах литературы о нем ни слова или всего два-три, а между тем его популярность огромна. Его читают без конца, зачитывают до дыр, до клочьев, что не мешает опять его перечитывать, ибо знают его почти наизусть и потерянное восстанавливают по памяти.

Прошло 130 лет со дня его опубликования, а поток изданий «Конька» не прекращается: выходят большие, выходят малые, иллюстрированные и без рисунков, роскошные и бедные, в столицах и провинциальных городах, как при царях, так и в советское время. И есть все основания думать, что «Конек» окончательно вошел в число «бессмертной» литературы.

Много ли стихотворных произведений разделяют судьбу «Конька»? Значительная их часть вспыхивает ярким светом, но через пять-десять-двадцать лет тускнеет и вовсе потухает.

«Одессу звучными стихами поэт Туманский описал...»

Скажите: кто из нас знает этого Туманского и его стихи? А ведь рекомендация Пушкина чего-нибудь да стоит! Сколько не только отдельных произведений, но авторов целиком преданы забвению!

Почему же «Конек» не увядает? Потому что это лучшая русская сказка в стихах. Она бессмертна. И наш грех,

что мы только читаем «Конька», но его не изучаем, хотя он заслуживает, как образец, гораздо более внимания, чем некоторые авторы, вошедшие в курс русской литературы. Мы не должны проходить безучастно мимо фактов, которые говорят сами за себя. Во-первых, «Конек» добился того, чего не удостоились многие блестящие образцы русской литературы: он вошел в народ, он принят народом как эпическое произведение.

Еще в прошлом столетии он был неперменным предметом торговли на лотках, у коробейников, на базарах и ярмарках в самых диких, отдаленных уголках. Он был одним из любимейших произведений в скромной библиотеке черного, трудового народа, едва ставшего на путь грамотности.

Успех «Конька» был так велик, и так он был близок народу, что его использовали даже для политических целей: появились издания под тем же заглавием и с теми же рисунками, но... с несколько иным содержанием, остро направленным против государственного строя. Не слишком-то грамотные урядники и полицейские пропускали эти книжечки, маскировавшиеся под «Конька», а народ поглощал оба сорта этого произведения.

Во-вторых, «Конек» настолько совершенен по своей форме и содержанию, что принят как народное, безымянное произведение, и не всякий скажет, что написал «Конька» Петр Павлович Ершов (1815–1869). Своим замыслом, формой, языком, наконец, духом «Конек» принадлежит народному эпосу, поэтому его невольно туда и относят, забывая его настоящего автора. Такой чести удостоились очень немногие произведения русской литературы.

Ошибка литературоведов заключается в том, что они недоучли совершенства «Конька». Дело не в том, что это сказка, что большинство её читателей дети, а в том, *какая это сказка.*

Прежде всего великолепен, образен и легок ее язык,— это образцовое произведение, на котором может отточить свой вкус любой, даже первоклассный писатель. Известно, что Пушкин восторгался «Коньком», и нам кажется, что его сказки слабее ершовского «Горбунка».

Далее, план и техника приемов народной сказки безукоризненны и образцовы. Сказка состоит из трех частей.

Каждая из них имеет своего рода заповку и концовку, в них использованы образы и отрывки из настоящих народных сказок. Все приемы народного творчества нашли в «Коньке» свое типичное отражение. Эта народность, понимание эпоса настолько совершенны, что вовсе оттеснили имя автора.

Ершов, далее, чутко уловил основную черту русского народного эпоса — легкую, добродушную насмешку, ласкающую иронию. Так шутят над ребенком, которого любят. Вот эта-то незлобивая насмешка проникает всю сказку и делает ее живой, народной, проникнутой теплым чувством и художественной.

Не следует думать, что фантазия, занимательность перекрывают все, «Горбунок» гораздо глубже, чем кажется: в нем заложена основная мораль русского народа — *правда торжествует*, с ней можно прожить всю жизнь и не уступить темным силам.

Наконец, поражает в «Коньке» необыкновенная тонкость отделки, ажурность работы. Ершов не излагает ровно, последовательно, педантически, он дает только отдельные тонкие детали для характеристики героев, одни намеки. Остальное все дорисовывается фантазией читателя. О поучительности, пережевывании не может быть и речи — все ярко, живо и кратко. Примеры ниже покажут это.

Обратимся к герою сказки: он Иванушка-дурачок, но за этой вывеской скрывается нечто серьезное: народ любит Иванушку прежде всего потому, что он видит в нем самого себя. Одно имя уже говорит за то, что речь идет тут о чем-то общем, типичном, объединяющем множество. Иванушка глуповат, но зато честен:

*Хоть Ивана вы умнее,
Да Иван-то вас честнее:
Он у вас коней не крал...*

говорит Иванушка двум своим более удачливым братьям и этим подчеркивает одну из основных черт своего характера — честность.

Иванушка, кроме того, добр, и на зло, интриги врага отвечает незлобивостью. Он терпеливо переносит все невзгоды, которые сыплются на его голову, невзгоды, вызванные завистью врага.

Иванушка, как и народ, полон жизненной мудрости.

Он верит в победу правды и знает, что «жизнь прожить — не поле перейти». Он силен своими душевными силами, хоть может быть и не очень силен умом. Народ это понимает и прощает ему это.

Иванушка описан ярко и образно, но чуть намеченными штрихами, великолепно отражающими, однако, его психологию, и в этом замечательное искусство Ершова. Вот он лежит под корытом и наблюдает невиданных жар-птиц:

*Фу-ты, дьявольская сила,
Эк, их, дряни, привалило,
Чай, их тут десятков с пять!*

Ершов явно смеется над простотой Иванушки, удивляющегося не самим необыкновенным жар-птицам, а количеству их, количеству этой, по его выражению, «дряни». Иванушку ничем не удивишь, от него «ох» да «ах» не услышишь, он не растеряется ни перед каким дивом и на все смотрит со своей твердой мужицкой точки зрения: раз птица не полезна,— значит, дрянь.

Вот Иванушка увидел сквозь дырку в шатре Царь-девицу, воплощение красоты и грации. Его, конечно, удивили маленькие ножки красавицы и вызвали его критическое замечание:

*А ножонка-то, ножонка,
Тьфу-ты, словно у цыпленка!..*

Ясно, что Иванушка более склонен к корпулентной красоте. Недаром он дальше говорит Месяцу:

*Всем бы, кажется, красotka,
Да у ней, кажись, сухotka:
Ну, как спичка, слышь, тонка,
Чай, в обхват-то три вершка.
Вот как замуж-то поспеет,
Так, небось, и потолстеет...*

И здесь мужицкое, народное нутро Иванушки выявлено великолепно. Вот Иванушка в гостях у Месяца и передает тому поручение Царь-девицы. Ни читать, ни писать он, конечно, не умеет и передает послание наизусть. Но, ведь, он — дурачок,— где ему все запомнить слово в слово, поэтому он и говорит:

*Ты скажи моей родной:
Дочь ее узнать желает,
Для чего она скрывает*

*По три ночи, по три дня
Лик... какой-то от меня...*

А нужно было сказать: «Лик свой *ясный* от меня».

Маленький штришок, и туповатость Иванушки очерчена вполне. Но какое мастерство — привести вариант сказанного далеко впереди, чтобы мимоходом, незаметно, бегом отметить еще какую-то черту Иванушки!

Однако, туповатость Иванушки не мешает ему следовать долгу: именно он, а не его разумные братья, не отлынивает от караула ночью. Поэтому все симпатии читателя, конечно, на стороне Иванушки.

Великолепно описан царь и его окружение, а также дано почувствовать отношение автора сказки к царю. Вот царь покупает у Иванушки коней:

*Что в промен берешь добра?
— Два-пять шапок серебра!
— То есть это будет десять.
Царь тотчас велел отвесить.
И по милости своей
Дал в прибавок пять рублей.
Царь-то был великодушный!*

Сколько добродушной издевки в одном только слове «великодушный»! Ершов здесь отметил еще одну черту народа: народ всегда относится скептически к власти, *какой бы она ни была*.

В характеристике действующих лиц в «Коньке» есть порядочно от балагана, намеренного упрощенчества. Вот кит узнает, что кольцо Царь девицы, вероятно, может найти только бродяга и забияка Ерш.

*Разыскать его в минуту
И послать ко мне в каюту,—
Кит во гневе закричал,
И усами закачал.*

Смехотворность картины усиливается тем, что никаких усов у кита нет; то, что называют «китовым усом», на самом деле его зубы. Но на то и сказка, чтобы она не была ученым трактатом о животных.

Такое же смешное представление и «каюта», в которой пребывает кит. Здесь нарочитое объединение «морских» представлений: морского животного и морского «жилья».

Замечателен конец сказки. Царь-девица говорит:

*«Царь велел вам долго жить!
Я хочу царицей быть.
Люба-ль я вам? Отвечайте!
Если любя, то признайте
Володетелем всего
И супруга моего!»
Тут царевна замолчала,
На Ивана показала.
«Люба, любя! — все кричат —
За тебя хоть в самый ад.
Твоего ради талана
Признаем царем Иваном!..»*

И здесь намеренный примитив, шутка, балаган. Но зато вы так и чувствуете, как толпа *орет*: признаем царем Ивана!..

Особенно хорош язык сказки: яркий, образный, необыкновенно красивый. Ершов орудует им, как совершеннейший артист.

*Царь, прищурясь глазом левым,
Закричал ему со гневом,
Приподнявшись: «Молчать!
Ты мне должен отвечать:
В силу коего указа
Скрыл от нашего ты глаза
Наше царское добро —
Жаро-птицево перо?!»*

Какая яркость, простота и смелость в этом новотворчестве! Это — новотворчество, но несомненно, на самом естественном, народном основании.

А вот перл образности. Иванушка, наконец, схватил Царь-девицу:

*«Ой, беги, конек беги!
Горбунок мой, помоги!»
Вмиг конек к нему явился.
«Ай, хозяин, отлучился!
Ну, садись же поскорей,
Да держи ее плотней!»*

Можно себе представить, как «плотно» держал ее Иванушка.

Чудесные выражения рассыпаны по всей сказке: «Скоро сказка говорится, дело *мешкотно* творится»; «Тут конек

пред ним ложится. На конька Иван садится, уши *взагреби берет*»; «Вдруг приходит дьявол сам, с бороною *и с усам*». Отмечать такие выражения значит почти-что переписывать всю сказку.

Присутствие их в устах Ершова понятно: Ершов — сибиряк, а известно, что наиболее чистый, архаический язык уцелевает именно в изоляции, сибиряки принесли с собой еще язык Ермака.

А вот образец описания природы:

*Тихо море-окиян.
На песке сидит Иван,
Ждет кита из синя моря
И мурлыкает от горя.
Повалившись на песок,
Дремлет верный горбунок.
Время к вечеру склонилось.
Вот уж солнышко спустилось.
Тихим пламенем горя,
Развернулася заря.
А кита не тут-то было...*

Разве вы не видите картину вечера и не чувствуете напряженности ожидания?

* * *

Итак, «Конек-Горбунок» — замечательное произведение русской литературы. Но знаем ли мы его так, как он заслуживает? Нет! Издали ли его мы так, как надо? Нет!

Несмотря на то, что вышли десятки изданий, среди них нет ни одного научно-критического. Но главное — в этих изданиях имеются значительные расхождения и, что особенно печально, новейшие издания текстуально *значительно хуже более старых*. Самым лучшим, сколько можно судить, было лубочное издание, написанное гораздо более красочным языком. К сожалению, при сравнении мы можем следовать только своей памяти.

В новейших изданиях:

*За горами, за лесами,
За широкими морями,
Не на небе — на земле
Жил старик в одном селе.*

У крестьянина три сына...

В старых изданиях:

*За горами, за долами,
Да за синими морями,
Против неба, на земле
Жил старик в одном селе.
У старинушки три сына...*

Сравнение явно не в пользу новейших изданий: горы всегда противопоставляются долам и образуют некоторое поэтическое единство. Море во всем русском эпосе не «широкое», а «синее»: «сине-море» былин, синим называется море и в «Коньке».

«Не на небе — на земле» новейших изданий нелепо и некрасиво, зато совсем иначе звучит «против неба — на земле»: оригинально и чисто народно, похоже на: «знать столица та была недалеко от села». Прелесть в неожиданности, необычности и, вместе с тем, верности сравнения. Здесь тоже единство в сравнении: твердь небесная и твердь земная. Но тупое ухо современных редакторов вовсе не улавливает поэтического единства, а знания народных представлений у них нет.

И уж, конечно, не «у крестьянина» три сына. а у «старинушки», ведь только что был упомянут старик, а не крестьянин. «Крестьянин» — это слово для статистического отчета, а не для поэзии. Слово «старинушка» здесь настоящая музыка. Если уж редакторы взялись модернизировать «Коньку», то могли бы написать: «у колхозника три сына»... Вообще слово «крестьянин» в «Коньке» отсутствует.

Припоминается и расхождение в рефрене, касающееся царского гнева на Иванушку.

В новейших изданиях:

*То клянуся бородой!
Где-нибудь, хоть под водой,
Посажу тебя я на кол.
Вон, холоп! Иван заплакал...*

В старых изданиях:

.....
.....
*На правез, в решетку, на кол!
Вон, холоп! Иван заплакал...*

Таких примеров расхождений можно привести больше. Объясняются они тем, что некоторые редакторы осмелились *пересказывать* «Конька» своими собственными словами. Конечно, это совсем недопустимо.

Говоря о научном издании «Конька», мы, однако, не имеем в виду такого рода издания, когда редактор слепо следует какой-то единственной рукописи-оригиналу. Часто рукопись — оригинал вовсе не *действительный*, а только казенный, выхолощенный цензурой оригинал. Задача редактора, — по возможности, *восстановить* оригинал.

Во-вторых, нередко автор в последующих изданиях вставляет ранее исключенное цензурой, либо вообще вносит поправки.

Наконец, есть вообще право поправок. Даже величайшие произведения не лишены некоторых шероховатостей, удаленных впоследствии уже не автором, а большей частью, неизвестными лицами. В некоторых случаях это бесспорно улучшает оригинал. Приведем несколько примеров. В оригинале стихотворения:

*От Севильи до Гренады
В тихом сумраке ночей
Раздаются серенады,
Раздается стук мечей.*

Певцы скоро поняли прозаичность подчеркнутого слова и стали петь: «Раздается *звон* мечей»... Исправление, несомненно, более удачно, чем в оригинале. Поэт писал: «Осень... Обсыпается весь наш бедный сад». Теперь так не говорят: «осыпается». Такая замена совершенно оправдана.

Пример из области музыки: в конце арии Лизы на Канавке в опере «Пиковая дама», во фразе: «Тоска грызет меня и гложет» последнее слово кончается на одной ноте, но певцы разделяют и поют: «и гло-» и далее октавой вниз «жет». Получается гораздо красивее, хоть и не так, как у Чайковского. Эти примеры — законные вольности, вытекающие из стремления к совершенству.

В особенности они уместны в произведении, имеющем характер народного эпоса, над чеканкой их трудилось множество людей. Издание «Конька» должно быть научно-критическим, нам нужен не издатель вроде нотариуса, а литературовед со вкусом и знанием дела. И мы должны

знать, что и почему исправлено. Исправления же вместо «старинушки» на «крестьянина» просто оскорбительны.

* * *

Заговоривши о «Коньке», нельзя умолчать о странной судьбе его автора. «Конек-Горбунок» был написан Ершовым под влиянием сказок Пушкина 19-летним юношей! Это была вспышка гения. Несмотря на то, что Ершов имел возможность писать и писал, все его остальные произведения давным-давно забыты и никому не известны.

Причина понятна: Ершов писал другие свои произведения, подражая бледному стилю ложноклассицизма. Он не понял своего таланта, он был силен своей близостью к народу, только благодаря этому он мог дать такую тонкую, изумительную вещь, которая переживет века. Оторвавшись от народа, Ершов оказался только жалкой посредственностью. И не нашлось никого, кто указал бы ему правильный путь. Народные сказки, былины — вот была область, в которой он, безусловно, мог дать много, но ни он, ни другие не заметили, что и этот род литературы имеет большое значение. И так больно, что за таким блестящим началом ничего дальше не последовало.

* * *

Этой статьей автор имел намерение не только обратить внимание на 130-ую годовщину «Конька», напомнить о существовании этого перла русской литературы, но и просить у публики поддержки. Автор имеет намерение издать «Конька-Горбунок» в более верном виде, чем сделано это новейшими изданиями, но у него нет старых изданий, в особенности лубочного. Да не поленятся любители русской словесности, если у них случайно сохранилось старое издание «Конька», завернуть его и переслать через редакцию автору. Издание будет использовано и возвращено владельцу в самом скором времени в целости и сохранности, иногда достаточно двух-трех минут, чтобы убедиться, отличается ли данное издание от тех, которые находятся на руках у автора. Стоит лишь взглянуть на первую страницу, чтобы решить к какому роду изданий отно-

сится данное. Если начинается: «за горами, за долами» — значит издание старое, но и в старых были расхождения, их-то автору и нужно установить. Само собою разумеется, что содействие такому новому изданию «Конька» было бы наилучшей формой нашей признательности Ершову за сказку, которую читает с одинаковым интересом и старый, и малый. Если *там* на юбилей «Конька» никто не обратит внимания, то это нужно сделать *здесь*.

Литературно-художественное издание

Сдано в набор 21.05.98.
Подписано в печать 21.07.98.
Формат 60х90/16.
Гарнитура «Петербург».
Бумага офсетная.
Печать офсетная. 256 стр.

ЗАО «РИК Русанова»
103006 Москва. ул. Садовая-Триумфальная, 12 — 14

Лицензия № 065590 от 25.12.97 г.